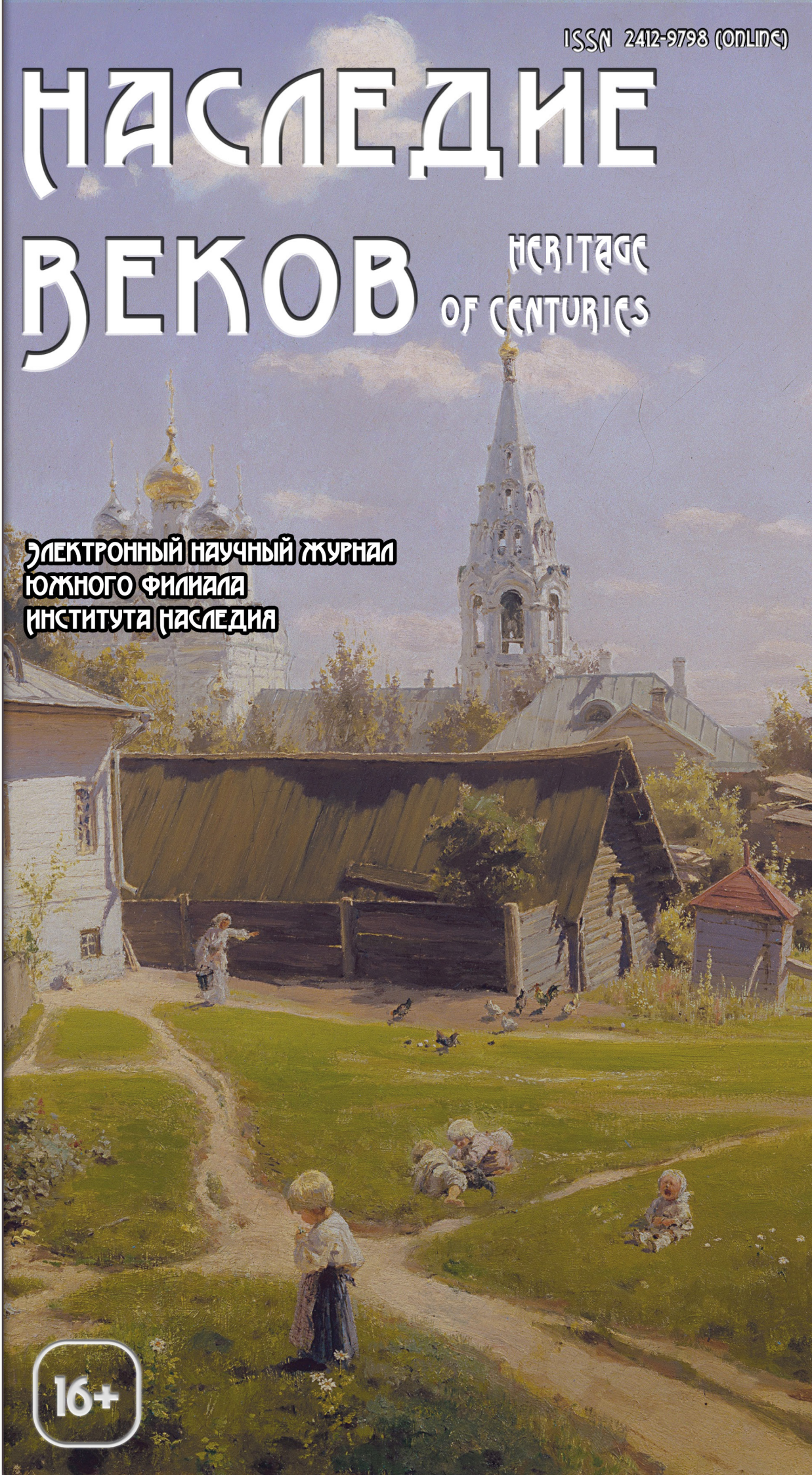
ISSN 2412-9798 (ONLINE)

№ 2
2025

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ



16+

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798
20252
0 772412 979892

№ 2 (42) ● 2025

16+

К2

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

DOI PREFIX: 10.36343 ISSN 2412-9798 (ONLINE)

Издается с 2015 года

УЧРЕДИТЕЛИ:
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»
129366, Москва, Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»
350063, Краснодар, ул. Красная, д. 28

ИЗДАТЕЛЬ:
Южный филиал ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»
350063, Краснодар, ул. Красная, д. 28

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции:
350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 25
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Номер сверстан: 29.06.2025
Размещен в сети Интернет: 30.06.2025

Главный редактор:
ГОРЛОВА
Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

Заместитель главного редактора:
КОВАЛЕНКО
Тимофей Викторович,
кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

Выпускающий редактор:
КРЮКОВ
Анатолий Владимирович,
кандидат исторических наук, ученый секретарь Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление журнала, макет. Южный филиал Института Наследия, 2025

Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы — доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, *Баку, Азербайджанская Республика*

АКАЕВ Вахит Хумидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, *Грозный, Российская Федерация*

АЛЕКСЕЕВА Галина Васильевна — доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, *Владивосток, Российская Федерация*

АРАКЕЛОВА Александра Олеговна — доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, *Москва, Российская Федерация*

БОЛААН Маицео Мгадла — PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, *Габороне, Республика Ботсвана*

ВЛАДИМИРСКИ Ирена — PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, *Ахва, Государство Израиль*

ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич — доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, *Грозный, Российская Федерация*

ЕГОРОВ Владимир Константинович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *Москва, Российская Федерация*

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, *Краснодар, Российская Федерация*

КИТОВ Юрий Валентинович — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, *Москва, Российская Федерация*

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович
доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР Капил
профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу,
Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА Ирина Валентиновна
доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА Кристиан Джон
Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны,
Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна
доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета,
Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ Олег Владимирович
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора,
Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН Олег Петрович
доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна
Ph. D. в области политологии, старший преподватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета,
Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна
доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ведущий научный сотрудник Научно- образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация

ПАТИНЬО
Хуан Карлос
доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико,
Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао
профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада,
Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК
Валерий Николаевич
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ
Анатолий Измаилович
доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы,
Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК
Кирилл Евгеньевич
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ
Эртегин
доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана,
Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА
Алла Николаевна
доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

ШЛЫКОВА
Ольга Владимировна
доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

K2

NO. 2 (42)

2025

HERITAGE OF CENTURIES

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

DOI PREFIX: 10.36343

ISSN 2412-9798 (ONLINE)

Published since 2015

Editor-in-Chief: Irina I. **GORLOVA**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief: Timofey V. **KOVALENKO**
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

Managing Editor: Anatoly V. **KRYUKOV**
Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

FOUNDERS:
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
3, 18-20-22 Bersenevskaya embankment, Moscow, Russian Federation, 129366

Autonomous Not-for-Profit Organization Center for Intellectual Development and Patriotic Education "Native traditions"
28 Krasnaya Street, Krasnodar, Russian Federation, 350063

PUBLISHER:
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
28 Krasnaya Street, Krasnodar, Russian Federation, 350063

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019
issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Editorial Office:
Address:
Office 25, 28 Krasnaya Street, Krasnodar, Russia, 350063
Telephone: +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal are those of the authors, and do not necessarily coincide with those of the Editors, the Editorial Board or the Publications Council.

Imposed on 29 June 2025
Published online on 30 June 2025

By Order of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation No. 21-r of 12 February 2019, the electronic scientific journal *Heritage of Centuries* was included into the List of Reviewed Scientific Journals in which main scientific results of dissertations for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral (Dr. Sci.) degrees should be published.

Content is distributed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Journal design and layout. Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2025

Available at no fixed price

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi **ABDULLAYEVA**
Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh. **AKAEV**
Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozny, Russian Federation

Galina V. **ALEKSEEVA**
Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

Aleksandra O. **ARAKELOVA**
Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M. **BOLAANE**
PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana,
Gaborone, Republic of Botswana

Vladimir K. **EGOROV**
Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

Anna N. **EREMEEVA**
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation

Shakhrudin A. **GAPUROV**
Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic,
Grozny, Russian Federation

Yuri V. **KITOV**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation

Aleksandr A. **KUDRYAVTSEV**
Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation,
Stavropol, Russian Federation

Kapil **KUMAR**
Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies,
New Dehli, Republic of India

Irina V. **KUPTSOVA**
Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Christian John **MAKGALA**
MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana,
Gaborone, Republic of Botswana

Irina V. **MALYGINA**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

Oleg V. **MATVEEV**
Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir,
Krasnodar, Russian Federation

Oleg P. **NERETIN**
Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Marina S. **NISTOTSKAYA**
PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg,
Gothenburg, Kingdom of Sweden

Nadezhda Kh. **ORLOVA**
Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture), Prof., Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
Saint Petersburg, Russian Federation
Educational Center “Humanitarian Urbanistics”, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation

Juan Carlos **PATIÑO**
Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State,
Toluka, United Mexican States

Jandhyala **PRABHAKARA RAO**
Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad,
Hyderabad, Republic of India

Valeriy N. **RATUSHNYAK**
Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation,
Krasnodar, Russian Federation

Anatoliy I. **RAKHAEV**
Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship,
Nalchik, Russian Federation

Kirill E. **RYBAK**
Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation

Ertegin **SALAMZADE**
Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan

Olga V. **SHLYKOVA**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

Alla N. **SOKOLOVA**
Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation

Irena **VLADIMIRSKY**
Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College,
Achva, State of Israel

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ 13

М. А. Урюпина
Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение 13

Е. А. Бетоева
VR-среда в парадигме метамодернизма: генезис гибридных моделей социокультурного взаимодействия 42

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ 56

Е. Г. Наумова
Репрезентация национального наследия Беларуси в педагогической работе образовательных учреждений сферы культуры: перспективы и ограничения 56

МИР ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ 68

Чжэн Сяои, Г. В. Алексеева
Иммерсивная художественная интерпретация шелкового узора Сучжоу: диалектика утраты и регенерации «ауры» 68

М. А. Назаров
Политическая сатира как инструмент переосмысления «красной угрозы» в американском кинематографе 1960-х годов 80

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ 90

Т. А. Зотова
К истории российской концепции «живого музея»:
малоизученные природные прообразы конца XIX – первой трети XX века 90

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ 104

Г. Н. Керцева
Исследователь, педагог, организатор науки: вклад Л.П. Семёнова
в археологическое и этнографическое изучение
Северного Кавказа (1920–1930-е годы) 104

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

CONTENTS

ANTHROPOLOGY OF CULTURE **13**

Marina A. Uryupina
Lyrics of Soviet Filitary Personnel – Participants in the Armed Conflict in Afghanistan (1979–1989): Axiological Dimension 13

Elizaveta A. Betoeva
VR Environment in the Metamodern Paradigm: The Genesis of Hybrid Models of Sociocultural Interaction 42

HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS **56**

Elena G. Naumova
Representation of the National Heritage of Belarus in the Pedagogical Work of Educational Institutions in the Field of Culture: Prospects and Limitations 56

THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY **68**

Zheng XiaoYi, Galina V. Alekseeva
Immersive Artistic Interpretation of Suzhou Silk Pattern: Dialectics of Loss and Regeneration of "Aura" 68

Maksim A. Nazarov
Political Satire as a Tool for Rethinking the Red Scare in American Cinema of the 1960s 80

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES **90**

Tatyana A. Zotova
On the History of the Russian Concept of the "Living Museum":
Under-Researched Natural Prototypes
of the Late 19th – First Third of the 20th Century 90

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES **104**

Galina N. Kertseva
Researcher, Scientific Organizer, Teacher:
Leonid Semyonov's Contribution to the Archaeological
and Ethnographic Study of the North Caucasus (1920s–1930s) 104

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

УРЮПИНА Марина Анатольевна
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А. К. Серова,
Краснодар, Российская Федерация
dma101@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3333-2808

УДК/UDC: [398.81+784.66+784.71]:17.022.1:[341.79: 379.825](581+47+57)
ГРНТИ: 13.11.27
ВАК: 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.001

Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение

Аннотация. Автор анализирует песенное и поэтическое творчество советских военнослужащих – участников конфликта в Афганистане (1979–1989) с целью определить аксиологическую значимость лирики воинов-интернационалистов через исследование истоков, сущности, поэтики, ключевых архетипов и функций их творчества в различных аспектах. Корпус материалов составили работы отечественных философов, культурологов и литературоведов, дневники и электронные поэтические сборники участников конфликта. Определено, что ценностный аспект фронтовой лирики воинов-интернационалистов находит свое выражение в трех основных аспектах: этическом, этнополитическом и военно-профессиональном. Установлена устойчивая преемственность духовно-нравственных ориентиров, определяющих этос русского воинства. Автор заключает, что в «афганской» лирике находят отражение непрерывная связь между поколениями и базовые мировоззренческие принципы, формирующие национальную идентичность, традиционно свойственную русской культуре.

Ключевые слова: вооруженный конфликт в Афганистане, Афганская война, авторская песня, творчество воинов-интернационалистов, В. Верстаков, В. Гайлин, Ф. Бокарев.

© Урюпина М. А., 2025

В бою за матушку-Расею,
Коль надо, голову сложу.
Служить Отчизне честь имею,
Поправшим совесть не служу

Владимир Кошелев

Введение. Актуальность темы исследования определяется рядом факторов, среди которых главенствует идея о том, что реалии современного мира подводят общество к необходимости переосмысления подхода к культурной самобытности, национальной и гражданской идентичности. Эта необходимость была обоснована Президентом России В. В. Путиным в его речи на «Валдайском форуме» (2023), на встречах с историками, в обращении к гражданам России (февраль, 2024), а также в Указе № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [44]. В этих выступлениях и документах главой российского государства сделан акцент на необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей народа России, к которым относятся права человека, его достоинство, возможность служить Отечеству и другие ценности, являющиеся своеобразным ориентиром для граждан и передающиеся из поколения в поколение.

Кроме того, актуальность изучения проблем, связанных с гражданской идентичностью, обусловлена текущим геополитическим кризисом и необходимостью усиления значимости России на мировой арене. Динамично трансформирующийся международный ландшафт и усложнение системы отношений между ведущими мировыми державами придают данным исследованиям особую ценность. Актуальность исследования обусловлена в том числе необходимостью защиты национальных интересов в информационном пространстве путем противодействия развернутой против России пропагандистской кампании и гибридным угрозам, направленным на дестабилизацию внутреннего состояния страны.

В условиях роста общественного интереса к российской военной поэтической и песенной культуре философско-культурологическое изучение данной проблематики, выявление ее содержания с учетом новых реалий, будет способствовать укреплению государственности и упреждению различных политических потрясений. Духовная самобытность военной лирики важна для общества, поскольку порождаемые ею смыслы побуждают к служению Отечеству, консолидируют нацию, несут заряд оптимизма и лирических эмоций, осознаваемых и разделяемых несколькими поколениями, способствуют предотвращению личностного распада, формированию чувства сопричастности историческому прошлому. Изучение военной лирики актуально также с точки зрения ее психологической и национально-патриотической роли в воспитании личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, в повышении авторитета армии, особенно в современных условиях.

Исследование творчества участников различных конфликтов имеет особое значение в современном мире. Абсолютно согласны с мнением Н. А. Лебедевой [32] о том, что необходимо изучать военно-патриотическое творчество для воспитания молодежи, в среде которой, по данным социологических опросов, на современном этапе в России обострилась проблема ценностных ориентаций. По мнению В. Л. Артемова, в настоящее время у молодых людей наблюдается тенденция к снижению «стремления к самосовершенствованию и самоактуализации, интереса к событиям в стране, к активной гражданственности», выявлено «пренебрежительное отношение к русскому, российскому, к историческим ценностям нашего народа, полное невежество относительно российской истории, культуры, литературы, всего, что является носителями ценностей русскости» [1, с. 451].

В России уровень научной разработанности проблем, связанных с культурологическим анализом фронтовой лирики, а именно «афганских» песен и стихов, весьма слаб, исследования носят фрагментарный характер. Имеющиеся работы можно разделить на группы по нескольким критериям.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

Прежде всего, необходимо выделить публикации, посвященные общему анализу военной песни XX в., в которых «афганская» лирика рассматривается как один из ее элементов. К таким исследованиям относятся труды Н. А. Колесниковой [30], рассматривающей военную песню как культурологический феномен с акцентом на выявление ее роли и значения в духовной жизни общества на различных этапах исторического развития. Феномен авторской песни, унаследовавший многие черты фольклорной традиции, становится предметом пристального анализа в трудах Е. Н. Хомутовой [72] и Л. П. Беленького [4], делающих акцент на выявлении элементов преемственности между этими двумя культурными явлениями. Однако «афганская» лирика для этих авторов не является центральным объектом исследования и рассматривается в контексте более широкой историко-литературной картины.

Вопросам роли военной песни в военно-патриотическом воспитании личного состава российской армии, в укреплении воинских традиций и увековечивании ратных подвигов посвящены исследования ряда авторов. В частности, вклад военной песни в формирование духовного мира военнослужащих и патриотическое воспитание молодежи рассматривается в работах С. В. Хмелевского [71], К. С. Чупракова [82], А. В. Луконина [41], Е. Ю. Ивановой и А. И. Игнатовой [26] и др. Анализ работ перечисленных авторов демонстрирует отчетливую тенденцию к усилению исследовательского интереса к феномену военной песни как части военно-патриотического дискурса. Данное явление, вероятно, связано с ее значимой ролью в формировании коллективной памяти и национальной идентичности. Военная песня, как показывает ряд исследований, выступает не только средством выражения чувств и переживаний, связанных с военной службой и боевыми действиями, но и важным инструментом идеологического воздействия и мобилизации.

Третью группу составляют работы, рассматривающие Афганскую войну преимущественно в контексте прозы и журналистики. О. Ю. Поляков и О. А. Полякова [48] сделали аналитический обзор репрезентации Афганской войны в советской и постсоветской литературе. Фокус данного исследования сосредоточен на прозаических произведениях и публицистике российских и зарубежных авторов, что, однако, оставляет за рамками анализа поэтические тексты, посвященные изучаемой тематике. Н. Н. Осиповым [46] дана характеристика ведущих тем, проблем и образов «афганской» прозы в творчестве современного чувашского прозаика А. Хмыта.

Четвертая группа включает работы, непосредственно посвященные анализу поэтического и песенного творчества воинов-«афганцев». Это исследования П. И. Ткаченко [64] [65] [66], В. Н. Морозова [42], А. В. Звонова [24], Т. А. Пономаревой [49] и А. А. Зорькина [25]. Часть представленных работ, преимущественно биографического характера, создана непосредственными участниками и свидетелями Афганской войны, среди которых следует выделить авторов-исполнителей, таких как Е. В. Бунтов [10] и В. Г. Верстаков [14]. Большую часть исследований составляют работы молодых ученых, аспирантов и студентов.

Значительный вклад в изучение творчества участников Афганской войны сделал В. А. Липатов [34] [35] [36] [37]. Благодаря его усилиям была сформирована коллекция, состоящая примерно из 2 000 записей «афганских» песен. Она хранится в фольклорном архиве Уральского государственного университета. Объектом изучения были сборники песен, опубликованные в разные периоды, компакт-диски, пластинки фирмы «Мелодия», личные встречи с участниками событий 1979–1989 гг., их записные книжки. В. А. Липатов в рамках своей классификации разделил песенники на две отчетливые группы, основываясь на доминирующих функциях, которые они выполняют. Первая группа включает сборники, ориентированные на социальную функцию. Для них характерны лаконичное оформление и отсутствие строгой систематизации содержания, что отражает их предназначение для широкого и свободного использования в социуме. Вторая группа представлена песенниками, отличающимися особым графическим и каллиграфическим исполнением. Содержание таких сборников составляют тщательно подобранные произведения,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

выполняющие мемориально-информативную функцию – сохранение памяти о событиях или личностях [34, с. 38–53]. В. А. Липатов считал, что после окончания Великой Отечественной войны «афганские» песни стали первой значительной волной в истории отечественного фольклора. Данное явление аккумулировало в себе элементы дореволюционных и советских фольклорных традиций, что свидетельствует о преемственности и трансформации культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов [36, с. 112].

Культурологический аспект рассматриваемого явления был исследован Н. А. Лебедевой [32]. Она подчеркивает, что творчество воинов-интернационалистов есть «…непревзойденное явление мировой культуры» [32, с. 5], а их самих называет творцами «истории отмеченного периода» [32, с. 5]. В монографии рассмотрены предпосылки формирования культурного наследия воинов-«афганцев», детально анализируется деятельность военных, сочетающих в себе талант художника и поэта, создавая тем самым синтез визуального и вербального выражения [32, с. 81–84].

Важное историографическое значение имеют работы Е. С. Сенявской. Созданная ею и соавторами программа рассчитана на участников всех вооруженных конфликтов XX в. На основе вопросника было проведено интервьюирование, в том числе ветеранов Афганской войны, чьи «воспоминания-интервью имеют особое значение, поскольку другие виды источников личного происхождения по этому периоду, во-первых, менее доступны (не успели отложиться в архивах), а во-вторых, не столь информативны и объективны, так как с самого начала эта война была “необъявленной”, “тайной”, и действовавшая на ней военная цензура оказалась более жесткой, чем даже в период Великой Отечественной» [58, с. 28]. Для решения задачи целенаправленного создания совокупности источников личного происхождения (воспоминаний), особым образом организованных для раскрытия конкретных, прежде всего, психологических проблем, авторским коллективом было проведено два вида историко-социологических исследований: глубокое интервью и анкетирование.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных работ, в российской науке комплексного анализа фронтовой лирики, посвященной Афганской войне, пока не представлено. Недостаточно изученными остаются вопросы генезиса, эволюции, жанровой системы и поэтики «афганских» песен и стихов. Отсутствует целостное представление о месте «афганской» лирики в контексте русской военно-патриотической песни и поэзии XX в.

Современные авторы уделяют некоторое внимание анализу военной лирики советских воинов в период военных конфликтов XX в. Среди этих исследователей специалисты из разных научных областей знания: психологи, филологи, политологи, историки, культурологи и др., но, к сожалению, попыток дать философско-культурологическую оценку феномену солдатской песни практически не было.

Цель исследования – выявить и обосновать аксиологическое значение лирики советских воинов-интернационалистов через анализ генезиса, содержательных доминант, художественных особенностей, ценностно значимых архетипов и социокультурных функций их песенного творчества как феномена самоописания, культурной памяти и неформальной духовности.

Объект исследования – эстетико-аксиологическое содержание традиций отечественной военной песенной и поэтической культуры. Предметом исследования выступает специфика ценностных доминант и архетипов в лирике советских воинов-интернационалистов как части отечественной военной песенной традиции.

Материалами исследования стали аутентичные сборники стихов и песен участников афганской кампании (главным образом бойцов 40-й общевойсковой армии (40-я ОА), входившей в состав ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан), публицистические произведения, опубликованные в печатных изданиях и сети Интернет, работы философов и культурологов.

Анализ и объяснение творчества воинов-интернационалистов осуществляется с позиции философско-культурологического

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

подхода, акцентирующего внимание на этико-аксиологическом содержании исследуемого контента.

Семиотический метод применялся для выявления глубинных смыслов и знаковых систем, лежащих в основе художественного творчества воинов-интернационалистов. Данный подход позволяет рассматривать песни и стихи не просто как личные переживания, но и как сложные семиотические структуры, отражающие коллективный опыт, ценностные ориентации и этические нормы. Использование семиотического анализа обусловлено тем, что Афганская война, представляющая собой сложный социокультурный феномен, оказала глубокое влияние на формирование мировоззрения солдат и офицеров. Их творчество, таким образом, становится носителем особого кода, расшифровка которого позволяет понять специфику восприятия войны, патриотизма, товарищества, долга и моральных дилемм. В качестве теоретической базы семиотического анализа были использованы работы ученых: Ю. М. Лотмана [40], Р. Барта [3], Ч. С. Пирса [47], Л. Д. Гудкова [20]. Ю. М. Лотман рассматривал культуру как знаковую систему, способную хранить и передавать информацию. Р. Барт исследовал, как знаки и символы формируют наше понимание мира, особенно в контексте мифов и литературы. Ч. С. Пирс разработал трехкомпонентную модель знака (представитель, объект, интерпретанта), которая позволяет анализировать структуру и функционирование знаковых систем. Л. Д. Гудков рассматривал культуру в качестве комплексной семиотической структуры, в которой социальные феномены, действия индивидов, художественные артефакты и иные объекты обретают специфические смыслы и подвергаются интерпретации в рамках установленных культурных кодов. В этой концепции акцент делается на символической обусловленности социальных процессов и необходимости учитывать контекстуальные факторы при анализе культурных явлений. Таким образом, семиотический метод позволил выявить глубинные смыслы, знаковые системы и ценностные ориентации, отраженные в творчестве воинов-«афганцев», и понять специфику их восприятия войны и мира.

Герменевтический метод, который представляет собой сложный многослойный процесс интерпретации художественных текстов, позволил «расшифровать» скрытый (межстрочный) смысл фронтовой солдатской поэзии и песни. Основанный на концепциях, разработанных такими философами, как Х.-Г. Гадамер [15] и П. Рикёр [51], данный методологический инструмент предлагает многогранный подход к интерпретации текста. Он включает в себя изучение контекста создания произведения, а также его восприятия читателями. Философ подчеркивает, что понимание текста невозможно без учета исторических, культурных и социальных факторов. П. Рикёр, в отличие от Х.-Г. Гадамера, считал, что необходимо больше уделять внимания объяснению, а не только пониманию, поскольку объяснение, как правило, предшествует более глубокому пониманию. Герменевтический анализ фронтовой солдатской поэзии и песни позволил выявить структурные и стилистические особенности литературных текстов, раскрыть глубокие психологические и эмоциональные слои, которые были закодированы в словах авторов.

С помощью эмпирического метода был проведен сбор и обзор песен и стихов воинов-«афганцев». Особое внимание уделялось локализации и атрибуции авторства, а также установлению контекста создания произведений. Типологический анализ и систематизация позволили выделить основные темы и мотивы, отражающие переживания, мировоззрение и систему ценностей воинов-«афганцев». Применялись элементы историко-системного анализа, направленные на установление связей между литературным творчеством и социально-политическим контекстом Афганской войны. Эмпирический характер проведенного исследования позволил констатировать наличие определенного корпуса текстов, созданных воинами-«афганцами», и интерпретировать их содержание в контексте исторической и культурной реальности.

Представленное исследование проводилось в трех основных аспектах: этическом, этнополитическом и военно-профессиональном. Этический аспект рассматривался с опорой на работы русских философов, в своем твор-

честве обращавшихся к высокому духовному идеалу русского человека, его способности к самоотверженности и жертве, особому пониманию своей роли в установлении мира и оказании помощи нуждающимся. В частности, работы В. С. Соловьева [59] [60], Н. А. Бердяева [5] [6], И. А. Ильина [27] и других, акцентирующие внимание на идеалах христианской любви, использованы для анализа нравственных мотивов, отраженных в творчестве воинов-«афганцев». Этнополитический аспект, содержание которого раскрыто в диалектике интернационального и патриотического, был рассмотрен через исследование отношения советских военнослужащих к местному населению Афганистана, а также через анализ роли национальных и этнических факторов в формировании их мировоззрения. Отмечена моральная стойкость советских военных в инокультурной среде и проявление ими сострадания к афганскому населению. Военно-профессиональный аспект исследования был направлен на анализ специфики военной службы в Афганистане, а также на оценку профессиональной подготовки и морально-психологической устойчивости советских военнослужащих.

В аспекте реализации цели исследования выявлены и обоснованы ценностные основания, архетипы, заключенные во фронтовой лирике воинов-«афганцев», интерпретированы песни и стихи как феномен самоописания, охарактеризованы механизм фиксации культурной памяти, проявления духовности и специфические ценностные ориентиры, определена роль исторического контекста и культурных особенностей эпохи в формировании коллективной памяти и духовности.

Научная значимость темы исследования обусловлена проблемой изучения базовых духовно-нравственных ценностей, заложенных в современном военном поэтическом и песенном творчестве, что связано с будущим страны, нуждающейся в гражданах с устойчивым мировоззрением. Философско-культурологическое изучение песенного и поэтического наследия воинов-«афганцев» позволяет осмыслить трансформацию ценностных ориентаций, экзистенциальных установок и социокультурных парадигм в период военного противостояния. Данный корпус текстов выступает как квинтэссенция коллективного опыта участников вооруженного конфликта, их мировоззрения и психологического состояния, оказавших глубокое воздействие на сознание нескольких поколений. Изучение лирики «афганцев» позволяет расширить наше понимание сущности войны как социокультурного феномена и проникнуть в микромир человеческого опыта, чтобы изучить особенности трансформации индивидуального и коллективного сознания, а также процессы формирования новых смыслов и ценностей в военное время. Изучение рассматриваемых явлений способствует пониманию экзистенциальных вопросов, обнаружению скрытых механизмов психологической адаптации к травматическому опыту и формирования новых форм идентичности.

С аксиологической точки зрения анализ песенного и поэтического творчества «афганцев» предоставляет возможность для исследования эволюции ценностных ориентаций в переломные исторические эпохи, помогает проследить эти процессы на конкретных примерах, выявить основные этапы и факторы, определяющие переориентацию ценностных установок.

* * *

Песенное искусство, являющееся синтезом поэзии и музыки, представляет собой неотъемлемый элемент социального и культурного бытия человека. Обладая мировоззренческим потенциалом, песня способна оказывать определяющее воздействие на формирование мироощущения и ценностной ориентации личности. Психологическое воздействие песни обусловлено тесной связью музыкального ритма, мелодии и текста, создающих комплексный эмоциональный опыт, способный резонировать с глубинными потребностями и переживаниями человека, формируя тем самым его идентичность и мировоззрение.

Поэзия и музыка занимают особое место в системе эстетики Г. В. Гегеля. Они представляют собой вершины художественного выражения, наиболее полно реализующие идею абсолютного духа, и выступают в качестве наиболее развитых и освобожденных от материальной чувственности форм [18, с. 13–14].

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
Nasledie Vekov
2025 No. 2

Для Г. Гегеля искусство является одной из трех форм проявления абсолютного духа, наряду с религией и философией. Искусство в понимании философа есть чувственное воплощение идеи, попытка выразить истину в конкретной форме. Однако различные виды искусства обладают разной степенью способности к выражению идеи, что определяет их положение в гегелевской иерархии. Архитектура, скульптура и живопись, будучи зависимыми от материального носителя, ограничены в своей способности к идеализации. Поэзия и музыка, напротив, в большей степени освобождены от этих ограничений.

Г. В. Гегель утверждает, что поэзия является наиболее универсальным и развитым видом искусства, поскольку она способна выразить любую идею, любое чувство, любое состояние души посредством языка. Язык как средство выражения обладает максимальной гибкостью и способностью к абстрагированию, что позволяет поэзии преодолевать чувственные ограничения и свободно оперировать понятиями и идеями: «Из отдельных видов искусства главным образом поэзия… более всех других искусств способна выразить углубленную в себя внутреннюю жизнь, ее цели и события» [19, с. 267]. Поэзия способна охватывать все сферы человеческого опыта, от трагических переживаний до комических ситуаций, от философских размышлений до любовных признаний. Она может быть эпической, лирической или драматической, в зависимости от того, какой аспект человеческого бытия она стремится выразить.

Музыка достигает высоты благодаря своей нематериальной природе. В отличие от визуальных искусств, она не изображает конкретные объекты или события, но воздействует непосредственно на чувства и эмоции, выражая внутренние состояния души в чистой форме. «Музыка,– подчеркивает Г. В. Гегель,– способна выразить лишь стихию чувства и облекает высказанные сами по себе представления духа в мелодические звуки чувства» [19, с. 281]. Она способна вызывать у слушателя широкую гамму чувств, от радости и восторга до грусти и меланхолии, может быть возвышенной и трагической, комической и игривой. Г. В. Гегель особо отмечает способность музыки к выражению внутренней жизни человека, его переживаний и страстей. В этом отношении музыка, по мнению философа, превосходит даже поэзию, поскольку способна выразить то, что не поддается словесному описанию.

Важно отметить, что Г. В. Гегель не противопоставляет поэзию и музыку, а рассматривает их как взаимодополняющие формы искусства. Он признает, что поэзия может обогащаться музыкальностью, а музыка – поэтическим содержанием. Так, песня, объединяющая поэтический текст и музыкальную мелодию, представляет собой синтез двух видов искусства, усиливающих воздействие друг друга.

В настоящем исследовании поэтическое и песенное творчество воинов-«афганцев» мы будем рассматривать сквозь призму гегелевской эстетики как виды искусства, обладающие наибольшим потенциалом для репрезентации всего спектра эмоциональных переживаний, мировоззренческих установок и этических дилемм, с которыми сталкивались участники Афганской войны (1979–1989 гг.). Поэзия и песенное творчество, которое в силу своей синтетической природы объединяет вербальное и музыкальное начала, представляются наиболее адекватными средствами для передачи сложной, противоречивой картины афганского конфликта, отраженной в сознании его непосредственных участников.

Чтобы глубже раскрыть истоки фронтового творчества, которое трансформировалось в устойчивый фольклорный пласт, обратимся к архетипическим и культурно-историческим корням феномена авторской песни и стихов, который, воплотившись в творчестве воинов-интернационалистов, стал частью национальной культуры как в СССР, так и в современной России [62, с. 25]. Генеалогия авторской песни подчеркивает ее насыщенность народной мудростью. Она обязательно осмысленна, и эта глубокая осмысленность базируется на фундаменте народного вокального творчества.

Русский фольклор, сохраняющий в себе древние культурные пласты, создает и институционализирует определенную картину мира, знакомит слушателя с тем порядком жизни, который принят в традиционном

обществе. Это происходит через песни семейные, трудовые, обрядовые, военные, каждая из которых делится на подвиды – свадебные, похоронные и пр. Военные песни – солдатские, казачьи, кавалерийские – рассказывают о царских походах, походах донских казаков, военных стычках и засадах, раздумьях на привале.

В авторских песнях отражены не частные события, а вся история России, включающая трудовые будни и героические события, войну и победу, социальные трудности и протест против угнетения, порядок и жизненные перипетии, радость и горе.

Некоммерческий характер творчества воинов-«афганцев» отличает их от произведений, написанных профессиональными певцами и композиторами [8, с. 237–238]. Такое отличие обусловлено спецификой жизненного опыта, мировоззрения и целей авторов-военнослужащих, чьи произведения, как правило, не были предназначены для широкой аудитории и коммерческого успеха. Они создавались для самоосмысления и рефлексии, а также для тех, кто пережил схожий опыт. В отличие от профессиональных деятелей искусства, работавших в рамках официальной культуры, ограничивавшей выбор тем и средств художественного выражения, воины-«афганцы» творили, руководствуясь собственными представлениями о правде и справедливости. Так, среди военнослужащих 40-й ОА, были очень популярны песни Юрия Кирсанова, которого считают родоначальником «афганской» песни. Эту популярность можно объяснить словами Г. В. Гегеля, отмечавшего, что «каждая песня должна быть не столько изображением личности певца как такового, сколько чем-то общезначимым, что находит многообразный отклик в сердцах, нравится, пробуждает такое же настроение и чувство и переходит из уст в уста» [19, с. 524]. Виктор Верстаков, коллега Ю. Кирсанова, пишет, что его песни «…не относятся к вершинам песенного творчества всех времен и народов. Порой наивны их тексты, порой вторичны мелодии. Но лучше Кирсанова об Афганской войне уже никто не напишет, потому что превзойти его можно только в искусстве, а песни Юрия Кирсанова – это жизнь: лично его, наша с вами, нашей страны и Афганистана» [13, с. 7]. В этих словах отражена суть фронтового творчества, его ценность и уникальность.

Отметим, что авторская песня, отражающая жизненные трудности и переживания, становится носителем существенной для личности информации. Эта информация не является информацией в собственном смысле этого слова: содержащееся в песенных текстах знание имеет характер переживания. Знание-переживание глубоко личностно, душевно и задушевно – оно заставляет человека плакать и смеяться, радоваться и грустить, переживать потерю, утрату и таить в себе надежду на будущее в самой отчаянной и безвыходной ситуации. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что авторская песня по своей сути экзистенциальна, так как ее главные темы касаются смысла жизни, жизни и смерти, отчаяния, заброшенности и жизненного порыва, подвига. Н. А. Лебедева считает, что люди, посвятившие свою жизнь служению Родине, истинно любят свой народ и свою Отчизну, обладают особенным внутренним миром и способны создавать уникальную, качественно новую и неповторимую культуру, выраженную в песнях, стихах, кино и пр. В их произведениях использование возвышенной лексики не только оправдано, но и органично, поскольку каждое слово является результатом глубокого личного переживания и осмысления [32, с. 5].

Творчество воинов-интернационалистов представляет собой не просто знание-переживание, запечатленное в художественной форме. Это нарратив, включающий личный опыт участия в вооруженных конфликтах в инокультурной среде, осмысленный сквозь призму нравственных ценностей и коллективной памяти. Художественное самовыражение участников локальных конфликтов за пределами Советского Союза восполнило дефицит духовного содержания, образовавшийся на фоне ограниченного освещения событий в официальных средствах массовой информации [36, с. 105]. Поскольку самодеятельное творчество воинов-«афганцев» не было подцензурным, то оно несло в себе значительный объем жизненной правды. В мирной советской действительности, когда к ветеранам Афганской войны обращались с просьбой по-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
Nasledie Vekov
2025 No. 2

делиться воспоминаниями о событиях тех лет, нередко звучала рекомендация обратиться к аутентичным «афганским» песням как к непосредственному, искреннему и правдивому отражению пережитого, реалий войны.

История Российского государства полна трагических событий из-за необходимости отстаивать право своего народа на существование и независимость. В данной работе на примере песенного и поэтического творчества бойцов 40-й ОА проанализированы черты, свойственные менталитету народов, проживающих в России и объединенных не только одной территорией, но и верой в свою силу, главным стержнем которой является духовный потенциал. Этот феномен представляет собой устойчивую систему ценностей, формируемую общностью территории России и осознанием ее народом собственных возможностей. Сложившаяся система, определяемая как комплекс духовных оснований, представляется относительно независимой от политической конъюнктуры и социальных трансформаций. Она интерпретируется как стабильно существующий культурный феномен, сохраняющий свою структуру в экстремальных условиях. Содержание этого комплекса характеризуется значительным многообразием. В данной работе ограничимся его аксиологическим измерением, конкретное содержание которого представим в следующих аспектах.

Этический аспект нашел отражение в творчестве ведущих отечественных философов. Так, Н. А. Бердяев отмечал, что русский народ обладает сверхнациональным, всечеловеческим духом [5, с. 28]. Идея жертвенности, по мнению Ф. М. Достоевского, наполняет войну позитивным смыслом [23, с. 12].

Жертвенность и самопожертвование как конкретное проявление жертвенности, изначально укорененные в ритуальных практиках древних цивилизаций, в концепции жертвы и жертвоприношения в эпоху Нового Завета, трансформировались из области действия в сферу духовного. Жертва преобразилась в жертвенность – доселе не существовавшее интеллектуально-духовное состояние. Иисус Христос, Богочеловек, уже два тысячелетия служит эталоном универсальной любви и самопожертвования ради всего человечества. Народы, принявшие христианство, в соответствии со своей волей и национальным пониманием смысла Божественной Жертвы, сформировали пути своей истории. Смирение и самоотречение Христа является центром христианской этики. К. В. Цеханская отмечает самое важное и существенное для русских: «Русь с самого начала выбрала путь, наиболее близкий идеалу евангельской жертвенности. Это путь осмысленно-волевого “самоумаления” этнической “самости” русских во имя других, не русских, не православных, но живущих рядом народов и племен. Представляется, что кенотипическое самоограничение, самоумаление русского этноса как жертва во имя общечеловеческого блага, имело форму дерзновенного подражания “самоумалению” вочеловечившегося Логоса» [74, с. 601]. Она подчеркивает, что «подобление Жертвенности Богочеловека, отдание всего себя Воли Творца, дерзновенное желание сострадать вместе со Христом – основополагающий идеал русской святости» [74, с. 602].

О жертвенности русского солдата пишет старшина А. Левин в стихотворении, посвященном кремлевскому выпускнику, кавалеру трех орденов Красной Звезды (один посмертно), начальнику разведки 191-го полка капитану Юрию Васильевичу Лукьянчикову:

Он не вернулся с перевала –
В горах ждала его беда,
Он возле старого дувала
Ушел в бессмертье навсегда.
Он не покинул свою роту,
Хоть мог лететь домой, к родным,
Хоть честно выполнил работу,
Свой долг – и мог вернуться к ним.
Но он не слушался советов –
Он знал, что предстоит Панджшер
И что «бывалых» в роте нету,
А значит, будет много жертв...
Благодаря ему ребята
Ушли от страшного огня,
С ним вместе только три солдата
Погибли на исходе дня.
Он словно чувствовал, что роте
Экзамен страшный предстоял,
И в этом гибельном походе,
Сдержав огня девятый вал,
Дал верную команду, зная,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Что ею он спасет людей.
И, ребятишек прикрывая,
Остался в памяти моей [33].

Герой приведенного отрывка имел законную возможность покинуть опасную зону, поэтому его жертва – не вынужденная, а добровольная. Кроме того, он осознанно отверг более безопасный путь, и его решение продиктовано не приказом, а внутренним чувством долга перед подчиненными.

Действия капитана Ю. В. Лукьянчикова были целенаправлены и рациональны («дал верную команду»), но при этом явились фатальными для него самого: он сознательно принес в жертву свою жизнь, сохранив жизни других. Его жертва – это акт высшего милосердия и заботы о более молодых и неопытных.

Значимым итогом этой жертвы стали не ордена, а вечная память товарища по оружию. Таким образом, стихотворение не просто рассказывает о героической гибели, а художественно воплощает саму суть жертвенности как добровольного, осознанного принесения самой высокой цены – жизни – во имя спасения жизни других и исполнения высшего долга.

Подвиг этого офицера воплощает архетипы «воина-спасителя», «героя» и «отца». Архетип «воина-спасителя» представляет собой фигуру, обладающую исключительными физическими и моральными качествами, защищающую невинных, борющуюся со злом и восстанавливающую справедливость. «Воин-спаситель» сочетает в себе атрибуты воина – силу, храбрость, умение владеть оружием – с моральным императивом спасения высших ценностей и служения им. Архетип «героя» характеризуется такими атрибутами, как храбрость, находчивость и способность к возрождению. «Герой» сталкивается с многочисленными испытаниями, требующими не только физической силы, но и моральной устойчивости. Архетип «отца», обнаруживающийся в обращении капитана «ребятишки» вместо «солдаты» или «бойцы», подчеркивает отеческую, защитную позицию по отношению к подчиненным, что является ключевым аспектом данного архетипа. Согласно К. Г. Юнгу, архетип «отца» представляет собой сложную символическую структуру, аккумулирующую в себе понятия власти, авторитета, защиты, закона и порядка [86]. В рассматриваемом контексте проявление архетипа «отца» выражается в роли носителя знания и мудрости, способного предвидеть ход событий, а также в обеспечении защиты и поддержки личного состава.

Использованная при анализе стихотворного произведения концепция архетипов была разработана швейцарским ученым К. Г. Юнгом [84] [85] [86] [87]. Влияние коллективного бессознательного как своеобразного архива архетипических образов, аккумулирующих исторический опыт человечества, является значимым фактором в формировании индивидуума и генезисе социокультурных процессов. В периоды кризисов эти архетипы могут оказывать скрытое, но ощутимое влияние на поведенческие модели и процессы принятия решений как на уровне социума, так и на уровне элит, что способствует сохранению стабильности и порядка в условиях нестабильности. Коллективное бессознательное, по определению К. Г. Юнга, содержит информацию об общем эмоциональном прошлом предков, представляя собой обширный массив унаследованных данных. Философ писал, что бессознательное включает не только вытесненные содержания, но также весь психический материал, лежащий ниже порога сознания, «психические компоненты, которые оказались за порогом, включая сублиминальные ощущения-восприятия», компоненты, которые еще не достигли порога осознания, включая «зародыши будущих сознательных содержаний» [84, с. 147–148]. Важно отметить, что коллективное бессознательное не является результатом подавления или забывания, его нельзя восстановить с помощью психоаналитических методов. Эта природно-духовная реальность формировалась на протяжении длительного исторического периода и существует независимо от сознания. К. Г. Юнг описывает коллективное бессознательное как «доминирующий над всем осадок опыта предков, накопленного за бесчисленные миллионы лет, эхо доисторических явлений мира, к которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций» [87, с. 246].

Поскольку коллективное бессознательное является осадком мировых явлений, вы-

раженным в структуре мозга и симпатической нервной системы, оно представляет собой своего рода «вечный образ мира» [87, с. 247], противостоящий нашей текущей сознательной картине мира. Другими словами, это другой «зеркальный мир» [87, с. 247], обладающий особой энергией, независимой от сознания, способной оказывать сильное душевное воздействие, которое не проявляется полностью на поверхности, но оказывает мощное влияние изнутри, невидимое для тех, кто не критикует свою текущую картину мира и остается скрытым для самого себя. То, что мир имеет не только внешнее, но и внутреннее, и что он не только видим снаружи, но и постоянно влияет на нас из самой глубокой и, казалось бы, субъективной почвы души, является, по мнению К. Г. Юнга, научным фактом, который, несмотря на свою древнюю мудрость, заслуживает оценки как фактор, формирующий мировоззрение [87, с. 246–247]. Наследование происходит через «мнемические образы» [87, с. 56], то есть унаследованную память и физиологические механизмы мозга. «Подлинная история развития человеческого сознания,– считал ученый,– хранится не в научных книгах, а в психической организации каждого из нас» [85, с. 80–81].

Архетипы, по К. Г. Юнгу, «являются своеобразными когнитивными образцами… интуитивное схватывание архетипа предшествует действию, “спускает курок” инстинктивного поведения. <…> …Архетип же является тенденцией к образованию таких представлений мотива, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы… архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом» [85, с. 8, 34]. Бессознательное, согласно представленной концепции, обладает способностью интуитивно постигать и обрабатывать информацию посредством архетипического разума. В отличие от сознательного мышления, архетипический разум осуществляет прогностическую функцию, что указывает на его способность предвидеть развитие событий на основе архетипических паттернов. Архетипы, в свою очередь, не являются пассивными структурами, а обладают собственной энергетикой, оказывающей влияние на поведение и принятие решений.

Данный подход к пониманию бессознательного разума подразумевает наличие врожденных, универсальных моделей восприятия и реагирования, которые активируются в определенных ситуациях. Архетипы как первообразы структурируют бессознательное и предопределяют способы взаимодействия с миром. Использование архетипического разума позволяет индивиду предвидеть потенциальные исходы событий. Влияние архетипической энергии на поведение подчеркивает значимость бессознательных факторов в мотивации и принятии решений. Архетипы, таким образом, не только формируют восприятие, но и побуждают к действию, что имеет важные последствия для понимания человеческой психологии [85, с. 38–39]. Согласно К. Г. Юнгу, архетипы играют определяющую роль в человеческой жизни, оказывая значительное влияние на поведение и формирование психики индивида. Являясь носителями мощной психической энергии, они способны генерировать глубокий эмоциональный отклик, который, в свою очередь, предопределяет поведенческие паттерны. Участие архетипов в формировании психики заключается в их способности активизировать определенные аспекты личности, побуждать к определенным действиям и направлять развитие индивида. Они выступают в качестве «жизненных сил» [86, с. 205], обуславливающих мотивацию, ценности и стремления человека.

Развивая этическую перспективу, обратимся к философскому наследию В. С. Соловьева, который дифференцировал три принципиально различных модуса восприятия войны: как безусловное зло, как катализатор цивилизационных процессов и как акт нравственного героизма [60, с. 27, 98]. По мнению философа, подлинное достоинство человеческого существования обретается лишь в контексте подчинения индивидуальной жизни и деятельности императивам нравственного закона и их целеустремленной направленности к достижению безусловных нравственных идеалов [59, с. 3]. Афганская война, вопреки неоднозначным оценкам, может быть рассмотрена как арена проявления нравственного подви-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

га, о котором писал воин-интернационалист М. Вдовин, подчеркивая самоотверженность и моральную стойкость советских солдат в условиях вооруженного конфликта. Следует подчеркнуть, что морально-этические императивы, а не только идеологические установки, служили движущей силой для многих военнослужащих, выполнявших свой интернациональный долг в условиях этой кампании.

Вы шли, где война меж народами тлела,
И честно служили стране,
И кровь проливали за правое дело
На той «неизвестной» войне.
Теперь говорят, что война, мол, чужая,
Но воин присяге служил.
Ты верил, что миссия ваша святая,
Свободу афганцам носил [11].

В отрывке из произведения М. Вдовина нашел свое стихотворное воплощение архетип «воина», с которым соседствует идея о высокой миссии, тесно связанной с понятиями долга, ответственности, самореализации. Такую миссию можно рассматривать как внутренний компас, направляющий индивида к определенной цели и определяющий его жизненный путь.

Оценка Афганской войны как морального подвига, несмотря на противоречивые геополитические контексты и трагические последствия, основывается на субъективном восприятии участников и их убежденности в справедливости целей. В русской культуре укоренилось восприятие войны как явления сакрального, требующего жертв, но при этом справедливого, масштабного, всенародного и потенциально победоносного. Обширные пространства и богатые природные ресурсы России, ее выгодное географическое положение и сухопутная доступность границ привлекали завоевателей на протяжении длительного времени. Жизненно важные территории приходилось отстаивать в борьбе с агрессорами. Внешняя уязвимость, страх перед угрозой и напряженное ожидание нападения сформировали в коллективном сознании концепцию справедливой оборонительной войны. Справедливость и сила, таким образом, ассоциируются с защитой родной земли и с помощью другим народам в их праве на свободу и мир (цель ввода советских войск в Афганистан – стабилизация обстановки в этой стране и создание условий для ее мирного развития). Противник в русском сознании воспринимается как обреченный, лишенный правды. Война приобретает характер моральной победы, символизирующей торжество справедливости и добра.

Концепция оборонительной (справедливой) войны находит свое отражение в тезисе о мессианской роли России в мировой истории. Россия предстает как государство, призванное бороться с несправедливостью, злом, гордыней, жадностью и моральным разложением. Она не стремится к мировой гегемонии, а противостоит попыткам ее установления, часто жертвуя собой в качестве стража многополярного мира, хранителя подлинных ценностей [21, с. 166]. Солдаты, воины-интернационалисты, выполнявшие приказ, верили в необходимость защиты интересов страны и оказания помощи дружественному народу, что, согласно их моральным принципам, оправдывало риск и жертвы.

Русскому народу, по мнению Н. О. Лосского, присуща глубокая черта – «религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [39, с. 9], осуществляемое личностями без примеси зла и несовершенств согласно двум заповедям Иисуса Христа: люби Бога больше себя и ближнего, как себя. Таких людей философ называет Членами Царства Божия, они лишены эгоизма, а потому могут творить «лишь абсолютные ценности – нравственное добро, красоту, познание истины, блага неделимые и неистребимые, служащие всему миру», то есть блага одинаково ценные для всех [39, с. 9]. Н. О. Лосский предвидел, что падение большевистского режима приведет к росту религиозности в России. Так и случилось, но уже после афганских событий.

Стоит отметить, что бойцы 40-й ОА, будучи атеистами, являлись продолжателями традиций русского воинства, воспитанного на православных заповедях. Преподобный Ефрем Сирин учил: «Будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными… Невозможно тебе спастись, если ты упражняешься в высшем любомудрии, но не заботишься о других,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

погибающих... Не чуждайся сострадания потому, что сам далек от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен его несчастье считать общим» [57]. Хотя воины-«афганцы», в большинстве своем воспитанные в атеистическом ключе, скорее всего, не были знакомы с идеями преподобного Ефрема Сирина и других Отцов Церкви, но, являясь потомками воинов прошлого, поступали согласно заповеди «люби ближнего, как самого себя», более того, они ее применили в отношениях народов друг к другу – «люби все другие народы, как свой собственный» [39, с. 20]. Это нашло отражение в стихотворении воина-интернационалиста Ф. Бокарева:

Помочь соседу бескорыстно
Всегда придем – лишь позови.
И добродетель эта присно
Из рода в род у нас в крови.
Народу нашему не внове
Оставить мирные труды,
Чтоб от друзей ценою крови
Отвесть пришествие беды [7, с. 20].

В отрывке стихотворения Ф. Бокарева запечатлена квинтэссенция российской ментальности – помощь ближнему, взаимопомощь и жертвенность, укорененные в историческом сознании и социальной практике. Бескорыстие, готовность разделить тяготы и прийти на выручку в беде – это не просто моральный императив, а фундаментальная основа национальной идентичности.

Призыв прийти на помощь по первому зову, оставить мирные занятия ради защиты друзей – это архетипический образ, восходящий к героическим страницам отечественной истории. В данной связи можно вспомнить, к примеру, Ивана Сусанина, народное ополчение Минина и Пожарского в Смутное время или массовый героизм в годы Великой Отечественной войны. Эти примеры свидетельствуют о глубоко укорененной традиции жертвенности, самопожертвования ради Родины и общего блага.

Добродетель, передаваемая из поколения в поколение, становится неотъемлемой частью культурного кода нации. Она проявляется не только в экстремальных ситуациях, но и в повседневной жизни, в заботе о близких, в участии в жизни сообщества. Эта способность к эмпатии и состраданию, готовность разделить чужую боль – важный фактор социальной сплоченности и устойчивости общества, позволяющий ему выдерживать испытания и двигаться вперед. Бескорыстная помощь соседу – это вклад в будущее, в создание крепкого и справедливого общества, где каждый чувствует себя защищенным и нужным.

О самопожертвовании ради установления мира в Афганистане поет С. Давидянц:

По горам с тобой банды гоняли,
Чтобы там прекратилась война [22].

В этих двух строках поэт изложил суть понимания советским офицером сложнейшей задачи, стоявшей перед ним в период Афганской войны. Автор не только упомянул боевые действия, но и показал стремление к установлению мира в регионе, погрязшем в многолетнем конфликте.

Личный опыт и переживания передал в своем стихотворении А. Левин, затронув глубинные аспекты психологического состояния советского солдата в условиях Афганской войны. Его произведение, избегая упрощенной героизации, акцентирует внимание на гуманистических принципах, проявляющихся даже в отношении к противнику, что согласуется с концепцией «справедливой войны» Фомы Аквинского [70]:

Какая бедная страна!
Какие бедные все люди!
<...>
Остался ты, Афган, один
Со своим горем и несчастьем,
Вот так-то доверять другим
Свою судьбу, а также счастье.
Пойми меня, я не корю
И не смеюсь над твоим горем... [33].

Анализ произведения А. Левина демонстрирует эволюцию восприятия войны – от трагического опыта к осмыслению общечеловеческих ценностей, таких как милосердие и сострадание, являющихся доминирующими чертами русского воина. Поэт не выражает упреков или презрения по отношению к неприятелю, он сострадает ему, сожалеет об испытаниях, выпавших на долю несчастного народа. Поэтическое наследие А. Левина представляет собой ценный исторический и психологический документ, позволяющий

глубже понять морально-этические аспекты участия советских войск в Афганской войне. Его произведения являются убедительным свидетельством того, что даже в условиях жесточайшего противостояния сохраняется возможность проявления человечности и стремления к взаимопониманию.

Аксиологическое измерение духовного потенциала отражается также в *этнополитическом аспекте.* Его содержание раскрывается в диалектике интернационального и патриотического. Суть первого состоит в том, что русский воин освобождает другие народы, руководствуясь отнюдь не прагматическими соображениями, он не требует ничего взамен для себя. Более того, этот интернационализм толерантен к иной культуре, религии, цивилизации. Н. А. Бердяев отмечал: «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [5, с. 28]. Интернационализм исторически присущ российскому народу и воинской традиции, поскольку обусловлен культурной и духовной интеграцией народов, получившей в отечественной религиозной философии наименование русской соборности. Ключевой характеристикой российского менталитета, согласно исследованиям, является «отталкивание от раздробленности, разорванности (будь то в мире, или в обществе, или в душе человека) и стремление к цельности, святости, единству» [31, с. 176]. Соборность формировала такое взаимопонимание в традиционном обществе, при котором личность ценилась не столько сама по себе, сколько в зависимости от ее отношения к социальному целому. Заметим здесь, что соборный (церковный) коллективизм не нивелировал, не обезличивал индивидуальность, напротив, только здесь индивид обретал свою самостоятельность, свободу для единения с такими же свободными людьми. Отсюда приоритет коллективного начала над индивидуальным, общинности над разобщенностью.

На протяжении многовековой истории Российского государства русские не ущемляли права других народов, оставляя за ними право сохранить свою уникальность, неповторимые черты, разговаривать на своем языке, соблюдать свои национальные традиции, обычаи, следовать своим религиозным верованиям [83, с. 69]. Скорее всего, это послужило основой той сплоченности, которая на долгие годы связала множество разных народов под общим флагом и гербом.

Данный тезис подтверждает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, объяснивший особую роль русского народа в становлении многонационального государства. Он отметил, что только народ, обладающий высокой степенью самоотдачи и жертвенности, был способен на создание такой обширной структуры, как Российская империя. Данный фактор обусловил полиэтничный состав правящей элиты, формировавшейся в условиях, когда доступ к высоким государственным должностям, таким как министерские и губернаторские посты, не ограничивался этнической или религиозной принадлежностью [56].

Эта черта, зачастую ассоциируемая с приверженностью принципам Православия, внешне проявляющаяся как уступчивость или отсутствие твердости, является следствием целенаправленного формирования в обществе установок толерантности и гостеприимства. Однако данное мировоззрение нередко ошибочно интерпретируется как проявление слабости [56].

Именно эта открытость, позволяющая представителям различных этносов и культур ощущать себя равноправными членами общества, стала фундаментом для формирования многонациональной империи. Следует понимать, что подобное отношение к окружающим – это не проявление слабости, а результат культивируемых Православием ценностей эмпатии и взаимоуважения, благодаря которым стало возможным сосуществование различных народов в рамках единого государства» [56].

В период 1970–1980-х гг. XX в. единство советского общества воспринималось как неоспоримое. Идеология достаточно четко устанавливала общенациональные цели и универсальную ценностную систему (понятия чести, долга), консолидирующую население СССР вокруг идеалов глобального мира. Афганская война стала реальным испытанием этого единства: далекие географические точ-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 1

ки превратились в места общей скорби, а имена погибших солдат навсегда стали частью коллективной памяти. Это чувство общности, скрепленное жертвой, с особой силой отразилось и в поэтическом слове:

Дороги на Кабул, Газни, Панджшер,
Где вдоль обочины простые обелиски.
Вся география моей страны, поверь,
Все города вдруг стали близки.
Донецк, Тамбов, Орёл, а ниже имена.
Вы стали братьями родными,
Усыновила вас афганская земля,
Оставив вечно молодыми [73].

Приведенный отрывок стихотворения В. Цаплина об интернациональном долге является синонимом скорби и констатацией общей безвозвратной потери. Афганская кампания Советского Союза, длившаяся 10 лет, унесла тысячи жизней. Каждый обелиск на афганской земле – это зримое напоминание о трагедии, ставшей частью общей истории двух народов.

Прах уроженцев советских городов смешался с афганской землей, превратив чужую войну в личную трагедию. Память о погибших, запечатленная в скорбных надписях, становится предостережением о цене, которую приходится платить за политические просчеты. Эти дороги и обелиски напоминают о необходимости поиска мирных решений международных конфликтов, о ценности каждой человеческой жизни и об ответственности за последствия принимаемых решений.

В стихотворении В. Цаплина затронута тема гражданской идентичности, которая проявляется в осознании индивидуумом своей нерасторжимой связи с членами общества, объединенными общим языком, укоренившимися обычаями и культурным наследием, разделяющими общее историческое прошлое. Это чувство общности, основанное на коллективном опыте и культурных атрибутах, формирует основу для солидарности и принадлежности к определенной нации. Такое единство обеспечивается осознанным принятием «нравственно-правовых и ценностных норм государства и общества, которые фиксируются системой культурных значений: флаг, герб, гимн, памятники, герои, фольклор» [1, с. 454]. Сама возможность говорить о многовековой истории Российского государства – полностью заслуга его народа, который за пределами нашей страны называют русским, но по факту – это союз многих национальностей, этнических групп и народностей, говорящих на разных языках и исповедующих различные религии, но считающих большую Россию своей Родиной. Очень точно эту особенность подчеркнул поэт Р. Г. Гамзатов: «В Дагестане я аварец, в России я дагестанец, а за границей я – русский» [цит. по: 17].

Патриотическая наполненность военной лирики воинов-интернационалистов отражает любовь русского человека к Отечеству, своей земле, к семье, непримиримость к любым формам зависимости национального суверенитета и критическое отношение к внешнему влиянию, рассматриваемым как потенциальная угроза национальным интересам и самостоятельности, свободолюбие, волю, отсутствие деспотизма, непримиримое противостояние злу, отстаивание принципов добра даже ценой собственной жизни.

Поэтическое и песенное наследие воинов-интернационалистов, участников афганского конфликта, неизменно обращается к мотиву Родины. «Родина,– писал С. Н. Булгаков,– есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется она чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением» [9, с. 364]. Н. В. Багичева и Т. А. Чикаева выделяют архетипы, лежащие, по их мнению, в основе образа Родины-матери («Мать-Сыра-Земля», «Матушка Русь», «Святая Русь»): «Содержание понятия “Родина” раскрывается в русском менталитете через категории материнства, родства, любви, заботы и святости. <...> Основной чертой данного архетипа является изначальная самодостаточность, Мать-Сыра-Земля рождает все живое, не обращаясь к мужскому началу» [2, с. 35]. Специфическое почитание материнства, считает О. В. Рябов, выражается в уникальном феномене духовной культуры России – концепции сакральной связи между страной и Божественной женственностью; данная идея наиболее отчетливо

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

проявляется в выражении «Россия – Дом Богородицы» [55, с. 114]. В. Н. Телия отмечает, что исходное культурное понятие «Родина» аккумулировало в себе архетип матери, актуализация данного архетипа осуществляется для репрезентации свойства, подобного материнской заботе родины по отношению к ее детям. Родина как архетипическая «мать» формирует устойчивые языковые конструкции, в которых глаголы подчеркивают ее роль в становлении личности и общества. В частности, это проявляется в таких сочетаниях, как «родина вскормила, воспитала, вырастила», «родина дала» [63, с. 468].

В русском культурном коде понятие долга ребенка глубоко укоренено в идее почитания матери, что находит свое отражение в метафорическом образе Родины-матери. Этот архетип, восходящий к древним культам плодородия и матери-земли, пронизывает национальное самосознание и играет ключевую роль в формировании патриотических чувств. Концепция «Родины-матери» апеллирует к эмоциональной привязанности и чувству личной ответственности за благополучие страны, тем самым усиливая восприятие долга перед государством как морального императива. Подчеркивая справедливость этих идей, А. Ф. Лосев писал: «Благородный гражданин любит свою Родину… не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны… Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное; он с этим живет и с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам. Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рубища твои созерцаем как родные себе. И миллионы жизней готовы отдаться за тебя, хотя бы ты была и в рубищах. Веления этой Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери-Родины неотвратимы. У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы только в ней, на ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок, засыпая в мягкой и теплой постельке…» [38, с. 426].

Высказывания воинов-интернационалистов о Родине лишены декларативности; они проникнуты глубоко личным, выстраданным опытом.

Н. Кирженко подчеркивает искренность своей любви к Родине, парируя возможную попытку упрекнуть в «красном словце»:

Чувство Родины своей мы обретаем
Не из догм замшелых и цитат [29].

Для авторов-фронтовиков образ Родины неразрывно связан с первичными ценностями семьи и, прежде всего, матери:

Летят домой, и мой там дом,
С кем я живу, о ком мечтаю!
Там Родина! И в направленье том
Весь жизни смысл считаю![73].
З*везды в небе Афгана,*
Над головою море огней!
Но снятся березы и милая мама,
Как за рекою поет соловей [73].

Поэтические строки В. Цаплина, пронизанные ностальгией и любовью к Родине, которая ассоциируется у него с природой и матерью, представляют собой яркое отражение эмоционального состояния военнослужащих, исполнявших интернациональный долг в чужой стране.

В этих лаконичных зарисовках отчетливо прослеживается тоска по мирной жизни, семье и родным пейзажам. Контраст между суровой реальностью войны и идеализированным образом Родины усиливает эмоциональное воздействие стихотворений.

Феномен ностальгии как психологического состояния детально исследован многими учеными, в том числе С. Бойм [89], рассматривающей ее не только как тоску по прошлому, но и как способ осмысления настоящего и будущего [52, с. 258–259]. В контексте Афганской войны ностальгия становится мощным механизмом психологической защиты, позволяющим солдатам сохранять связь с мирной жизнью и не терять надежду на возвращение домой.

Воспоминания о доме, семье и родной природе служат источником моральной поддержки и помогают преодолевать тяготы военной службы. Образ Родины становится символом мира, стабильности и надежды, к которым стремится каждый солдат. Поэтические строки, наполненные ностальгией, приобретают глубокий философский смысл, раскры-

вая сущность человеческой природы и стремление к гармонии.

Все выраженные в поэзии и песнях воинов-интернационалистов идеи органично интегрируются в понятие «российский патриотизм», имеющее как личностный, так и общественный ракурсы. Первый – глубоко внутреннее, почти интимное чувство, неразрывно связанное с большим «мы», являющимся нравственным императивом личности: «только так, иначе не могу». А второй – это часть общественного сознания, это патриотизм масс, проявляющийся в отношении народа к самому себе, в тех чувствах, настроениях, оценках, которыми он характеризует историю своей страны, ее настоящее и будущее [61, с. 17].

Патриотизм по своей глубинной сути выступает основанием для удовлетворения потребности в обеспечении безопасности личности и социума. В его основе лежат два архетипических образа: Матери, олицетворяющей родную землю, и Отца, символизирующего государство [45, с. 108]. Значительную работу, связанную с исследованием понятий «Родина» и «Отечество», провела Т. А. Чикаева [75] [76] [77] [78] [79] [80] [81]. Главным результатом ее изысканий стал вывод о том, что понятия «Родина» и «Отечество» представляют собой два начала – соответственно женское и мужское. Отечество есть соединение творческой, духовной деятельности человека по преобразованию естественной природно-социальной среды, ее упорядочению и управлению, с Родиной, являющейся духовной ценностью, святыней, существующей объективно и выполняющей роль порождающего начала [75, с. 105–111]. Архетип «Отец», обладающий качествами, свойственными маскулинному гендеру – силой, организованностью, целеустремленностью, оформленностью, активностью, интеллектуальностью, рационализмом,– лежит в основе понимания сущности Отечества. Отечество при таком подходе представляется как мужское динамичное начало, оно играет «активную роль в жизненном устройстве и бытии общества и личности, является действующим фактором в вопросе сохранения и передачи ценностей и смыслов из поколения в поколение» [80, с. 14–16].

Исследуя военные стихи и песни, можно убедиться в истинности следующей идеи: сам русский народ является и продуктом своего Отечества («Дети русской мы земли» [43, с. 100]), и его творческим потенциалом, реализуемым, в том числе, в поэзии, сказках, прозе, песнях.

Как уже отмечалось, история России имеет многовековую традицию отстаивания государственного суверенитета. Можно с уверенностью заключить, что данный исторический контекст способствовал формированию в обществе глубокого сопротивления попыткам внешнего подчинения, потере культурной автономии и эрозии национального языка. Стихотворение В. Гайлина «Слово отца» актуализирует фундаментальные принципы российской воинской культуры, такие как: верность Отечеству, сознание долга, готовность к самопожертвованию, приверженность традициям и идея межпоколенческой связи.

Сражаться насмерть за Отчизну –
Святое дело для мужчин.
Достойно справить павшим тризну
Хватало русичам причин.
Храня преемственность традиций,
Вставала Русь всегда стеной,
Когда незыблемость границы
Была нарушена войной.
И если колокол набатом
Зовет на бой священный рать,
Нет выше долга для солдата –
За честь и правду постоять! [16].

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» отмечал, что истинный патриотизм проявляется не в словесных декларациях, а в готовности к самопожертвованию ради блага Отечества [67, с. 22, 208]. Этот тезис находит свое подтверждение в многочисленных примерах героизма, проявленного нашими предками в ходе исторических сражений. Защита родного Отечества – приоритетная задача российского воина. Готовность к самопожертвованию, укорененная в исторической памяти, трансформировалась в незыблемый моральный императив, определяющий отношение к воинскому долгу.

Обращение к историческому опыту подтверждает, что понятие «Отчизна» для русского воина всегда было связано не только

с территорией, но и с совокупностью духовных, культурных и нравственных ценностей. Защита этих ценностей являлась ключевым мотивирующим фактором, определяющим высокую боеспособность русской армии.

Строки стихотворения В. Гайлина отражают глубинный пласт национальной идентичности, в котором воинская доблесть, верность долгу и готовность к самопожертвованию во имя защиты Отчизны выступают не просто как отдельные элементы, а как органичное целое, формирующее мировоззрение русского воина. Это наследие, пронесенное сквозь века, продолжает оказывать влияние на формирование современной военной культуры и остается актуальным в контексте обеспечения национальной безопасности.

Этнополитический аспект духовного потенциала, отраженный в военной лирике воинов-интернационалистов, представляет собой сложный комплекс идей и ценностей. Он раскрывается в диалектическом единстве интернационального долга и патриотической любви к Родине, причем первое зачастую трансформируется в глубокое переживание трагизма геополитических процессов, а второе становится источником психологической устойчивости и нравственной опоры.

Воинская культура России, исторически формировавшаяся в условиях многонационального государства, характеризуется толерантностью к другим культурам и религиозным верованиям, что не исключает приоритета защиты национальных интересов и суверенитета. Проблема национальной идеи, «русской идеи» в России, прошедшая сложный путь эволюции, отражает стремление к самоидентификации и определению исторического предназначения. Философские поиски Н. А. Бердяева [6], И. А. Ильина [27], Г. П. Федотова [68], Л. П. Карсавина [28], Н. О. Лосского [39], Г. В. Флоровского [69] и др., при всем различии их подходов, объединены идеей духовного призвания русского народа, его особой роли в мировой истории и культуре, единого русского самосознания, направленного на реализацию высших духовных идеалов, связанных с развитием человеческой цивилизации. Данная концепция предполагает не просто этническое или политическое объединение, а скорее духовно-культурную интеграцию, ориентированную на созидание, моральное совершенствование и вклад в общечеловеческий прогресс.

Песенно-поэтическое наследие воинов-интернационалистов являет собой свидетельство неразрывной связи между личным опытом и общенациональной идентичностью. Ностальгия по Родине, чувство долга, осознание исторической преемственности формируют тот духовно-нравственный фундамент, на котором строится патриотическое сознание российского воина. Стихи и песни, подобные тем, что создавались в период Афганской войны, продолжают служить напоминанием о цене, которую приходится платить за политические решения, о важности сохранения мира и согласия в многонациональном обществе. Эти произведения также акцентируют непреходящую ценность идеалов патриотизма и готовности к защите Отечества, что особенно актуально в условиях современных геополитических вызовов.

Военно-профессиональный аспект ценностного измерения поэтического наследия воинов-интернационалистов затрагивает такие тематические ракурсы, как верность долгу, дружбе и воинскому братству. Советский офицер Н. Кирженко, следуя лучшим ратным традициям своего народа, принимал судьбу Родины как свою, не подвергая сомнению приказ:

И я иду в безмолвье ада,
Раз надо Родине, мне надо [29].

И когда годы спустя начались огульные обвинения в адрес правительства СССР и Вооруженных сил в принятии ошибочных, политически неверных решений о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан, участники той войны не сомневались в своей честности и преданности присяге и Родине, о чем писал В. Гайлин:

Откуда мы с тобой, братишка, знали:
Кто там был прав: Кармаль или Амин?
Но мы с тобой на совесть воевали,
Погибшим скажет батюшка «Аминь!».
Так отчего стыдиться нам медалей,
Что честно заработаны в бою?[16].

Мужская дружба, скрепленная войной, имеет свою цену, которую подчас нельзя вы-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 1

разить словами. Фронтовое братство, сформированное в экстремальных условиях войны, приобретает экзистенциальный характер, нередко находящий выражение в лаконизме действия, а не в вербализации. Такой тип связи подразумевает максимальную взаимную ответственность и готовность к самопожертвованию. Эта специфика воинского товарищества ярко отражена в поэтических свидетельствах участника конфликта В. Цаплина:

Здесь друга друг собою прикрывает,
Не слышно слов ненужных и пустых [73].

Как другом дорожить,
Как приходилось нам
Глоток воды делить,
Учил Афганистан [73].

Строки двух стихотворений иллюстрируют принцип взаимовыручки и жертвенности как основу фронтовых отношений. Акцент сделан на конкретном действии («прикрывает»), которое является высшим проявлением заботы о товарище. Упоминание отсутствия «ненужных и пустых слов» подчеркивает антириторичность этой среды: ценность имеют поступки, а не декларации.

Об Афганской войне, о дружбе, чувстве долга и солдатской чести пел заслуженный артист Российской Федерации А. Я. Розенбаум. Несмотря на то, что он не являлся непосредственным участником боевых действий в Афганистане, его неоднократные поездки в расположение 40-й ОА позволили оценить трагизм Афганской войны и передать его в своем творчестве. Песни А. Я. Розенбаума стали своего рода хроникой, отражающей моральные и психологические аспекты пребывания советских войск в Афганистане, а также те ценности, которые сплачивали солдат вдали от Родины. А. Я. Розенбаум писал: «Я был вместе с ними в залах, если можно их назвать залами. Я был вместе с ними в броне. Я видел их очень тяжелую работу, и я их очень полюбил, потому что невозможно не полюбить людей, которые помогают друг другу в тяжелейших условиях, знают, что такое жизнь и смерть, которые очень мужественны, добры, нежны, знают, что такое человеческие отношения, что такое правда жизни» [54]. Мотивацией поэта для поездки в зону конфликта стало осознанное желание оказать поддержку военнослужащим, оказавшимся в экстремальных условиях иноэтничной среды и ежедневно подвергавшимся смертельной опасности. Их потребность в художественном осмыслении опыта и символическом признании подвига стала ключевым импульсом для его творческой миссии. Поездки в Афганистан явились важным этапом в жизни А. Я. Розенбаума, смелость и отвага советских военных повлияли на взгляды артиста и его отношение к жизни, избавив от скепсиса и цинизма [88].

Ах, какого дружка потерял я в бою.
Мы всю жизнь любили читать о войне.
Он не ведал никак,
Что вот выпадет мне под огнем
Его тело тащить за валун на спине [53, с. 32].

Этот трагический эпизод, запечатленный в лаконичных строках, обнажает диссонанс между романтизированным представлением о войне, почерпнутым из литературных источников, и суровой реальностью боевых действий. Искаженное восприятие войны, часто культивируемое посредством героических нарративов, сталкивается с жестокой военной реальностью, в которой человеческая жизнь подвергается постоянному риску, а смерть становится обыденным явлением. Данный контраст подчеркивает дегуманизирующее воздействие войны, при котором индивидуальная трагедия – потеря близкого человека – теряется в общем хаосе и страданиях.

Упоминание валуна, за которым герой пытается укрыть тело павшего товарища, приобретает символическое значение. Валун как фундаментальный элемент ландшафта олицетворяет собой попытку обрести хоть какую-то устойчивость и защиту в мире, лишенном всякой надежды. Однако сам факт необходимости прятать тело друга свидетельствует о господстве смерти и разрушения, среди которого даже после гибели человек не находит покоя.

Эти строки, будучи кратким, но емким отражением войны, перекликаются с антивоенной литературой XX в., в частности, с произведениями Виктора Астафьева («Прокляты и убиты»), Василя Быкова («Сотников»), Константина Воробьёва («Убиты под Москвой»),

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Бориса Васильева («А зори здесь тихие…», «В списках не значился») и Виктора Некрасова («В окопах Сталинграда»), в которых дегероизация войны и акцент на индивидуальных страданиях становятся ключевыми мотивами. Подобные произведения формируют современное представление о войне, акцентируя внимание на травмирующем влиянии боевых действий на психику человека и разочаровании в прежних идеалах.

Заслуживает внимания стихотворение В. Верстакова «Прапорщик Зенин», посвященное судьбе русского солдата, рано осиротевшего, пережившего много страданий, но не очерствевшего и не озлобившегося на мир. Испытав сиротство, он смог сохранить в себе самые лучшие человеческие качества и стать для молодых бойцов «отцом», которого они пытаются заслонить собой в бою. В этом произведении прослеживается и мотив жертвенности.

Воинский долг на земле неизменен:
Будем России должны до конца.
Вы стали воином, прапорщик Зенин,
С Курской дуги не дождавшись отца.
Жить сиротою – судьба не простая,
В послевоенное время – вдвойне.
Самой голодной была на Алтае
Ваша семья не по вашей вине.
<…>
Вы это помните, прапорщик Зенин,
Не обвиняя судьбу и страну.
Воинский путь на земле неизменен:
Жизнь перейти и осилить войну.
<…>
Старше по возрасту даже комдива,
Вы ж – наш отец, боевой старшина.
Только останьтесь, пожалуйста, живы:
Это не Курск, это наша война.
<…>
Воинский долг на земле неизменен,
Друг перед другом мы только в долгу.
Да не спешите же, прапорщик Зенин –
Вас тяжело заслонять на бегу! [12].

Прапорщик Зенин, в чьей биографии отразилась трагедия целого поколения, становится символом непреклонного воинского духа, закаленного лишениями и верностью долгу. Его образ являет собой квинтэссенцию русского характера, способного преодолевать трудности. В нем воплощена память о войне, отражающаяся в каждом его действии, решении в боевых условиях.

Подвиг Зенина – это не просто выполнение служебных обязанностей, а осознанный выбор, продиктованный чувством ответственности перед Родиной и боевыми товарищами. Прапорщик олицетворяет собой не просто исполнителя приказов, а думающего воина, способного принимать самостоятельные решения в самых сложных ситуациях, руководствуясь при этом принципами гуманизма и сострадания. Его преданность долгу, его самоотверженность и героизм становятся ярким примером для подражания и напоминают о том, что истинная мощь армии – в силе духа ее солдат.

Президент Российской Федерации в речи по случаю 80-летия победы Красной Армии на Курской дуге отметил: «Все наши бойцы сражаются смело, решительно. Преданность Родине, верность воинской присяге объединяют всех участников специальной военной операции» [50]. Вполне справедливо отметить, что эти слова относятся не только к участникам СВО – они подчеркивают связь поколений, преемственность славных традиций нашего народа.

Заключение. Проведенное исследование вносит вклад в изучение военного творчества, обладающего чертами фольклора, и авторской песни XX в. посредством концептуализации «афганской» песни как специфического феномена, синтезирующего черты устной традиции и авторского начала. Научная новизна работы заключается в разработке и применении концепции «знания-переживания» для анализа текстов, подчеркивающей их экзистенциальную насыщенность и аутентичность передаваемого опыта, выходящего за рамки простой фактографии. Предложенная концепция предусматривает рассмотрение песен и стихов в качестве ключевого механизма формирования идентичности и сплочения и индивидуального экзистенциального самоописания в условиях травматического опыта. Исследование также выявляет глубинные архетипические основания тематики и образности, связывающие творчество военнослужащих 40-й ОА с пластами русского национального сознания и воинской культуры,

и впервые систематизирует комплекс социокультурных функций данного феномена, выходящих далеко за пределы художественной выразительности.

В процессе анализа установлено, что генезис «афганской» культуры обусловлен, во-первых, необходимостью компенсации дефицита официальной информации и психологического контекста («духовной лакуны»), сделавшей ее альтернативным, доверительным каналом осмысления войны. Во-вторых, процесс создания «афганской» лирики и распространения непосредственно в зоне боевых действий позволяет квалифицировать ее как живую фольклорную традицию, формирующуюся синхронно с отраженными в ней событиями.

Творчество воинов-«афганцев» не является фактографическим способом описания военной жизни, их песни это – «самоописания», обладающие высокой степенью непосредственной достоверности и сочетающие в себе правду рациональной аутентичности и эмоциональности чувственных переживаний. Это делает стихи и песни особо правдивыми, искренними, лишенными надуманного пафоса. Следовательно, эмоции, вложенные в эти произведения, отражают суждения здравого смысла, экзистенциальную, интенциональную и сиюминутную экспрессию, инструментальные суждения и мировоззренческие оценки.

Содержательно «афганские» стихи и песни концентрируются на аксиологически значимых темах, обостряющихся войной: жизни и смерти, смысле жертвы, долге, предательстве, тоске по дому, абсурдности насилия, выступая формой глубокой экзистенциальной рефлексии. Ядро ее содержания составляет «знание-переживание» – аутентичная передача эмоционально-чувственного опыта, «правды чувства». В образах и мотивах устойчиво воспроизводятся ценностно значимые архетипы Родины (часто персонифицированной как Мать), Воина (носителя долга и жертвенности) и Жертвы, осмысляемой не только героически, но и трагически.

Главными художественными достоинствами песен следует признать их эмоциональную и смысловую аутентичность, «выстраданность» слова, позволяющие воспринимать простоту и даже «наивность» как свидетельство подлинности. Для текстов характерно соединение документальной конкретики (топонимы, реалии быта) с глубоким лиризмом и обобщением. Преобладает трагический, элегический, рефлексивный тон, героизм часто представлен через повседневный долг и жертву товарищей. При этом опора на разговорную речь усиливает эффект непосредственности.

Аксиологические характеристики поэзии воинов-«афганцев» заключаются в утверждении и передаче базовых ценностей воинского братства, долга, любви к Родине (часто в ее «малой» форме), человечности и сострадания, представленных как практикуемые нормы выживания. Кроме того, показано общее восприятие всех воинов как русских людей, находящихся вдали от Родины. Присутствовали, впрочем, и внутренние критические мотивы, отражавшие разочарование и сомнения, но обычно не перераставшие в тотальное отрицание.

Авторская песня провозглашала важность таких ценностей, как консолидация ради достижения благородных целей и равноправие людей ратного труда, создавая тем самым общее смысловое поле и формируя корпоративную идентичность «афганцев». Как мемориальный феномен она зафиксировала память о событиях и погибших, создав неофициальный «памятник» войне, имеющий важное аксиологическое значение.

Поэтическое творчество воинов-интернационалистов стало одним из ключевых ценностных индикаторов культурной памяти, формирующих эмоциональный ландшафт восприятия Афганской войны. Исследование подтверждает резистентность глубинных, доидеологических аксиологических архетипов (жертвенность, соборность, образ Родины, милосердие), ярко проявившихся в песнях вопреки контексту государственного атеизма. Наконец, песня предстает феноменом неформальной духовности, выражением переживания предельных смыслов и этических дилемм в условиях, когда официальные каналы были ограничены.

Философско-культурологическое изучение песенного и поэтического творчества

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

воинов-интернационалистов представляет собой перспективное направление исследований, обладающее научной ценностью в аспекте понимания сложных социокультурных процессов, происходивших в советском и постсоветском обществе во второй половине XX – начале XXI в. Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Важным представляется сравнительный анализ афганского песенного творчества с творчеством участников других локальных конфликтов, солдатским фольклором Великой Отечественной войны и «окопной поэзией» Первой мировой для выявления универсалий и специфики. Целесообразно проведение исследований в рамках устной истории, фокусирующихся на воспоминаниях ветеранов о роли конкретных песен и стихов в их опыте. Актуален анализ рецепции и трансформации памяти об «афганской» лирике в современной культуре и мемориальных практиках. Создание комплексной оцифрованной базы таких текстов и аудиозаписей имеет практическую значимость. Теоретическое развитие и апробация концепции «знания-переживания» на другом материале также представляются весьма плодотворными.

Итак, песенно-поэтическое творчество советских военнослужащих в Афганистане предстает как многогранный социокультурный и экзистенциальный феномен, являющийся одним из многочисленных отражений наследия, сохраняемого многими поколениями наших предшественников. Данное наследие – это собой комплекс исторически сложившихся духовно-нравственных представлений и практик, которые, формируясь в рамках национальной культуры, были усвоены и институционализированы в традициях русского воинства, доблестно отстаивающего и ныне суверенитет и территориальную целостность нашей страны.

Marina A. URYUPINA
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov,
Krasnodar, Russian Federation
dma101@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3333-2808

Lyrics of Soviet Military Personnel – Participants in the Armed Conflict in Afghanistan (1979–1989): Axiological Dimension

Abstract. The author analyzes the frontline lyrics of "Afghan" soldiers to determine their axiological significance, exploring the origins, essence, poetics, key archetypes, and functions of their creative works in the aspects of self-representation, memory preservation, and non-instinctive spirituality. The research utilizes findings from philosophers, cultural scholars, philologists, and historians, as well as authentic sources (published electronic collections of poetry and songs by participants of the Afghan campaign). The methodological foundation is based on semiotic, hermeneutic, and empirical methods. The study is structured around three fundamental aspects defining the researched problematics: ethical, ethnopolitical, and military-professional. The analysis of ethical dimensions revealed a complex of moral and ethical dilemmas manifested in the specific actions of military personnel, characterizing them as bearers of high moral values and worthy successors to the traditions of the Russian army. The ethnopolitical analysis uncovered a complex of ideas and values revealed through the dialectical unity of international duty and patriotic love for the Motherland. It is established that this interconnection becomes a source of psychological resilience and moral support, creating a link between personal experience and national identity. The thesis on the continuity of spiritual and moral principles as the foundation of the Soviet soldier's patriotic consciousness is substantiated; this consciousness represents an established framework that defines an individual's behavior and worldview in the face of geopolitical challenges. The analysis of the military-professional aspect focused on the specifics of military activi-

ty, professional training, and ethics. Key value orientations were identified: loyalty to duty, friendship, military brotherhood, professionalism, responsibility, and readiness for self-sacrifice, which influenced the motivation of military personnel, their ability to complete assigned tasks, and their resilience to traumatic factors. t is established that "Afghan folklore" is a sociocultural phenomenon that accumulated features of folk tradition and authorial self-expression. The analysis of the themes and figurative structure of the songs revealed a connection to the archetypal layers of Russian national consciousness and military culture. It is determined that emotional authenticity and stylistic simplicity are key to understanding the authenticity of the works and their ability to impact the listener. The author concludes that the texts of the "Afghan" songs reflect the connection between generations and the fundamental worldview principles that form a national identity traditionally characteristic of Russian culture.

Keywords: armed conflict in Afghanistan, Afghan War, author's song, creative works of internationalist warriors, Viktor Verstakov, Valentin Gailin, Friedrich Bokarev.

Литература:

1. Артемов В. Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: докл. и материалы XIV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Москва, 14–16 декабря 2017 г.). Ч. 2. М.: Московский гуманитарный ун-т, 2017. С. 450–458.

2. Багичева Н. В., Чикаева Т. А. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: Архетипы Родины-матери в русском менталитете // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 34–40.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

4. Беленький Л. П. Авторская песня в отечественной песенной культуре второй половины XX в.: дис. ... канд. культурологии. М., 2015. 195 с.

5. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 527 с.

6. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

7. Бокарев Ф. М. Переход через Амударью // Бокарев Ф. М. Боль Афгана: стихи, баллады. Алма-Ата: Эксито, 1992. С. 18–20.

8. Брейтвейт Р. Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Ширикова. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 496 с.

9. Булгаков С. Н. Моя родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 364–373.

10. Бунтов Е. В. Феномен солдатского творчества на Афганской войне. Роль военной песни // Советский Союз в Афганистане: сб. науч. ст., документов, воспоминаний и очерков междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 28 февраля 2019 г.) / под ред. С. В. Неганова. Пермь: Уральский рабочий, 2019. С. 309–314.

11. Вдовин М. Стихи особой группы крови. К 25-летию окончания вывода советских войск из Республики Афганистан. 2014 [Электронный ресурс] // Управление государственной архивной службы Новосибирской области. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/migrate/deyatelnost/Vistavki/Documents/Stihi.pdf?ysclid=lelgxeh6xi450644705 (дата обращения: 15.05.2024).

References:

1. Artemov, V.L. (2017) Patriotizm i natsional'naya identichnost'. O vospitanii patriotizma [Patriotism and National Identity. On the Education of Patriotism]. In: *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: problemy vospitaniya* [Higher Education for the 21st Century: Problems of Education]. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 450–458.

2. Bagicheva, N.V. & Chikaeva, T.A. (2017) "Svitok, na kotorom otmechemy vse tayny bytiya": Arkhetipy Rodiny-materi v russkom mentalitete ["A Scroll on Which All the Mysteries of Existence are Marked": Archetypes of the Motherland in the Russian Mentality]. *Filologicheskiy klass*. 3 (49). pp. 34–40.

3. Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. 616 p.

4. Belen'kiy, L.P. (2015) *Avtorskaya pesnya v otechestvennoy pesennoy kul'ture vtoroy poloviny XX v.* [Author's Song in the National Song Culture of the Second Half of the 20th Century]. Culturology Cand. Diss. Moscow. 195 p.

5. Berdyaev, N.A. (2007) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo. 527 p.

6. Berdyaev, N.A. (1990) Russkaya ideya [The Russian Idea]. In: *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture: Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of the Russian Post-October Emigration]. Moscow: Nauka. pp. 43–271.

7. Bokarev, F.M. (1992) Perekhod cherez Amudar'yu [Crossing the Amu Darya]. In: *Bol' Afgana: stikhi, ballady* [The Pain of Afghanistan: Poems, Ballads]. Alma-Ata: Eksito. pp. 18–20.

8. Braithwaite, R. (2013) *Afgan: russkie na voyne* [Afgantsy: The Russians in Afghanistan]. Translated from English by A. Shirikov. Moscow: AST: CORPUS. 496 p.

9. Bulgakov, S.N. (1992) Moya rodina [My Motherland]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Respublika. pp. 364–373.

10. Buntov, E.V. (2019) Fenomen soldatskogo tvorchestva na Afganskoy voyne. Rol' voennoy pesni [The Phenomenon of Soldier's Creativity in the Afghan War. The Role of Military Song]. In: *Sovetskiy Soyuz v Afganistane* [The Soviet Union in Afghanistan]. Perm: Ural'skiy rabochiy. pp. 309–314.

12. Верстаков В. Г. Прапорщик Зенин [Электронный ресурс] // Автомат и гитара. URL: http://avtomat2000.com/verstakov1.htmll (дата обращения: 10.11.2024).

13. Верстаков В. Г. С чего начиналась «афганская» песня // На боевом посту. Газета ордена Ленина Московского округа ПВО. 1992. 7 мая (четверг). Спец. выпуск. № 77 (15321) / отв. ред. А. М. Андрианов. М.: Тип. газ. «Красный воин», 1992. 7 с.

14. Верстаков В. Г. Афганский дневник: повесть. М.: Воениздат, 1991. 397 с.

15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

16. Гайлин В. В. Неизданная книга [Электронный ресурс] // Автомат и гитара. URL: http://avtomat2000.com/gailin.html (дата обращения: 10.11.2024).

17. Гамзатовская формула: «В Дагестане я аварец, в России я дагестанец, за границей – русский» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/09/29/vot_ona_gamzatovskaya_formula_rossii_v_dagestane_ya_avarec_v_rossii_ya_dagestanec_za_granicei__russkii (дата обращения: 19.11.2024).

18. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. М. Лифшица. М.: Искусство, 1968. 311 с.

19. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3 / под ред. и с предисл. М. Лифшица. М.: Искусство, 1971. 620 с.

20. Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.

21. Гулевская Н. А. Место войны как социального явления в национальном сознании российского общества: философский анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 165–170.

22. Давидянц С. Юность наша (г. Джелалобад 24.11.82 г.) [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: https://stihi.ru/2015/02/05/796 (дата обращения: 05.12.2024).

23. Достоевский Ф. М. Парадоксалист // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.

24. Звонов А. В. Основные пути развития русской военной песни XIX века // Вестник адъюнкта. 2020. № 2 (8). С. 14.

25. Зорькин А. А. Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979–1994 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8, № 2. С. 116–123.

26. Иванова Е. Ю., Игнатова А. И. Песни военных лет как инструмент формирования патриотизма подрастающего поколения // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87–2. С. 203–206.

27. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Т. 1: [Путь духовного обновления; Основы христианской культуры; Кризис безбожия]. М.: Русская книга, 1996. 400 с.

28. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1992. С. 313–323.

29. Кирженко Н. Ф. Стихи об Афганской войне [Электронный ресурс] // Солдаты РФ. URL: https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_afganistane/

11. Vdovin, M. (2014) Stikhi osoboy gruppy krovi. K 25-letiyu okonchaniya vyvoda sovetskikh voysk iz Respubliki Afganistan [Poems of a Special Blood Type. To the 25th Anniversary of the Withdrawal of Soviet Troops from the Republic of Afghanistan]. [Online] Available from: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/migrate/deyatelnost/Vistavki/Documents/Stihi.pdf?ysclid=lelgxeh6xi450644705 (Accessed: 15.05.2024).

12. Verstakov, V.G. (n.d.) *Praporshchik Zenin* [Warrant Officer Zenin]. [Online] Available from: http://avtomat2000.com/verstakov1.htmll (Accessed: 10.11.2024).

13. Verstakov, V.G. (1992) S chego nachinalas' "afganskaya" pesnya [How the "Afghan" Song Began]. *Na boevom postu*. 77 (15321). p. 7.

14. Verstakov, V.G. (1991) *Afganskiy dnevnik: povest'* [Afghan Diary: A Tale]. Moscow: Voenizdat. 397 p.

15. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filos. germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress. 704 p.

16. Gaylin, V.V. (n.d.) *Neizdannaya kniga* [An Unpublished Book]. [Online] Available from: http://avtomat2000.com/gailin.html (Accessed: 10.11.2024).

17. Russkaya narodnaya liniya [Russain Folk Line]. (2023) *Gamzatovskaya formula: "V Dagestane ya avarets, v Rossii ya dagestanets, za granitsey – russkiy"* [Gamzatov's Formula: "In Dagestan I am an Avar, in Russia I am a Dagestani, Abroad I am Russian"]. [Online] Available from: https://ruskline.ru/news_rl/2023/09/29/vot_ona_gamzatovskaya_formula_rossii_v_dagestane_ya_avarec_v_rossii_ya_dagestanec_za_granicei__russkii (Accessed: 19.11.2024).

18. Hegel, G.W.F. (1968) *Estetika* [Aesthetics]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo. 311 p.

19. Hegel, G.W.F. (1971) *Estetika* [Aesthetics]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo. 620 p.

20. Gudkov, L.D. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative Identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, "VTsIOM-A". 816 p.

21. Gulevskaya, N.A. (2015) Mesto voyny kak sotsial'nogo yavleniya v natsional'nom soznanii rossiyskogo obshchestva: filosofskiy analiz [The Place of War as a Social Phenomenon in the National Consciousness of Russian Society: A Philosophical Analysis]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4 (35). pp. 165–170.

22. Davidyants, S. (1982) *Yunost' nasha (g. Dzhelalobad 24.11.82 g.)* [Our Youth (Dzhelalabad, 24.11.82)]. [Online] Available from: https://stihi.ru/2015/02/05/796 (Accessed: 05.12.2024).

23. Dostoevskiy, F.M. (2005) Paradoksalist [The Paradoxalist]. In: Danilenko, I.S. (ed.) *Russkie filosofy o voyne* [Russian Philosophers on War]. Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo pole. 496 p.

24. Zvonov, A.V. (2020) Osnovnye puti razvitiya russkoy voennoy pesni XIX veka [The Main Ways of Development of the Russian Military Song of the 19th Century]. *Vestnik ad»yunkta*. 2 (8). p. 14.

25. Zor'kin, A.A. (2025) Vospriyatie Afganskoy voyny v stikhotvoreniyakh i pesnyakh uchastnikov sobytiy 1979–1994 gg. [The Perception of the Afghan War in the Poems and Songs of the Participants of the Events of 1979–1994]. *Istoricheskiy byulleten'*. 8 (2). pp. 116–123.

stikhi_o_vojne_v_afganistane/stikhi_ob_afganskoj_vojne_n_f_kirzhenko/106-1-0-3507 (дата обращения: 13.11.2024).

30. Колесникова Н. А. Военная песня в духовной жизни российского общества: дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 180 с.

31. Колесова И. С. Учение о соборности А. С. Хомякова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2008. Вып. 6, № 11 (112). С. 176–184.

32. Лебедева Н. А. 20-тилетию вывода советских войск из Афганистана посвящаем. Культурологический аспект творчества воинов-афганцев. Херсон: Стар, 2009. 137 с.

33. Левин А. В. Афганистан. 1984–1986 [Электронный ресурс] // Art Of War. Творчество ветеранов. URL: http://artofwar.ru/l/lewin_a_w/artelxpolnajawersija.shtml (дата обращения: 11.06.2024).

34. Липатов В. А. «Афганская» песня в самодеятельной и профессиональной музыкальной культуре // Фольклор Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 11: Устная и рукописная традиции. С. 38–56.

35. Липатов В. А. Солдат и песня: 300 лет вместе [монография] // Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. 156 с.

36. Липатов В. А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 105–112.

37. Липатов В. А. Фольклор и новейшая военная история (о песнетворчестве бойцов спецотрядов 40-й армии «Зенит» и «Каскад») // Органы государственной безопасности на защите Отечества: XI Уральские военно-исторические чтения, посвящ. 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбур: Изд. дом «Сократ», 2018. С. 136–140.

38. Лосев А. Ф. Родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с. С. 420–428.

39. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 151 с.

40. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 544 с.

41. Луконин А. В. Роль военной песни в воспитании военнослужащих российской армии // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2 (19). С. 15–20.

42. Морозова В. Н. Афганский излом: по материалам песен Афганской войны 1979–1989 гг. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 2 (4). С. 21–29.

43. Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен 162 песни и 18 стихотворений Урал. и др. казачьих войск / собр. и изд. Н. Г. Мякушин. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. XVIII, 289 с.

44. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://

26. Ivanova, E.Yu. & Ignatova, A.I. (2025) Pesni voennykh let kak instrument formirovaniya patriotizma podrastayushchego pokoleniya [Songs of the War Years as a Tool for Forming the Patriotism of the Younger Generation]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 87–2. pp. 203–206.

27. Il'in, I.A. (1996) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Vol. 1. Moscow: Russkaya kniga. 400 p.

28. Karsavin, L.P. (1992) Vostok, Zapad i russkaya ideya [East, West and the Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Nauka. pp. 313–323.

29. Kirzhenko, N.F. (n.d.) *Stikhi ob Afganskoy voyne* [Poems about the Afghan War]. [Online] Available from: https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_afganistane/stikhi_o_vojne_v_afganistane/stikhi_ob_afganskoj_vojne_n_f_kirzhenko/106-1-0-3507 (Accessed: 13.11.2024).

30. Kolesnikova, N.A. (2002) *Voennaya pesnya v dukhovnoy zhizni rossiyskogo obshchestva* [Military Song in the Spiritual Life of Russian Society]. Culturology Cand. Diss. Moscow. 180 p.

31. Kolesova, I.S. (2008) Uchenie o sobornosti A.S. Khomyakova [The Doctrine of Sobornost by A.S. Khomyakov]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 6, 11 (112). pp. 176–184.

32. Lebedeva, N.A. (2009) *20-tiletiyu vyvoda sovetskikh voysk iz Afganistana posvyashchaem. Kul'turologicheskiy aspekt tvorchestva voinov-afgantsev* [Dedicated to the 20th Anniversary of the Withdrawal of Soviet Troops from Afghanistan. Culturological Aspect of the Creativity of Afghan Veterans]. Kherson: Star. 137 p.

33. Levin, A.V. (n.d.) *Afganistan. 1984–1986* [Afghanistan. 1984–1986]. [Online] Available from: http://artofwar.ru/l/lewin_a_w/artelxpolnajawersija.shtml (Accessed: 11.06.2024).

34. Lipatov, V.A. (2000) "Afganskaya" pesnya v samodeyatel'noy i professional'noy muzykal'noy kul'ture [The "Afghan" Song in Amateur and Professional Musical Culture]. In: *Fol'klor Urala* [Ural Folklore]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 38–56.

35. Lipatov, V.A. (2006) *Soldat i pesnya: 300 let vmeste* [Soldier and Song: 300 Years Together]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. 156 p.

36. Lipatov, V.A. (2009) Soldatskie pesni o lokal'nykh voynakh i konfliktakh vtoroy poloviny XX v [Soldiers' Songs about Local Wars and Conflicts of the Second Half of the 20th Century]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (24). pp. 105–112.

37. Lipatov, V.A. (2018) Fol'klor i noveyshaya voennaya istoriya (o pesnetvorchestve boytsov spetsotryadov 40-y armii "Zenit" i "Kaskad") [Folklore and the Newest Military History (On the Songwriting of the Fighters of the Special Units "Zenit" and "Kaskad" of the 40th Army)]. In: *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite Otechestva* [State Security Agencies in Defense of the Fatherland]. Yekaterinburg: Sokrat. pp. 136–140.

38. Losev, A.F. (1992) Rodina [Motherland]. In: Maslin, M.A. (ed.) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow: Respublika. pp. 420–428.

39. Losskiy, N.O. (1957) *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian People]. Frankfurt am Main: Posev. 151 p.

www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 20.01.2025).

45. Орлов И. Б. Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал // Государственная идеология и современная Россия: материалы всерос. науч.-обществ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Наука и политика, 2014. С. 107–114.

46. Осипов Н. Н. Тема Афганской войны в повестях Анатолия Хмыта // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. ст. регион. науч.-практ. видеоконф. «Чувашская литература периода Великой Отечественной войны» (Чебоксары, 11 мая 2020 г.). Вып. 11. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. С. 183–191.

47. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

48. Поляков О. Ю. Полякова О. А. Афганская война как геополитическая проблема в изображении современных отечественных и зарубежных писателей // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 7. С. 65–69.

49. Пономарева Т. А. Песенный фольклор «афганской» войны // Семантика народной культуры в литературе: материалы межвуз. междисциплин. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 21–22 октября 2021 г.). М.: Московский пед. гос. ун-т, 2022. С. 216–229.

50. Празднование 80-летия победы в Курской битве 23 августа 2023 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72094 (дата обращения: 11.11.2024).

51. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 624 с.

52. Роббе К. Светлана Бойм. Будущее ностальгии: [рецензия] // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 258–264.

53. Розенбаум А. Я. В горах Афгани // Аврора. 1988. № 10. С. 32.

54. Розенбаум А. Я. Дорога длиною в жизнь. 1987 [Электронный ресурс] // Александр Розенбаум: офиц. сайт. URL: https://rozenbaum.ru/discography/doroga-dlinoyu-v-zhizn-2.html (дата обращения: 12.12.2024).

55. Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.

56. Святейший Патриарх Кирилл. Исторически роль русского народа совершенно особая // Русский вестник. 2012. № 26. С. 3.

57. Святые отцы о делах милосердия [Электронный ресурс] // Милосердие-ДВ. URL: https://miloserdiedv.ru/svyatye-ottsy-o-dobrovolnoj-pomoshhi-blizhnemu/ (дата обращения: 20.11.2024).

58. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 382 с.

59. Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. 587 с.

60. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. М.: Кучково Поле, 2005. 495 с. С. 58–247.

40. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskiy proekt". 544 p.

41. Lukonin, A.V. (2025) Rol' voennoy pesni v vospitanii voennosluzhashchikh rossiyskoy armii [The Role of Military Song in the Education of Servicemen of the Russian Army]. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2 (19). pp. 15–20.

42. Morozova, V.N. (2014) Afganskiy izlom: po materialam pesen Afganskoy voyny 1979–1989 gg. [The Afghan Fracture: Based on the Materials of the Songs of the Afghan War of 1979–1989]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2 (4). pp. 21–29.

43. Myakushin, N.G. (1890) *Sbornik ural'skikh kazach'ikh pesen 162 pesni i 18 stikhotvoreniy Ural. i dr. kazach'ikh voysk* [Collection of Ural Cossack Songs 162 Songs and 18 Poems of the Ural and Other Cossack Troops]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. XVIII, 289 p.

44. Kremlin.ru. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (Accessed: 20.01.2025). (In Russian).

45. Orlov, I.B. (2014) Patriotizm v istorii Rossii: gosudarstvennaya ideologiya i tsennostnyy potentsial [Patriotism in the History of Russia: State Ideology and Value Potential]. In: *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya* [State Ideology and Modern Russia]. Moscow: Nauka i politika. pp. 107–114.

46. Osipov, N.N. (2020) Tema Afganskoy voyny v povestyakh Anatoliya Khmyta [The Theme of the Afghan War in the Stories of Anatoly Khmyta]. In: *Natsional'nye yazyki i literatury v polikul'turnykh usloviyakh* [National Languages and Literatures in Multicultural Conditions]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 183–191.

47. Peirce, Ch.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Translated from English. Moscow: Logos. 448 p.

48. Polyakov, O.Yu. & Polyakova, O.A. (2016) Afganskaya voyna kak geopoliticheskaya problema v izobrazhenii sovremennykh otechestvennykh i zarubezhnykh pisateley [The Afghan War as a Geopolitical Problem in the Depiction of Modern Domestic and Foreign Writers]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 65–69.

49. Ponomareva, T.A. (2022) Pesennyy fol'klor "afganskoy" voyny [Song Folklore of the "Afghan" War]. In: *Semantika narodnoy kul'tury v literature* [Semantics of Folk Culture in Literature]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 216–229.

50. Kremlin.ru. (2023) *Celebration of the 80th Anniversary of the Victory in the Battle of Kursk on August 23, 2023*. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72094 (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).

51. Ricoeur, P. (2002) *Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole. 624 p.

61. Стрелецкий Я. И., Сидоренко Н. С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50). С. 16–20.

62. Сухарев Д. Авторская песня: антология. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 1024 с.

63. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 466–476.

64. Ткаченко П. И. Афганистан болит в моей душе... : воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия, 1990. 254 с.

65. Ткаченко П. И. Когда поют солдаты: современное самодеятельное песенное творчество советских воинов, выполняющих интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия, 1987. 175 с.

66. Ткаченко П. И. Письма из Афгана. М.: Профиздат, 1991. 256 с.

67. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Типографія И. Лиссперъ и Ю. Романъ, Арбать, д. Платонова. 1886. Т. 1. 1157 с.

68. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. 361 с.

69. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.

70. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. Киев: Ника-Центр, 2011. 576 с.

71. Хмелевский С. В. Национальная военная музыка России как фактор патриотического воспитания // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 143–150.

72. Хомутова Е. Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века: дис.... канд. культурологии. Нижневартовск, 2002. 137 с.

73. Цаплин В. А. Афганская тетрадь: сб. стихов. Июнь 1985 – апрель 1987 гг. [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: https://proza.ru/2012/09/25/1572 (дата обращения: 11.11.2024).

74. Цеханская К. В. Религиозные архетипы жертвенности в цивилизованном самоопределении русских // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 11, Ч. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 601–605.

75. Чикаева Т. А. «Отечество» как философская категория // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, № 2. С. 105–111.

76. Чикаева Т. А. Родина и Отечество. Функции Отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V междунар. науч. конф. (Москва, 23 апреля 2021 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2021. С. 46–52.

77. Чикаева Т. А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 1. С. 90–99.

78. Чикаева Т. А. Родина. Отечество. Государство // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, 19 апреля 2019 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2019. С. 43–50.

52. Robbe, K. (2020) Svetlana Boym. The future of nostalgia: [book review]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. 2. pp. 258–264.

53. Rozenbaum, A.Ya. (1988) V gorakh Afgani [In the Mountains of Afghanistan]. *Avrora*. 10. p. 32.

54. Rozenbaum, A.Ya. (1987) Doroga dlinoju v zhizn' [A Lifelong Road]. *Aleksandr Rozenbaum: ofits. sayt* [Online] Available from: https://rozenbaum.ru/discography/doroga-dlinoyu-v-zhizn-2.html (Accessed: 12.12.2024).

55. Ryabov, O.V. (2001) *Matushka-Rus': Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii* [Mother-Rus': An Experience of Gender Analysis of the Search for Russia's National Identity in Domestic and Western Historiosophy]. Moscow: Ladomir. 202 p.

56. Svyateyshiy Patriarkh Kirill. (2012) Istoricheski rol' russkogo naroda sovershenno osobaya [The Historical Role of the Russian People is Completely Special]. *Russkiy vestnik*. 26. p. 3.

57. Miloserdie-DV. (n.d.) Svyatye ottsy o delakh miloserdiya [Holy Fathers on Works of Mercy]. [Online] Available from: https://miloserdiedv.ru/svyatye-ottsy-o-dobrovolnoj-pomoshhi-blizhnemu/ (Accessed: 20.11.2024).

58. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 382 p.

59. Solov'ev, V.S. (1914) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Vol. 5. 2nd ed. St. Petersburg: Prosveshchenie. 587 p.

60. Solov'ev, V.S. (2005) Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii [Three Conversations about War, Progress and the End of World History]. In: Danilenko, I.S. (ed.) *Russkie filosofy o voyne* [Russian Philosophers on War]. Moscow: Kuchkovo Pole. pp. 58–247.

61. Streeletskiy, Ya.I. & Sidorenko, N.S. (2018) Fenomen rossiyskogo patriotizma: sotsial'no-filosofskiy analiz [The Phenomenon of Russian Patriotism: Socio-Philosophical Analysis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 6 (50). pp. 16–20.

62. Sukharev, D. (2004) *Avtorskaya pesnya: antologiya* [Author's Song: An Anthology]. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 1024 p.

63. Teliya, V.N. (1999) Refleksy arkhetipov soznaniya v kul'turnom kontsepte "rodina" [Reflexes of Archetypes of Consciousness in the Cultural Concept "Rodina"]. In: *Slavyanskie etyudy: sb. k yubileyu S.M. Tolstoy* [Slavic Studies: Collection for the Anniversary of S.M. Tolstaya]. Moscow: Indrik. pp. 466–476.

64. Tkachenko, P.I. (1990) *Afganistan bolit v moyey dushe... : vospominaniya, dnevniki sovetskikh voinov, vypolnyavshikh internatsional'nyy dolg v Afganistane* [Afghanistan Hurts in My Soul...: Memoirs, Diaries of Soviet Soldiers Who Fulfilled Their International Duty in Afghanistan]. Moscow: Molodaya gvardiya. 254 p.

65. Tkachenko, P.I. (1987) *Kogda poyut soldaty: sovremennoe samodeyatel'noe pesennoe tvorchestvo sovetskikh voinov, vypolnyayushchikh internatsional'nyy dolg v Afganistane* [When Soldiers Sing: Contemporary Amateur Songwriting of Soviet Soldiers Fulfilling Their International Duty in Afghanistan]. Moscow: Molodaya gvardiya. 175 p.

79. Чикаева Т. А. Русское и западное понимание того, что есть Родина // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2023. № 33. С. 38–41.

80. Чикаева Т. А. Философское понимание Отечества: монография. М.: МХПИ, 2022. 124 с.

81. Чикаева Т. А. Осмысление русской культурной идентичности как путь сохранения и развития русской нации: монография. М.: ИЭАУ, 2009. 156 с.

82. Чупраков К. С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего современной Российской армии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 173 с.

83. Шапошников Л. Е. Реализация принципа соборности в деятельности современной русской православной церкви // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 2. С. 68–77.

84. Юнг К. Г. Психология бессознательного / пер. с англ. 2-е изд. М.: КогитоЦентр, 2010. 352 с.

85. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 343 с.

86. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2019. 496 с.

87. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2020. 336 с.

88. Юферев С. Александр Розенбаум в Афганистане [Электронный ресурс] // Военное обозрение. История. (04.02.2014). URL: https://topwar.ru/39291-aleksandr-rozenbaum-v-afganistane.html (дата обращения: 10.12.2024).

89. Boym S. The future of nostalgia. N. Y.: Basic Books, 2001. 452 p.

66. Tkachenko, P.I. (1991) *Pis'ma iz Afgana* [Letters from Afghanistan]. Moscow: Profizdat. 256 p.

67. Tolstoy, L.N. (1886) *Voyna i mir* [War and Peace]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya I. Lissper i Yu. Roman. 1157 p.

68. Fedotov, G.P. (1992) *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: in 2 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya. 361 p.

69. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Moscow: Institut Russkoy tsivilizatsii. 848 p.

70. Thomas Aquinas. (2011) *Summa teologii. Chast' II-II. Voprosy 1-46* [Summa Theologiae. Part II-II. Questions 1-46]. Kiev: Nika-Tsentr. 576 p.

71. Khmelevskiy, S.V. (2020) Natsional'naya voennaya muzyka Rossii kak faktor patrioticheskogo vospitaniya [National Military Music of Russia as a Factor of Patriotic Education]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 10 (1). pp. 143–150.

72. Khomutova, E.N. (2002) *Fenomen avtorskoy pesni v otechestvennoy kul'ture serediny XX veka* [The Phenomenon of the Author's Song in the National Culture of the Mid-20th Century]. Culturology Cand. Diss. Nizhnevartovsk. 137 p.

73. Tsaplin, V.A. (n.d.) *Afganskaya tetrad': sb. stikhov. Iyun' 1985 – aprel' 1987 gg.* [Afghan Notebook: Collection of Poems. June 1985 – April 1987]. *Proza.ru* [Online] Available from: https://proza.ru/2012/09/25/1572 (Accessed: 11.11.2024).

74. Tsekhanskaya, K.V. (2016) Religioznye arkhetipy zhertvennosti v tsivilizovannom samoopredelenii russkikh [Religious Archetypes of Sacrifice in the Civilized Self-Determination of Russians]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Development Prospects]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. pp. 601–605.

75. Chikaeva, T.A. (2018) "Otechestvo" kak filosofskaya kategoriya ["Fatherland" as a Philosophical Category]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 23 (2). pp. 105–111.

76. Chikaeva, T.A. (2021) Rodina i Otechestvo. Funktsii Otechestva [Motherland and Fatherland. Functions of the Fatherland]. In: *Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovanie, aktualizatsiya* [The Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization]. Moscow: Moscow Khudozhestvenno-promyshlennyy institut. pp. 46–52.

77. Chikaeva, T.A. (2017) Rodina ili Otechestvo: razgranichenie ponyatiy [Rodina or Otechestvo: Differentiation of Concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 90–99.

78. Chikaeva, T.A. (2019) Rodina. Otechestvo. Gosudarstvo [Rodina. Otechestvo. State]. In: *Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovanie, aktualizatsiya* [The Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization]. Moscow: Moscow Khudozhestvenno-promyshlennyy institut. pp. 43–50.

79. Chikaeva, T.A. (2023) Russkoe i zapadnoe ponimanie togo, chto est' Rodina [Russian and Western Understanding of What the Motherland Is]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 33. pp. 38–41.

80. Chikaeva, T.A. (2022) *Filosofskoe ponimanie Otechestva* [Philosophical Understanding of the Fatherland]. Moscow: MKhPI. 124 p.

81. Chikaeva, T.A. (2009) *Osmyslenie russkoy kul'turnoy identichnosti kak put' sokhraneniya i razvitiya russkoy natsii* [Comprehension of Russian Cultural Identity as a Way

of Preserving and Developing the Russian Nation]. Moscow: IEAU. 156 p.

82. Chuprakov, K.S. (2023) *Voennaya muzyka kak faktor formirovaniya dukhovnogo mira voennosluzhashchego sovremennoy Rossiyskoy armii* [Military Music as a Factor in the Formation of the Spiritual World of a Serviceman of the Modern Russian Army]. Philosophy Cand. Diss. Moscow. 173 p.

83. Shaposhnikov, L.E. (2015) Realizatsiya printsipa sobornosti v deyatel'nosti sovremennoy russkoy pravoslavnoy tserkvi [The Realization of the Principle of Sobornost in the Activities of the Modern Russian Orthodox Church]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 16 (2). pp. 68–77.

84. Jung, C.G. (2010) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr. 352 p.

85. Jung, C.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Translated from English. Moscow: Renessans. 343 p.

86. Jung, C.G. (2019) *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [The Archetype and the Collective Unconscious]. Translated from English. Moscow: AST. 496 p.

87. Jung, C.G. (2020) *Problemy dushi nashego vremeni* [The Problems of the Soul of Our Time]. Translated from English. St. Petersburg: Piter. 336 p.

88. Yuferev, S. (2014) *Aleksandr Rozenbaum v Afganistane* [Alexander Rosenbaum in Afghanistan]. [Online] Available from: https://topwar.ru/39291-aleksandr-rozenbaum-v-afganistane.html (Accessed: 10.12.2024).

89. Boym, S. (2001) *The future of nostalgia*. New York: Basic Books. 452 p.

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Урюпина М. А. Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение // Наследие веков. 2025. № 2. С. 13–41. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.001.

For citation:

Uryupina, M.A. (2025) Lyrics of Soviet Military Personnel - Participants in the Armed Conflict in Afghanistan (1979-1989): Axiological Dimension. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 13–41. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.001

Поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.04.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 12.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

БЕТОЕВА Елизавета Александровна
Московский государственный институт культуры
Москва, Российская Федерация
liza.betoeva@yandex.ru

УДК/UDC: [316.472.4:004.946]: 141.78
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.002

VR-среда в парадигме метамодернизма: генезис гибридных моделей социокультурного взаимодействия

Аннотация. Исследование посвящено выявлению специфики формирования гибридных моделей социокультурного взаимодействия в VR-среде (VR – виртуальная реальность). VR-практики проанализированы в контексте метамодернистской парадигмы, опорой при этом служат работы российских культурологов и специалистов по цифровым социальным коммуникациям. Эмпирическую базу составляют музейные и художественные VR-проекты, социальные VR-среды, а также образовательные платформы. На основе исследований о конвергенции реальных и виртуальных сообществ отмечается интеграция VR в различные сферы социальной жизни. Описаны ключевые черты метамодернистской парадигмы: транзитивность, гибридность и осцилляция. Выявлено, что VR-среды отличает формирование новых категорий культурной идентичности, сочетающих в себе цифровые и традиционные элементы, а также трансформация культурных практик. Подчеркнуты позитивные аспекты культурной интеграции в VR-среде и потенциальные риски для традиционных форм социального взаимодействия.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, VR-среда, метамодернизм, цифровая культура, социокультурное взаимодействие, гибридная идентичность, культурогенез.

© Бетоева Е. А., 2025

Введение. Цифровые технологии стали уже привычной частью повседневной реальности [24], трансформировав культуру и общество [1]. Подобные разработки оказали влияние на множество сфер человеческой жизни, что привело к системным изменениям и появлению новых культурных структур [3]. Современное развитие социокультурных процессов отражается в концепции метамодерна, которая вместе с развитием цифровой культуры дала основу для формирования новой парадигмы социальных и культурных взаимодействий [18], одним из атрибутов которой является, например, «неоднозначность и непостоянство образа собственного “я” и осцилляция между смыслами» [18, с. 111]. Представления о виртуальной реальности в социологическом дискурсе все чаще смещаются от технократического к культурно-социальному пониманию, в котором VR интерпретируется как фактор структурных изменений в обществе [6]. VR стала культурным феноменом, который меняет привычное представление об идентичности и моделях социокультурного взаимодействия. Изучение VR-среды через призму концепции метамодерна может помочь оценить влияние VR на современную культуру, выявить позитивные аспекты и возможные риски в условиях цифровой трансформации общества.

В эпоху технологий применение концепции метамодернизма становится актуальным, так как отражает сложные многослойные подходы к восприятию реальности, традициям и инновациям [14]. Стоит учитывать, что метамодерн как термин имеет несколько значений: «временной период (начиная с 2000 года по сегодняшний день); направление в различных видах искусства; социокультурное состояние в современных информационных обществах; структуру восприятия» [18, с. 4]. В современных гуманитарных исследованиях метамодерн рассматривается как познавательная структура сложной социокультурной реальности. Этот концепт можно интерпретировать как особый «культурный алгоритм», который улавливает новые способы взаимодействия человека с постоянно трансформирующимся миром. Концептуальные характеристики метамодерна раскрываются через несколько ключевых измерений. Первое – это транзитивность как базовый модус существования. Метамодерн отличается от попыток жестко структурировать реальность. Он представляет собой непрерывный процесс перехода между различными состояниями, в котором границы становятся все более условными. VR в этом контексте выступает идеальной метафорой такого непрерывного транзита. Второе – это гибридность как новая онтологическая реальность. Традиционные оппозиции («свое/чужое», «реальное/виртуальное», «физическое/цифровое») утрачивают свою бинарную природу. На смену приходит новая модель – мультивекторная, изменчивая, где каждый элемент может одновременно существовать во множестве измерений.

Теоретические школы, наиболее глубоко разрабатывающие концепт метамодерна, включают: постструктуралистскую традицию, акторно-сетевую теорию, цифровую антропологию, философию технологий [9] [17]. Каждая из этих школ предлагает свой взгляд для понимания метамодернистских концепций. Все они признают трансформацию современной культуры, в которой технологии – это не только инструмент, но и полноправный создатель культуротворческих процессов. Цифровую реальность в контексте метамодернистского подхода можно рассматривать как уникальное пространство культурогенеза. VR перестала быть только медиумом, она стала самостоятельной средой порождения смыслов, коммуникативных практик и социальных взаимодействий [2]. К характеристикам нового «культурного ландшафта» можно отнести: перманентную изменчивость, множественность интерпретаций, размытость онтологических границ, одновременное существование различных реальностей [11]. Важно подчеркнуть, что метамодерн является помимо теоретического конструкта живым динамическим процессом переосмысления культурных кодов и коммуникативных стратегий. VR выступает сегодня наиболее репрезентативной технологией, демонстрирующей сложность и многомерность метамодернистской парадигмы.

Исследование проблематики VR-феномена представляет собой междисципли-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

нарную область, находящуюся на пересечении культурологии, социологии, философии технологий и цифровой антропологии. Анализ научной литературы позволил выделить несколько ключевых направлений изучения данной проблематики. Теоретические основы исследования виртуальной реальности как культурного феномена были заложены в трудах Ж. Бодрийяра [4], который в своих работах о симулякрах и симуляции предвосхитил появление цифровой культуры как особой формы социальной реальности. Развитие этих идей в контексте цифровых технологий представлено в работах М. Кастельса [13], например, в трилогии «Информационная эпоха» (1996–1998) анализируется трансформация социальных структур под влиянием новых технологий. В российской научной традиции психолого-философские аспекты виртуальной реальности рассматривались Н. А. Носовым [16], который в 1990-х гг. предложил идею «виртуалистики» как особой области знания.

Концепция метамодернизма была впервые систематически разработана Т. Вермеюленом и Р. ван ден Аккером в работе «Заметки о метамодернизме» (2010) [48]. Авторы предложили понимание этого подхода как культурной логики, характеризующейся колебаниями между противоположными состояниями. Дальнейшее развитие эта концепция получила в работах Л. Тернера, который в манифесте метамодернизма (2011) [15] представил ее как попытку преодоления постмодернистской иронии через возврат к искренности. В российском научном дискурсе метамодернизм как культурная парадигма исследуется А. В. Павловым [17], который анализирует постпостмодернистские тенденции в культуре, а также А. С. Марковой и Г. И. Мамукиной, рассматривающими метамодернизм как способ преодоления дискретности современной культуры [14].

Социологические исследования VR посвящены больше цифровому пространству, нежели VR-феномену. Например, Ш. Теркл в работе «Alone Together» («Одиночество вместе»)[1] (2011) [47] анализирует влияние цифровых технологий на социальные связи, предвосхищая многие проблемы, связанные с VR-опосредованным общением. Д. Белл в «Cyberculture theorists Manuel Castells and Donna Haraway» (2007) [27] («Теоретики киберкультуры Мануэль Кастеллс и Донна Харауэй»), анализирует формирование новых форм социальности в цифровом пространстве. Российские ученые также активно обращались к тематике «цифровых миров», но нами были выделены только те авторы, вклад которых наиболее актуален для данного исследования. Например, большое значение имеют публикации Е. В. Алексеевой, посвященные влиянию цифровизации на культуру [1], Д. Д. Шемонаева и С. Д. Ивановой, рассматривающие эффекты, вызываемые цифровыми технологиями при социальном взаимодействии [24], а также Ф. И. Шаркова и Н. В. Кириллиной, фокусирующиеся на конвергенции реальных и виртуальных сообществ [23].

Практические аспекты применения VR-технологий в культурной сфере исследуются в работах по цифровому культурному наследию. Например, Э. Чемпион в «Critical Gaming…» («Критические игры…») (2015) [29] /, рассматривает игровые технологии как инструмент культурной трансмиссии. С. Кендердин [36] при изучении виртуальной археологии анализирует возможности VR для сохранения и репрезентации культурного наследия. Российские исследования в этой области представлены работами, посвященными применению VR в музейной сфере и образовании. Например, Ю. П. Зинченко с соавторами анализируют методологические аспекты использования VR, включая ее образовательный потенциал [11].

Концепция гибридности в культурных исследованиях развивается в работах Х. Бхабха, который в «The Location of Culture» («Расположение культуры») (1994) [28], предложил понимание культурной гибридности как процесса создания новых смыслов на границах культур. В российском контексте проблематика гибридности цифрового общества рассматривается Л. А. Василенко и Н. Н. Мещеряковой [5].

Анализ существующих исследований позволяет выделить несколько значимых пробелов в изучении роли VR при формировании

[1] Здесь и далее перевод наш – *Примеч. авт.*

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

гибридных моделей социокультурного взаимодействия. Во-первых, недостаточная теоретическая концептуализация VR-культуры (большинство исследований посвящено «цифровым пространствам», а не VR-феномену). Во-вторых, отсутствие системного анализа метамодернистских аспектов VR. И наконец, ограниченность эмпирического материала российских исследований и фрагментарность методологических подходов к анализу VR-опосредованных культурных практик.

Таким образом, несмотря на растущий интерес к проблематике VR-культуры, комплексное исследование роли VR при формировании гибридных моделей социокультурных взаимодействий в контексте метамодернистской парадигмы остается недостаточно разработанным направлением, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Цель данного исследования – определить специфику формирования гибридных моделей социокультурного взаимодействия в VR-среде, применив концепцию метамодернизма, и выявить влияние VR-феномена на трансформацию культурных практик.

Эмпирическая база исследования состоит из несколько групп источников. Первую группу составляют VR-проекты в сфере культурного наследия и музейного дела. Анализируются как международные инициативы («Rome Reborn», «Google Arts & Culture», «The British Museum's Virtual Gallery»), так и российские проекты («Hermitage VR», VR-проекты Русского музея). Эти материалы позволяют исследовать трансформацию способов репрезентации и трансляции культурной памяти. Вторую группу формируют образовательные VR-платформы и проекты («Engage VR», «Altspace VR») [7]. Полученные данные демонстрируют изменения в образовательных практиках и формирование новых вариантов культурной трансмиссии. Третью группу составляют художественные VR-проекты и платформы для творческого самовыражения (платформы «Tilt Brush», «The Museum of Other Realities», проекты от команды RiaLab: «Гордость Улыпа» и «Игра ремесел»). Эти источники позволяют исследовать трансформацию художественных практик и появление новых форм культурного творчества. Заключительная группа включает социальные VR-платформы («VRChat», «Decentraland», «The Sandbox»), которые предоставляют материал для анализа формирования новых моделей социального взаимодействия и идентичности.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий несколько исследовательских традиций. Анализ VR-проектов осуществляется в рамках цифровой гуманитаристики и применяется для выявления культурных смыслов и значений, формирующихся в VR-пространствах. Этот анализ позволяет выявить, как VR трансформирует традиционные культурные практики и создает новые формы иммерсивного опыта. Метод цифровой этнографии используется для исследования социальных практик в виртуальных сообществах. Данный подход, разработанный в рамках цифровой антропологии, позволяет изучать формирование новых вариантов социальности в VR-пространствах. Семиотический анализ применяется для исследования знаковых систем, формирующихся в виртуальных средах. Этот метод особенно важен для понимания процессов смыслообразования в VR-культуре. Феноменологический подход используется для анализа опыта взаимодействия с виртуальной реальностью. Данный метод предпочтителен при изучении специфики VR-опосредованного восприятия и влияния на формирование идентичности. Выбор комплексного методологического подхода обусловлен междисциплинарным характером исследуемой проблемы: VR-культура как феномен не может быть полноценно изучена в рамках только одной дисциплинарной традиции, поскольку она объединяет технологические, социальные, культурные и психологические аспекты.

Дизайн исследования строится на нескольких этапах. Теоретический этап включает анализ концептуальных оснований метамодерна и его проявлений в цифровой культуре. Данный этап подразумевает формирование теоретической базы для понимания VR-среды как киберпространства, которое способствует гибридизации социокультурных взаимодействий. Аналитический этап предполагает исследование конкретных VR-проектов и платформ с применением разработанного

методологического аппарата, а также анализ различных сфер применения VR-технологий (культурное наследие, образование, искусство и социальные коммуникации). Синтетический этап включает обобщение результатов анализа и формулирование выводов о роли VR в гибридизации идентичности и социокультурных процессов, выявление как позитивных аспектов культурной интеграции через VR, так и потенциальных рисков.

Научная значимость данного исследования определяется несколькими факторами. В теоретическом смысле полученные результаты окажут влияние на развитие понятийного аппарата, применяемого для анализа цифровой культуры в контексте метамодернистской парадигмы. Работа способствует формированию теоретической базы для понимания VR как культурного феномена, что важно для развития цифровой культурологии как научной дисциплины. Методологическая значимость состоит в разработке комплексного подхода к изучению VR-опосредованных культурных практик. Практические аспекты исследования заключаются в возможности использования его результатов для разработки культурной политики в сфере цифровых технологий, создания образовательных программ и культурных проектов с использованием VR-технологий. Исследование вносит вклад в решение более широкой научной проблемы – понимание трансформации культуры в условиях цифровизации.

* * *

Метамодерн как культурная парадигма представляет собой ответ на проблемы современности, связанные с усложнением реальности, расплывчатостью границ и необходимостью одновременно удерживать противоположные состояния. Он характеризуется транзитивностью, гибридностью и осцилляцией между полярными смыслами, именно эти свойства делают VR-среду его наглядным медиумом [13]. Цифровая эпоха, в которой метамодерн оформляется как особая культурная логика, требует от технологий не быть только инструментом, а стать полноценной средой смыслопорождения [2]. В этом контексте VR можно рассматривать как экспериментальное пространство культурогенеза, в котором происходит моделирование новых идентичностей, нарративов и форм коммуникации [11].

VR не просто визуализирует идеи метамодернизма, она позволяет их проживать, предлагая иммерсивный опыт множественности и переходности. Одной из основных гипотез в рамках настоящего исследования является утверждение, что VR способствует гибридизации традиционных и инновационных социокультурных практик, которые совмещают в себе элементы различных культурных условий. Процесс гибридизации связан не только с проникновением цифровой среды в каждый аспект нашей жизни, но и с тем, что границы между реальным и виртуальным мирами становятся все менее определенными [5].

Метамодернизм характеризуется гибкостью восприятия, включением разных культурных контекстов и поиском новых форм смысла [22]. Это особенно ярко проявляется в современной цифровой художественной практике. Например, художник Олафур Элиассон создает инсталляции, объединяющие природные элементы с цифровыми технологиями, тем самым воплощая эстетику осцилляции между органической и техногенной средами. Одним из знаковых примеров гибридного культурного опыта является проект «Google Arts & Culture» [33]. Приложение соединяет традиционное музейное восприятие с возможностями цифровой навигации и визуализации. Пользователь может одновременно участвовать в виртуальной экскурсии по Лувру и детально рассматривать мазки кисти Ван Гога в ультравысоком разрешении. Подобный режим взаимодействия создает новую форму культурного опыта, который можно охарактеризовать как межформатный, но при этом глубоко персонализированный и отражающий характер метамодернистского восприятия [20].

Как отмечалось выше, VR воплощает ключевые характеристики метамодернистской парадигмы [21]. Она предоставляет возможность создавать культурные пространства, где реализуется в первую очередь гибридность идентичностей [22]. Например, платформа «VRChat» [50] демонстрирует, как в VR можно экспериментировать с личной и коллективной индивидуальностью, объеди-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
Nasledie Vekov
2025 No. 2

няя разные культурные коды. Пользователь может быть одновременно участником нескольких культур, создавая уникальные формы самовыражения. Такая множественность не воспринимается как аномалия, а становится нормой сосуществования. Виртуальные среды служат не только пространством опыта, но и «медиаповерхностью», на плоскости которой репрезентации социокультурных сдвигов приобретают наглядную форму [3].

Аналогичным образом функционируют виртуальные миры «Decentraland» [30] и «The Sandbox» [45], создатели которых не ограничили пользовательскую активность потреблением контента: здесь создаются цифровые ландшафты, музеи, выставки, альтернативные культурные реальности. В этих пространствах традиционные культурные элементы смешиваются с новыми цифровыми формами, создавая условия для рождения гибридных идентичностей. Характерным примером метамодернистской синкретичности является проект «The Museum of Other Realities» [44]. Он помог художникам создать интерактивные выставки, в экспозициях которых классическое искусство сочетается с цифровыми технологиями. Используя VR, творцы смогли совместить традиционные и инновационные элементы, создав новый вид самовыражения. Зритель здесь не просто наблюдает, а переживает искусство в многослойном формате телесного вовлечения, что делает сам процесс эстетического восприятия радикально иным.

Особый интерес представляет эстетика переплетения противоположностей, также характерная для метамодернизма. VR позволяет соединить реалистичные элементы с фантазийными, историческое с воображаемым. Так, в проекте «Kremer Museum» [37], представляющем собой VR-среду, экспонаты голландской живописи XVII в. размещены в парящих 3D-комнатах, лишенных гравитации. Подобное сочетание классического наследия с сюрреалистичной архитектурой создает пространство культурной осцилляции, в котором нет жесткой фиксации на одном эстетическом коде. Сходным образом работает и приложение «Tilt Brush от Google» [46], позволяющее создавать трехмерные живописные произведения внутри VR-пространства. Здесь пользователь становится не только художником, но и пространственным скульптором, перемещающимся внутри собственного произведения. Такое расширение границ художественной практики не только технически ново, но и философски значимо, так как разрушает бинарные категории «внутри/вне», «наблюдатель/автор».

VR как медиум метамодерна также открывает уникальные возможности для развития нарративных структур. Проекты «Гордость Улыпа. VR-легенды Чувашии» [8] и «Игра ремесел» от команды RiaLab [12] демонстрируют объединение документальной достоверности с поэтической метафорой и переплетение личных воспоминаний с фантастическими образами. Проект «Гордость Улыпа. VR-легенды Чувашии» представляет собой синтез мифологических образов, фольклорных мотивов и исторических элементов. В VR-пространстве проекта осуществлена реализация интерактивного взаимодействия пользователя с центральным персонажем – мифологическим великаном Улыпом (на основе материалов из сказок, поверий и легенд). В проекте «Игра ремесел» используется техника рисования в виртуальном 3d пространстве. Во время погружения в VR пользователь исследует декоративно-прикладное искусство, узнает историю узоров, техник и ремесел, а затем сам участвует в их применении, что позволяет увидеть культурное наследие не как музейный артефакт, а как живую традицию, которая адаптируется к цифровому времени. Это иллюстрация ключевого принципа метамодерна – осцилляции между рациональным и иррациональным, личным и универсальным.

Приведенные примеры подтверждают тезис о соответствии VR принципам метамодернизма: он гибриден, полимодален, открыт к множественности и изменчивости. Через примеры художественных, музейных и идентификационных практик можно наблюдать, как виртуальная реальность превращается из технологии в культурный феномен.

Одной из ключевых функций виртуальной реальности стала трансформация способов хранения, репрезентации и переживания культурной памяти. Поскольку в концепции

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

метамодерна важно не столько сохранить прошлое, сколько создать с ним эмоциональный и телесный резонанс, VR-среда оказывается незаменимым культурным пространством. Виртуальная реальность позволяет выйти за пределы традиционного музейного подхода, в котором зритель является реципиентом. Вместо этого посетитель проживает иммерсивный культурный опыт через погружение и непосредственное участие (сотворчество) в исторических событиях. В проекте «Rome Reborn» [40], позволившем воссоздать древний Рим периода 320 г.н.э. посредством VR-технологий, археологическая точность была совмещена с интерактивными возможностями цифровой среды. В такой VR-среде зритель участвует в исторической реконструкции не только как наблюдатель, он получает опыт иммерсивной интерактивности, перемещаясь в историческую эпоху и «воздействуя» на прошлое.

В том же направлении работает проект «Hermitage VR…» [43]. Данное VR-пространство представляет собой цифровую реконструкцию интерьеров Зимнего дворца, в рамках которой посетитель имеет возможность интерактивно взаимодействовать с музейными экспонатами в виртуальной среде. Ключевыми характеристиками проекта являются внимание к культурно-исторической достоверности и систематическая интеграция образовательного контента. Подобный подход формирует новую возможность культурной интерпретации, в которой знание не передается «сверху вниз», а открывается в процессе телесного и эмоционального исследования.

Большой интерес представляет проект «Nefertari: Journey to Eternity» [39], который предлагает интерактивное исследование древнеегипетской гробницы с возможностью изучения иероглифов и фресок. Здесь VR становится способом оживления древней культуры и ее смыслов. Пользователь вступает в диалог с наследием, погружаясь в архитектурное, художественное и символическое пространство прошлого.

Все приведенные примеры отражают различные способы создания новых форматов работы с культурной памятью при помощи VR: от передачи к совместному созиданию, от дистанции к переживанию. В результате возникает новый концепт культурной памяти, который наделяет ее свойствами нелинейности, многослойности и транскультурности.

Особое внимание в этом контексте заслуживает феномен культурной гибридизации. Виртуальные музеи и социальные платформы позволяют интегрировать элементы различных культур в единое цифровое пространство, разрушая территориальные и хронологические границы. Например, на платформе «AltspaceVR» [25] пользователи из разных регионов реализуют культурные практики, объединяющие восточную философию, европейское искусство и американскую поп-культуру. В рамках платформы возникает не музей, а живая культурная сцена, на которой одновременно сосуществуют и взаимодействуют множество нарративов.

Подобный эффект наблюдается и в образовательных проектах. Платформа «Engage VR» [32], например, создает цифровые учебные VR-среды, в которых участники из разных стран сотрудничают в едином иммерсивном пространстве. География теряет значение, поскольку важной становится ментальная и эмоциональная сопричастность, формирующаяся внутри VR-среды, возникают культурные сообщества, основанные на культурном взаимодействии участников [7]. Подобные принципы находят применение и в профессиональном образовании: VR-симуляции активно используются в медицине для подготовки хирургов и других специалистов, создавая безопасную среду для сложных практик [26].

Таким образом, VR переопределяет саму природу культурной памяти: она становится интерактивной, коллективной, телесной и гибридной [19]. Это не только новое средство музейной экспозиции, но и иная форма культурного времени и пространства, в которой прошлое, настоящее и будущее сливаются в едином опыте.

VR все более явно выходит за пределы прикладных художественных или образовательных задач и становится пространством социальной трансформации и эксперимента с идентичностью. В культуре метамодерна не существует жесткой дихотомии между подлинным и сконструированным, поэтому VR

позволяет проживать множественные формы культурного и личного «я». Уже упоминавшиеся платформы «VRChat», «Decentraland» и «The Sandbox» представляют собой VR-среды, в которых пользователь может свободно экспериментировать с аватарами (своим виртуальным VR-телом), социальными ролями и культурными кодами. В таких пространствах возможны любые идентичности, синтез традиционного и нового, игрового и рефлексивного. Здесь не существует централизованной нормы, каждая личность становится гибридной и множественной по определению (осцилляция – одна из ключевых черт метамодернизма) [21]. Это приводит к формированию гибридных моделей социокультурного взаимодействия, в которых действие происходит не по заранее заданным сценариям, а через распределенное участие и коллективное созидание. Например, «Engage VR» [32] предлагает цифровые пространства для взаимодействия студентов, преподавателей и профессионалов из разных стран. Это не обычная образовательная платформа, а экосистема, олицетворяющая новые формы публичного пространства, преодолевающая пространственные и культурные границы.

VR-среда становится контекстом для рождения новых форм культурной коммуникации и самовыражения, о чем свидетельствуют и художественные инициативы. Так, проект «Digital Museum of Contemporary Art» [31] интегрирует классические произведения искусства с цифровыми инсталляциями, создавая полифоничное пространство культурного диалога. Здесь гибридизация выражается не в разрушении традиционного, а в создании синкретической структуры, внутри которой различные культурные языки сосуществуют и взаимодействуют. Похожие процессы наблюдаются в рамках инициативы «Virtual World Heritage Laboratory» [49], нацеленной в том числе на создание виртуальных музеев, подобных «The British Museum's Virtual Gallery» [42]. Такие пространства соединяют историческую достоверность с иммерсивной визуализацией, позволяя переживать культурный опыт, не выходя из цифровой среды. Однако такая трансформация порождает и эпистемологические вопросы [10]. Какова теперь природа аутентичности? Что считать «реальным» культурным переживанием в условиях полной медиатизации?

Социальный эффект VR-опосредованной коммуникации исследуется в рамках цифровой социологии [23]. Платформы вроде «AltspaceVR» и «VRChat» отражают возможности формирования новых моделей общения между VR-персонами. Однако наряду с этим возникает риск атомизации социальных связей: погруженность в цифровую среду не гарантирует качества общения, а, наоборот, может приводить к отчуждению [35]. Сложность адаптации VR-технологий также обусловлена культурной и экономической неоднородностью пользователей. Исследования отмечают значительную вариативность во внедрении VR в разных регионах, а «National Digital Inclusion Alliance (NDIA)» [38] указывает на проблему цифрового неравенства [34]. Доступ к качественному VR-оборудованию ограничен как технически, так и экономически, что создает новые формы социальной стратификации [38].

Не менее важны и когнитивные аспекты VR-вовлеченности. Проведенные исследования показывают, что длительное пребывание в иммерсивной среде может способствовать размыванию границ между реальной и виртуальной идентичностью. Данный эффект приводит к когнитивным искажениям, нарушению восприятия, а иногда – к социальной изоляции. Некоторые пользователи испытывают тревожные состояния и стресс, особенно в высокореалистичных сценариях. Все перечисленные проблемы актуализируют необходимость разработки протоколов психологической безопасности и нового понимания нормы в цифровой культуре [41].

Таким образом, VR становится не только новой формой культурного взаимодействия, она превращается в социотехническую лабораторию, в которой возможны эксперименты с идентичностью, социальной близостью, памятью и восприятием. Эти процессы уже сегодня задают контуры будущей культурной парадигмы и требуют междисциплинарного осмысления.

Заключение. Проведенный анализ роли виртуальной реальности (VR) в формирова-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

нии гибридных моделей социокультурного взаимодействия в контексте метамодерн-культуры выявил комплексную динамику трансформации культурных парадигм, требующую дальнейшей теоретической рефлексии и эмпирического анализа.

Современные исследования демонстрируют амбивалентную природу VR-технологий в культурогенезе. С одной стороны, VR открывает возможности для культурной интеграции и гибридизации, что подтверждается успешными проектами вроде Virtual Heritage Network. С другой стороны, возникают опасения, связанные с потенциальной деформацией традиционных форм культурной идентичности.

Методологический плюрализм в изучении данного феномена предполагает необходимость синтеза различных исследовательских парадигм. Например, современные междисциплинарные исследования демонстрируют продуктивность подхода, объединяющего методы цифровой этнографии, социальной семиотики и культурного анализа. Такое комплексное сочетание методов позволит более полноценно осмыслить процессы культурной трансформации в условиях технологической медиации. Формирование теоретического аппарата для анализа этих феноменов требует синтеза существующих подходов с новыми методологическими разработками. Только посредством такого комплексного подхода можно получить целостное представление о роли VR в формировании гибридных моделей социокультурного взаимодействия и их потенциальном влиянии на будущее общества.

Особую значимость в этой перспективе приобретает необходимость разработки этических и эпистемологических стандартов, которые позволят учитывать не только культурный, но и когнитивный эффект VR-опыта. В перспективе дальнейших исследований особую роль приобретает разработка новых методологических инструментов для анализа виртуальных культурных пространств. Ведущие исследовательские центры уже инициировали ряд проектов по созданию специализированных методик изучения VR-опосредованных культурных практик. Каждый этап этих исследований открывает новые направления для теоретической рефлексии и эмпирического анализа.

Научная новизна исследования заключается в нескольких ключевых аспектах. Предложена концептуализация VR как пространства метамодернистской гибридности, в рамках которой технологии выступают не только медиумом, но и активным агентом культурогенеза. Определены основные виды гибридных моделей социокультурного взаимодействия в сферах культурной памяти, образования, искусства и социальных коммуникаций. Кроме того, в рамках проделанной работы были обозначены теоретические границы анализа VR-опосредованных культурных практик как проявления метамодернистской осцилляции между противоположными состояниями. Одним из ключевых результатов явилось выявление специфических характеристик цифровой гибридности: транзитивности, полимодальности и детерриториализации культурных кодов. Применительно к анализу VR-технологий как фактора культурной трансформации была предложена авторская интерпретация метамодернистской парадигмы. Исследование продемонстрировало, что VR-среда функционирует как экспериментальное пространство, в котором происходит не просто воспроизведение существующих культурных практик, но и создание новых форм социокультурного взаимодействия. Выявленная амбивалентность VR-феномена, его способность одновременно интегрировать и фрагментировать культурный опыт отражает сущностные характеристики метамодернистской культуры. Формирование гибридных идентичностей в VR-пространствах характеризует переход от жестко структурированных культурных паттернов к флюидным, множественным формам социокультурного бытия.

Полученные результаты указывают на необходимость переосмысления традиционных подходов к культурному анализу в условиях цифровизации. VR предстает не как технология, а как культурная среда, в которой наиболее ярко проявляется цифровая гибридность метамодерна. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методологических инструментов для анализа долгосрочных эффектов VR-опосредованных

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
Nasledie Vekov
2025 No. 2

культурных практик, а также с изучением процессов формирования новых форм коллективной идентичности в виртуальных культурных пространствах. Таким образом, VR предстает не только медиумом, но и культурной средой, в которой наиболее ярко проявляется цифровая гибридность в рамках концепции метамодерна.

Elizaveta A. BETOEVA
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation
liza.betoeva@yandex.ru

VR Environment in the Metamodern Paradigm:
The Genesis of Hybrid Models of Sociocultural Interaction

Abstract. The study aims to determine the specifics of the formation of hybrid models of socio-cultural interaction in the virtual reality (VR) environment through the theoretical lens of metamodernism and to assess the impact of the VR phenomenon on the transformation of contemporary cultural practices. The research materials include international and Russian VR projects, divided into four main groups: projects in the sphere of cultural heritage and museum studies (Rome Reborn, Hermitage VR, etc.), educational platforms (Engage VR and AltspaceVR), artistic and creative projects (Tilt Brush, The Museum of Other Realities, etc.), and social VR platforms (VRChat, Decentraland, etc.). The methodological foundation is interdisciplinary, integrating approaches from digital humanities, digital ethnography, semiotic analysis, and phenomenology for a comprehensive study of the multifaceted nature of VR as a cultural phenomenon. At the initial stage, the conceptual foundations of metamodernism and its manifestations in digital culture were examined. At the analytical stage, specific VR platforms and projects were analyzed to identify the specifics of how they transform cultural practices. In particular, the influences of the VR environment on the hybridization of identity, cultural memory, and social communication were investigated. It was established that VR serves as fertile ground for the actualization of metamodernist principles, such as transitivity, hybridity, and oscillation between polar states. It was determined that VR technologies contribute to the creation of hybrid models of socio-cultural interaction by blurring the boundaries between the real and the virtual, the traditional and the innovative. Specific manifestations of this hybridization were identified in various domains: (1) in the sphere of cultural heritage (the transformation of passive observation into an immersive, interactive experience through VR); (2) in education (the creation of collaborative, borderless learning environments); (3) in art (the enabling of new forms of creative expression that combine physical and digital elements); and (4) in social communication (experimentation with identity and the formation of new communities). The conclusions emphasize that VR is not only a technological medium but also an active agent of cultural genesis, contributing to the development of fluid, multiple, and hybrid identities and social practices. The ambivalent nature of the VR phenomenon was revealed, implying its potential for cultural integration and innovation alongside risks associated with social atomization, cognitive distortions, and digital inequality.

Keywords: virtual reality, VR, VR environment, metamodernism, digital culture, socio-cultural interaction, hybrid identity, cultural genesis.

Литература:

1. Алексеева Е. В. Влияние цифровизации на культуру. Цифровые технологии в сфере культуры // Вестник науки. 2024. № 11. С. 1489–1499.
2. Аникина В. Г. Онтологические особенности и преадаптивность виртуальной реальности // Вопросы психологии. 2021. № 6. С. 3–12.

References:

1. Alekseeva, E.V. (2024) Vliyanie tsifrovizatsii na kul'turu. Tsifrovye tekhnologii v sfere kul'tury [The Impact of Digitalization on Culture. Digital Technologies in the Cultural Sphere]. *Vestnik nauki*. 11. pp. 1489–1499.
2. Anikina, V.G. (2021) Ontologicheskie osobennosti i preadaptivnost' virtual'noy real'nosti [Ontological Fea-

3. Ахмед М. М. А. Специфика медиарепрезентации социокультурных изменений в условиях цифровизации социума // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 2. С. 182–187. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-14.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.

5. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. № 6. С. 48–85. DOI 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.

6. Воронов К. А. Социологические представления о виртуальной реальности // Экономика. Социология. Право. 2021. № 2. С. 56–66.

7. Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ // Виртуальная реальность в образовании. URL: https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii (дата обращения: 28.01.2025).

8. Гордость Улыпа. VR-легенды Чувашии // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/2736390/Gordost_Ulypa_VRlegendy_CHuvashii/?l=russian (дата обращения: 28.01.2025).

9. Дробышева Е. Э. Гуманизм в горизонте метамодернистской парадигмы: антропология надежды // Таврические философские чтения: материалы XX междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 13–15 сент. 2024 г.). СПб.: Антиква, 2024. С. 19–21.

10. Дроздова А. В. Трансформация повседневных практик в цифровой реальности // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 56–62.

11. Зинченко Ю. П., Меньшикова Г. Я., Баяковский Ю. М., Черноризов А. М., Войскунский А. Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 54–62.

12. Игра ремесел // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/2467630/Igra_remesel_VRpogruzhenie_v_mir_narodnyx_promyslov/?l=russian (дата обращения: 28.01.2025).

13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высш. шк. экономики, 2000. 608 с.

14. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Отечественная филология. 2019. № 1. С. 89–98. DOI 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98.

15. Манифест метамодернизма // Metamodern. URL: https://metamodernizm.ru/manifesto/ (дата обращения: 22.08.2025).

16. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды Центра профориентации. М.: Путь, 2000. 69 с.

17. Павлов А. В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ: дис.... д-ра филос. наук. М., 2019. 350 с.

18. Рецова К. М. Метамодерн как экзистенциальный вызов: социокультурный аспект: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2023. 175 с.

19. Русский музей // Виртуальная реальность. URL: https://rusmuseumvrm.ru/projects/google/index.php (дата обращения: 28.01.2025).

tures and Pre-Adaptability of Virtual Reality]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 3–12.

3. Akhmed, M.M.A. (2022) Spetsifika mediareprezentatsii sotsiokul'turnykh izmeneniy v usloviyakh tsifrovizatsii sotsiuma [Specifics of Media Representation of Socio-Cultural Changes in the Context of Societal Digitalization]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 2. pp. 182–187. DOI: 10.18413/2408–932X-2022–8–2–0–14

4. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: Postum. 240 p.

5. Vasilenko, L.A. & Meshcheryakova, N.N. (2023) Gibridnost' tsifrovogo obshchestva: innovatsionnaya real'nost' ili utopiya? [The Hybridity of Digital Society: Innovative Reality or Utopia?]. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 6. pp. 48–85. DOI: 10.21146/2413–9084–2023–28–1–48–65

6. Voronov, K.A. (2021) Sotsiologicheskie predstavleniya o virtual'noy real'nosti [Sociological Concepts of Virtual Reality]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. 2. pp. 56–66.

7. Higher School of Business, National Research University Higher School of Economics. (n.d.) *Virtual'naya real'nost' v obrazovanii* [Virtual Reality in Education]. [Online] Available from: https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii (Accessed: 28.01.2025).

8. Steam. (n.d.) *Gordost' Ulypa. VR-legendy Chuvashii* [Pride of Ulyp. VR Legends of Chuvashia]. [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/2736390/Gordost_Ulypa_VRlegendy_CHuvashii/?l=russian (Accessed: 28.01.2025).

9. Drobysheva, E.E. (2024) Gumanizm v gorizonte metamodernistskoy paradigmy: antropologiya nadezhdy [Humanism in the Horizon of the Metamodernist Paradigm: Anthropology of Hope]. In: *Tavricheskie filosofskie chteniya* [Tauride Philosophical Readings]. St. Petersburg: Antikva. pp. 19–21.

10. Drozdova, A.V. (2022) Transformatsiya povsednevnykh praktik v tsifrovoy real'nosti [Transformation of Everyday Practices in Digital Reality]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. 1. pp. 56–62.

11. Zinchenko, Yu.P., Men'shikova, G.Ya., Bayakovskiy, Yu.M., Chernorizov, A.M. & Voyskunskiy, A.E. (2010) Tekhnologii virtual'noy real'nosti: metodologicheskie aspekty, dostizheniya i perspektivy [Virtual Reality Technologies: Methodological Aspects, Achievements and Prospects]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 54–62.

12. Steam. (n.d.) *Igra remesel* [Craft Game]. [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/2467630/Igra_remesel_VRpogruzhenie_v_mir_narodnyx_promyslov/?l=russian (Accessed: 28.01.2025).

13. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics. 608 p.

14. Markova, A.S. & Mamukina, G.I. (2019) Metamodernizm: preodolenie diskretnosti i individualizma [Metamodernism: Overcoming Discreteness and Individualism]. *Otechestvennaya filologiya*. 1. pp. 89–98. DOI: 10.18384/2310–7278–2019–1–89–98

15. *Metamodern* (n.d.) Manifest metamodernizma [Metamodernism Manifesto]. [Online] Available from: https://metamodernizm.ru/manifesto/ (Accessed: 22.08.2025).

20. Соловьева И. А. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Научные исследования и инновации. 2021. № 5. С. 395–397.

21. Тихонов О. В. Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2013. 24 с.

22. Хрущева Н. А. Метамодернизм и другие концепции культуры после постмодернизма в контексте музыковедения // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2020. № 5. С. 146–155.

23. Шарков Ф. И., Кириллина Н. В. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор // Социологическое обозрение. 2022. № 3. С. 229–249. DOI 10.17323/1728-192x-2022-3-229-249.

24. Шемонаев Д. Д., Иванова С. Д. Влияние цифровых технологий на социальное взаимодействие: вербальные и невербальные коммуникации // Политехнический молодежный журнал. 2023. № 9. С. 1–9. DOI 10.18698/2541-8009-2023-9-933.

25. AltspaceVR // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/407060/AltspaceVR/ (дата обращения: 08.01.2025).

26. AR and VR for Medicine: Practical Applications // Softline. URL: https://softline.ru/about/blog/ar-i-vr-dlya-mediciny-primenenie-na-praktike (дата обращения: 28.01.2025).

27. Bell D. J. Cyberculture theorists Manuel Castells and Donna Haraway. London: Routledge, 2007. XII, 161 p. (Routledge critical thinkers).

28. Bhabha H. The Location of Culture. London; N. Y.: Routledge, 1994. 285 p.

29. Champion E. Critical Gaming: Interactive History and Virtual Heritage. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2015. 213 p. (Digital Research in the Arts and Humanities).

30. Decentraland // Decentraland. URL: https://decentraland.org/ (дата обращения: 08.01.2025).

31. Digital Museum of Contemporary Art. URL: https://www.mmoca.org/programs/virtual-tours/(дата обращения: 28.01.2025).

32. Engage VR. URL: https://engagevr.io/ (дата обращения: 08.01.2025).

33. Google Arts & Culture // Google. URL: https://artsandculture.google.com/ (дата обращения: 08.09.2025).

34. Hyun-Woo L., Sanghoon K., Jun-Phil U. Social Virtual Reality (VR) Involvement Affects Depression When Social Connectedness and Self-Esteem Are Low: A Moderated Mediation on Well-Being // Frontiers in Psychology. 2021. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.753019/full (дата обращения: 28.01.2025).

35. Jänicke S., Pape T., Nivala A. The Social Impact of VR Technology on Society: A Systematic Literature Review // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/372772382_The_Social_Impact_of_VR_Technology_on_Society_A_Systematic_Literature_Review (дата обращения: 28.01.2025).

36. Kenderdine S. Embodiment, Entanglement, and Immersion in Digital Cultural Heritage // A New Companion to Digital Humanities / Ed. by S. Schreibman, R. Siemens, J. Unsworth. Chichester: John Wiley & Sons, 2015. P. 22–41. DOI 10.1002/9781118680605.ch2.

16. Nosov, N.A. (2000) Slovar' virtual'nykh terminov [Dictionary of Virtual Terms]. In: *Trudy laboratorii virtualistiki* [Proceedings of the Virtualistics Laboratory]. Moscow: Put'. 69 p.

17. Pavlov, A.V. (2019) *Filosofiya kul'tury v post-postmodernizme: kriticheskiy analiz* [Philosophy of Culture in Post-Postmodernism: A Critical Analysis]. Philosophy Dr. Diss. Moscow. 350 p.

18. Retsova, K.M. (2023) *Metamodern kak ekzistentsial'nyy vyzov: sotsiokul'turnyy aspekt* [Metamodern as an Existential Challenge: Sociocultural Aspect]. Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don. 175 p.

19. Russkiy muzey [Russian Museum]. (n.d.) *Virtual'naya real'nost'* [Virtual Reality]. [Online] Available from: https://rusmuseumvrm.ru/projects/google/index.php (Accessed: 28.01.2025).

20. Solov'eva, I.A. (2021) Virtual'naya kul'tura kak fenomen sovremennosti i ee reprezentatsiya v subkul'turnykh praktikakh [Virtual Culture as a Phenomenon of Modernity and Its Representation in Subcultural Practices]. *Nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 5. pp. 395–397.

21. Tikhonov, O.V. (2013) *Transformatsiya fenomena identichnosti v prostranstve seti Internet* [Transformation of the Identity Phenomenon in the Internet Space]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kazan. 24 p.

22. Khrushcheva, N.A. (2020) Metamodernizm i drugie kontseptsii kul'tury posle postmodernizma v kontekste muzykovedeniya [Metamodernism and Other Concepts of Culture after Postmodernism in the Context of Musicology]. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoy*. 5. pp. 146–155.

23. Sharkov, F.I. & Kirillina, N.V. (2022) Konvergiruemost' real'nykh i virtual'nykh soobshchestv v tsifrovom prostranstve: sotsiologicheskiy obzor [Convergence of Real and Virtual Communities in the Digital Space: A Sociological Review]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3. pp. 229–249. DOI: 10.17323/1728–192x-2022–3–229–249

24. Shemonaev, D.D. & Ivanova, S.D. (2023) Vliyanie tsifrovykh tekhnologiy na sotsial'noe vzaimodeystvie: verbal'nye i neverbal'nye kommunikatsii [The Impact of Digital Technologies on Social Interaction: Verbal and Non-Verbal Communications]. *Politekhnicheskiy molodezhnyy zhurnal*. 9. pp. 1–9. DOI: 10.18698/2541–8009–2023–9–933

25. Steam. (n.d.) AltspaceVR. [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/407060/AltspaceVR/ (Accessed: 08.01.2025).

26. Softline. (n.d.) *AR and VR for Medicine: Practical Applications*. [Online] Available from: https://softline.ru/about/blog/ar-i-vr-dlya-mediciny-primenenie-na-praktike (Accessed: 28.01.2025).

27. Bell, D.J. (2007) *Cyberculture theorists Manuel Castells and Donna Haraway*. London: Routledge. XII, 161 p. (Routledge Critical Thinkers).

28. Bhabha, H. (1994) *The Location of Culture*. London; New York: Routledge. 285 p.

29. Champion, E. (2015) *Critical Gaming: Interactive History and Virtual Heritage*. Farnham: Ashgate Publishing Limited. 213 p. (Digital Research in the Arts and Humanities).

30. *Decentraland* (n.d.) Decentraland. [Online] Available from: https://decentraland.org/ (Accessed: 08.01.2025).

37. Kremer Museum // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/774231/The_Kremer_Collection_VR_Museum/ (дата обращения: 28.01.2025).

38. National Digital Inclusion Alliance // NDIA. URL: https://www.digitalinclusion.org/definitions/ (дата обращения: 28.01.2025).

39. Nefertari: Journey to Eternity // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/861400/Nefertari_Journey_to_Eternity/ (дата обращения: 08.01.2025).

40. Rome Reborn: Flight Over Ancient Rome // Flyover Zone. URL: https://www.flyoverzone.com/rome-reborn-flight-over-rome/ (дата обращения: 08.01.2025).

41. Stress and Anxiety in Virtual Reality: A Systematic Review // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/342772382 (дата обращения: 28.01.2025).

42. The British Museum's Virtual Gallery // Google Arts. URL: https://artsandculture.google.com/partner/the-british-museum (дата обращения: 28.01.2025).

43. The Hermitage VR Experience // Видеофабрика. URL: https://videofabrika.com/projects/hermitage-vr (дата обращения: 08.09.2025).

44. The Museum of Other Realities // The Museum of Other Realities. URL: https://www.museumor.com/ (дата обращения: 28.01.2025).

45. The Sandbox. URL: https://sandboxvr.com/ (дата обращения: 28.01.2025).

46. Tilt Brush от Google // Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/327140/Tilt_Brush/?l=russian (дата обращения: 28.01.2025).

47. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. N. Y.: Basic Books, 2011. 360 p.

48. Vermeulen T., Akker R. van den Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010, Vol. 2. P. 1–14. DOI 10.3402/jac.v2i0.5677.

49. Virtual World Heritage Laboratory // Indiana University. URL: https://vwhl.luddy.indiana.edu (дата обращения: 28.01.2025).

50. VRChat // VRChat. URL: https://hello.vrchat.com/ (дата обращения: 08.01.2025).

31. Digital Museum of Contemporary Art. (n.d.) *Digital Museum of Contemporary Art.* [Online] Available from: https://www.mmoca.org/programs/virtual-tours/ (Accessed: 28.01.2025).

32. Engage. (n.d.) *Engage VR.* [Online] Available from: https://engagevr.io/ (Accessed: 08.01.2025).

33. Google. (n.d.) *Google Arts & Culture.* [Online] Available from: https://artsandculture.google.com/ (Accessed: 08.09.2025).

34. Hyun-Woo, L., Sanghoon, K. & Jun-Phil, U. (2021) Social Virtual Reality (VR) Involvement Affects Depression When Social Connectedness and Self-Esteem Are Low: A Moderated Mediation on Well-Being. *Frontiers in Psychology*. [Online] Available from: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.753019/full (Accessed: 28.01.2025).

35. Jänicke, S., Pape, T. & Nivala, A. (n.d.) The Social Impact of VR Technology on Society: A Systematic Literature Review. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/372772382_The_Social_Impact_of_VR_Technology_on_Society_A_Systematic_Literature_Review (Accessed: 28.01.2025).

36. Kenderdine, S. (2015) Embodiment, Entanglement, and Immersion in Digital Cultural Heritage. In: Schreibman, S., Siemens, R. & Unsworth, J. (eds.) *A New Companion to Digital Humanities*. Chichester: John Wiley & Sons. pp. 22–41. DOI: 10.1002/9781118680605.ch2

37. Steam. (n.d.) *Kremer Museum.* [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/774231/The_Kremer_Collection_VR_Museum/ (Accessed: 28.01.2025).

38. National Digital Inclusion Alliance (NDIA). (n.d.) *Definitions*. [Online] Available from: https://www.digitalinclusion.org/definitions/ (Accessed: 28.01.2025).

39. Steam. (n.d.) *Nefertari: Journey to Eternity*. [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/861400/Nefertari_Journey_to_Eternity/ (Accessed: 08.01.2025).

40. Flyover Zone. (n.d.) *Rome Reborn: Flight Over Ancient Rome*. [Online] Available from: https://www.flyoverzone.com/rome-reborn-flight-over-rome/ (Accessed: 08.01.2025).

41. ResearchGate. (n.d.) *Stress and Anxiety in Virtual Reality: A Systematic Review.* [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/342772382 (Accessed: 28.01.2025).

42. Google Arts & Culture. (n.d.) *The British Museum's Virtual Gallery*. [Online] Available from: https://artsandculture.google.com/partner/the-british-museum (Accessed: 28.01.2025).

43. Videofabrika. (n.d.) *The Hermitage VR Experience*. [Online] Available from: https://videofabrika.com/projects/hermitage-vr (Accessed: 08.09.2025).

44. The Museum of Other Realities. (n.d.) *The Museum of Other Realities*. [Online] Available from: https://www.museumor.com/ (Accessed: 28.01.2025).

45. *The Sandbox.* (n.d.) [Online] Available from: https://sandboxvr.com/ (Accessed: 28.01.2025).

46. Steam. (n.d.) *Tilt Brush ot Google* [Tilt Brush by Google]. [Online] Available from: https://store.steampowered.com/app/327140/Tilt_Brush/?l=russian (Accessed: 28.01.2025).

47. Turkle, S. (2011) *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books. 360 p.

48. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (2010) Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2. pp. 1–14. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

49. Indiana University. (n.d.) *Virtual World Heritage Laboratory*. [Online] Available from: https://vwhl.luddy.indiana.edu (Accessed: 28.01.2025).

50. *VRChat.* (n.d.) [Online] Available from: https://hello.vrchat.com/ (Accessed: 08.01.2025).

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Бетоева Е. А. VR-среда в парадигме метамодернизма: генезис гибридных моделей социокультурного взаимодействия // Наследие веков. 2025. № 2. С. 42–55. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.002

For citation:

Betoeva, E.A. (2025) VR Environment in the Metamodern Paradigm: The Genesis of Hybrid Models of Sociocultural Interaction. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 42–55. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.002

Поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.06.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 15.06.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

НАУМОВА Елена Георгиевна
Институт повышения квалификации
Белорусского государственного университета культуры и искусств,
Минск, Республика Беларусь
alnaumova74@mail.ru

УДК/UDC: [[351.853.1:316.722]:[373.543+377+378]:7]:[005.334+005.336](476)
ГРНТИ: 13.61.91
ВАК: 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.003

Репрезентация национального наследия Беларуси в педагогической работе образовательных учреждений сферы культуры: перспективы и ограничения

Аннотация. В исследовании оценивается эффективность репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в работе образовательных учреждений сферы культуры республики, а также выявляются перспективы и проблемные стороны соответствующей деятельности. Материалами явились данные экспертного опроса с участием 20 преподавателей таких учреждений, рассматриваются работы белорусских исследователей, затрагивающие проблематику историко-культурного наследия. Выявлены и охарактеризованы позиции экспертов по пяти ключевым, по мнению автора, вопросам, связанным с изучаемой проблемой, проведен SWOT-анализ основных результатов экспертного опроса. Автор заключает, что повышение эффективности репрезентации наследия требует системного подхода, сфокусированного на адаптации образовательных процессов к современным технологическим реалиям и противодействии внешним вызовам для сохранения аутентичности и регулятивного потенциала национального наследия Республики Беларусь.

Ключевые слова: Республика Беларусь, историко-культурное наследие Беларуси, культурная идентичность, репрезентация историко-культурного наследия, образовательная практика, учреждения образования сферы культуры.

© Наумова Е. Г., 2025

В культурологическом знании понятие «историко-культурное наследие» подразумевает совокупность созданных в процессе исторического развития народа наиболее отличительных материальных и нематериальных объектов, которые обладают исторической ценностью и универсальной культурной значимостью. В образовательном аспекте приобщение к историко-культурному наследию Беларуси учащейся и студенческой молодежи является одним из путей формирования у нее сбалансированной картины мира, этнокультурной и гражданской идентичности на основе реальных исторических знаний. Освоение национального наследия содействует воспитанию в духе патриотизма и ответственности за настоящее и будущее страны, становится средством сохранения исторической правды. В аспекте профессиональной подготовки специалистов для организаций сферы культуры его изучение обусловлено необходимостью формирования личностно-профессиональных компетенций, которые «представляют собой совокупность органично взаимосвязанных качеств, ценностных ориентаций, принципов, норм, убеждений, мотивов поведения, критериев и результатов» [2, с. 100]. Данный аспект определяет актуальность и значимость работы, выполненной на основе анализа экспертных мнений специалистов из профильных образовательных учреждений по тематике использования белорусского историко-культурного наследия в образовательной практике.

В современной белорусской науке проблематика изучения, сохранения, популяризации и охраны историко-культурного наследия республики активно рассматривается в различных предметных аспектах. Так, в публикациях известного белорусского правоведа И. Э. Мартыненко исследуются вопросы нормативно-правовой регламентации охраны историко-культурного наследия Беларуси, характеризуется отечественный опыт кодификации законодательства в сфере культуры и практика его применения в различных условиях [16] [17]. В работе Т. П. Ивановой анализируется законодательство Беларуси в области охраны историко-культурного наследия, раскрывается его взаимосвязь с международно-правовыми актами, принятыми в рамках ЮНЕСКО [8].

Л. Г. Воронецкой на основе результатов SWOT-анализа белорусской сферы культуры отражена взаимосвязь устойчивого развития, национальной безопасности и государственного регулирования сферы культуры [4]. В статье С. П. Витязя и Ю. В. Нестеровича исследуются вопросы становления белорусского памятниковедения как междисциплинарной отрасли научного знания, определяется необходимость расширения таксономии культурного наследия и уточнения терминологического аппарата культурологии, обосновывается включение в категорию «заповедные места» объектов народного почитания, отличающихся уникальной комбинаторикой материальных и нематериальных элементов [3]. Н. А. Почобут в историческом и культурологическом аспектах рассматривает вопросы музеефикации памятников археологии в Беларуси, выявляет значение данного процесса для сохранения и популяризации национального наследия в целях развития культуры [20].

Проблематика управленческого и экономического стимулирования внутреннего и въездного культурного туризма в стране путем привлечения внимания к историко-этнографической специфике регионов, популяризации белорусских памятников архитектуры и самобытного нематериального культурного наследия изучается А. Ю. Саковичем [21]. Следует отметить, что широкий круг вопросов, связанных с различными аспектами развития национальной культуры, изучения белорусского фольклора и этнологической проблематикой, постоянно рассматривается в научных статьях, публикуемых в сборнике «Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі» («Вопросы искусствоведения, этнологии и фольклористики»), издаваемом с 2006 г. Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси [27].

Однако на периферии современного белорусского культурологического дискурса фактически находится вопрос о роли историко-культурного наследия Беларуси в конструировании образовательной практики, воспитательной и идеологической работы

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

учреждений образования сферы культуры. Между тем данный исследовательский ракурс представляет известный научный интерес в силу ряда причин. Во-первых, существует необходимость выявления и анализа социокультурных условий, определяющих повышение значимости нематериальных культурных ценностей в образовательной деятельности профильных образовательных учреждений. Во-вторых, требуется выявить значение белорусского нематериального культурного наследия в нормативно-ценностном компоненте образовательной деятельности исследуемых учреждений. Наконец, в-третьих, важно установить, какую работу по сохранению и популяризации национального наследия проводят преподаватели профильных учебных заведений и каким образом она влияет на социализацию учеников и студентов.

Цель статьи – оценить в педагогической практике образовательных учреждений сферы культуры эффективность репрезентации историко-культурного наследия Беларуси, определить пути ее повышения.

Следующие задачи детализируют цель исследования:

• установить доминирующее отношение современной учащейся и студенческой молодежи к материальным объектам историко-культурного наследия Беларуси и нематериальным проявлениям творчества белорусского народа;

• выявить основные учебные предметы (дисциплины), в рамках которых в учреждениях образования сферы культуры изучается историко-культурное наследие Беларуси;

• определить материальные культурные ценности (объекты) и нематериальные проявления творчества белорусского народа, наиболее значимые с точки зрения организации воспитания детей и молодежи в исследуемых учреждениях;

• оценить содержание сайтов профильных учреждений с точки зрения их вклада в популяризацию историко-культурного наследия Беларуси среди учащейся и студенческой молодежи;

• выделить формы организации деятельности учащихся и студентов, наиболее эффективные с точки зрения их привлечения к благоустройству объектов материального культурного наследия.

Объектом исследования, выполненного в рамках качественной парадигмы и на теоретико-методологическом основании культурологии образования, являются учреждения образования сферы культуры Республики Беларусь. Предметом научных изысканий выступает процесс репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в образовательной практике упомянутых образовательных учреждений. Методология включает общенаучные методы исследования, анкетный опрос экспертов (проведен для сбора первичных данных в июне 2025 г.) [12], SWOT-анализ [9] [10].

Источниками исследования выступили научные работы белорусских исследователей по проблематике историко-культурного наследия, в которых рассматриваются различные аспекты этого проблемного поля: генезис белорусских народных мифопоэтических представлений, их роль в формировании нематериального культурного наследия (А. И. Локотко [15], В. М. Конон [29], А. А. Шамак [31]); нормативно-правовые и исторические аспекты формирования национальной системы государственной охраны материального и нематериального культурного наследия (И. Э. Мартыненко [16] [17], Ю. В. Зенькевич [7], Т. П. Иванова [8]); роль белорусского языка в формировании смыслового и нормативно-ценностного содержания историко-культурного наследия (Н. В. Абабурко и И. М. Ячменева [26]); специфика этнокультурного развития Беларуси, роль этнических традиций в воспроизводстве нематериального культурного наследия и формировании аксиосферы белорусского общества (И. В. Козакова [28], Е. В. Кузнецова [13], А. И. Тяпкова [23]); современные направления и формы работы белорусских учреждений образования с национальным историко-культурным наследием (С. Д. Гринько [6], М. А. Яковлева [25]); теоретические и прикладные аспекты ревитализации историко-культурного наследия в современных социокультурных условиях, его сохранение, музеефикация, репрезентация и публичная трансляция (А. И. Смолик [30], Т. А. Ковальчук [11]); этнокультурный компонент как фактор

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

организации воспитательной работы в учреждениях образования (В. С. Болбас [1], А. А. Похомова [19], Е. С. Сочнева [22]). Первичными материалами послужили заполненные анкеты экспертного опроса, содержащие аргументированные оценочные суждения специалистов по рассматриваемой проблематике.

В роли экспертов выступили 20 преподавателей и учителей (из которых 3 являются кандидатами культурологии), которые представляют различные профильные учреждения образования (УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», УО «Гомельский государственный колледж искусств им. Н. Ф. Соколовского», УО «Гомельский государственный художественный колледж», УО «Минский государственный колледж искусств», УО «Могилёвский государственный колледж искусств», ГУО «Белыничская детская школа искусств», ГУО «Мокрянская детская школа искусств» и др.). Такой подбор экспертов обусловлен целью и предметом исследования, актуализация которых подразумевает специализированные знания, профессиональный опыт и педагогическое мастерство респондентов. Так, средний стаж их работы в сфере культуры составил 21 год, что позволяет рассматривать экспертные оценки респондентов как релевантные состоянию и тенденциям развития всей системы образования сферы культуры.

Исследование напрямую затрагивает вопрос о механизмах (образовательных, идеологических, культурных), которые используются для формирования гражданской и этнокультурной идентичности в современном государстве. Работа не только фиксирует текущее состояние исследуемой проблемы, но и фактически выявляет посредством SWOT-анализа диалектику традиционного и современного. Эта диалектика отражает возможности цифровых технологий, волонтерства и новых медиа в аспекте противостояния таким угрозам, как коммерциализация и глобализация, нивелирующим этническую идентичность. Можно считать, что работа представляет собой определенный вклад в теоретические разработки, связанные с проблемой модернизации культурного наследия без утраты его внутренней сути.

* * *

В ходе проведенного опроса эксперты выделили ряд характеристик белорусского историко-культурного наследия, которые определяют его постоянство в историческом времени и в разных социокультурных условиях. Во-первых, этот феномен является продуктом культурного творчества прошлых поколений, определяющим этнокультурную уникальность жизни и характеризующим идентичность белорусского народа. Во-вторых, национальное наследие объединяет уникальные для страны материальные объекты (памятники архитектуры, археологии, истории, искусства), нематериальные проявления (обычаи, фольклор, традиционные технологии) и природные ландшафты, имеющие историческую, художественную, научную или духовную ценность. В-третьих, социальная практика свидетельствует о том, что наиболее ценные и почитаемые культурные объекты, элементы материальной и духовной культуры Беларуси, созданные прошлыми поколениями, выдержали испытание временем и являются важными составляющими человеческой цивилизации. В-четвертых, наследие является этнокультурным основанием связи поколений, создающим социокультурный контекст системы «прошлое – настоящее – будущее».

С точки зрения экспертов, в условиях усиления воздействия культурной глобализации на социокультурное пространство современного белорусского общества именно его нематериальное культурное наследие начинает играть все более значимую роль. По мнению экспертов, это обусловлено тем, что данный феномен как квинтэссенция культурогенеза белорусского народа не только характеризует этнокультурную уникальность его исторического, культурного и духовного развития, но и формирует своеобразный иммунитет к нивелирующему воздействию процессов культурной глобализации. В данном случае белорусские специалисты поддерживают позицию российских коллег, аналогично рассматривающих и концептуализирующих культурное наследие как «выдающиеся объекты и ценности, созданные прошлыми поколениями, выдержавшие испытание временем, выявленные, сохраняемые и использу-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

емые в социокультурных и духовных процессах, передающиеся последующим поколениям как общественное достояние государства и общества» [14, с. 34].

Для определения доминирующего отношения современной учащейся и студенческой молодежи к материальным объектам историко-культурного наследия Беларуси и нематериальным проявлениям творчества белорусского народа экспертам были заданы соответствующие вопросы.

С точки зрения респондентов, в целом для всех групп молодежи характерно заинтересованное и уважительное отношение к материальным объектам национального наследия Беларуси. Подтверждением этому служит востребованность экскурсионных туров для посещения таких объектов (замков, усадеб, парков) среди учащейся и студенческой молодежи, поддержка ее представителями культурного волонтерства, а также активное участие молодых людей в мероприятиях и проектах по сохранению материальных объектов наследия в регионах. При этом, по мнению экспертов, наблюдается небольшое различие по критериям возраста и территориального расселения: во-первых, в отличие от студентов, школьники более заинтересованы в получении самых разных знаний о материальных объектах историко-культурного наследия Беларуси; во-вторых, городская молодежь рассматривает эти объекты в качестве фона для селфи и сторис, публикуемых в различных социальных сетях, а деревенская молодежь – в качестве места для проведения археологических раскопок и реставрационных работ при их непосредственном участии. Однако опасность заключается в том, что перенасыщенность информацией в цифровую эпоху, когда архитектурные и исторические памятники воспринимаются лишь как часть общего информационного потока, не способствует глубокому эмоциональному отклику и осознанию культурной ценности материального культурного наследия Беларуси.

В свою очередь, к нематериальным проявлениям творчества белорусского народа у подавляющей массы молодежи наблюдается неоднозначное отношение, вызванное как мощным влиянием зарубежных культурных трендов, так и фактическим отсутствием фольклорного компонента в повседневной жизни молодых людей. Эксперты полагают, что в последние годы происходит повышение интереса к нематериальному наследию Беларуси как в целом со стороны общества, так и в частности со стороны молодежи, которая составляет значительную часть аудитории различных фестивалей и форумов.

Кроме того, эксперты выделили ключевые учебные предметы (дисциплины), в рамках которых изучается национальное наследие Беларуси в образовательных учреждениях сферы культуры. В общеобразовательной школе это происходит в процессе освоения социально-гуманитарных предметов (история Беларуси, белорусская литература, белорусский язык, ИЗО и т.д.), в колледже – предметов профессиональной специализации (белорусская музыкальная литература, композиция, проект, история всемирного и белорусского искусства, белорусский танец, технология изобразительного творчества и т.д.), в университете и академии – социально-гуманитарных дисциплин (история белорусской государственности, идеология белорусского государства, культурное наследие и туризм, охрана историко-культурного наследия, история материальной культуры, этнология Беларуси и т.д.). С точки зрения экспертов, система образования обеспечивает преемственность между его уровнями, при которой этнокультурные знания аккумулируются по мере прохождения индивидом каждого этапа на индивидуальной образовательной траектории.

В контексте выявления материальных культурных объектов и ценностей нематериального наследия, наиболее значимых с точки зрения воспитания учащейся и студенческой молодежи в учреждениях образования сферы культуры, эксперты пришли к достаточно консолидированному мнению. Они полагают, что в данном смысле наибольшее значение имеют: во-первых, включенные в список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО объекты (архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в г. Несвиже, замковый комплекс «Мир» в Гродненской обл., Беловежская пуща) и культурные

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

феномены, включенные в список всемирного нематериального культурного наследия ЮНЕСКО (праздничный рождественский обряд «Колядные цари» в д. Семежево, весенний обряд «Юрьевский хоровод» в д. Погост, торжество в честь почитания иконы Матери Божьей Будславской (Будславский фест) в г. Будслав, соломоплетение, вытинанка и культура лесного бортничества); во-вторых, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», символизирующий подвиг народа в период Великой Отечественной войны; в-третьих, белорусский язык и устное народное творчество (сказки, легенды, пословицы, поговорки, загадки); в-четвертых, белорусский народный кукольный театр «Батлейка», позволяющий сохранить и популяризировать уникальное нематериальное культурное наследие; в-пятых, традиционные народные ремесла и промыслы, передаваемые из поколения в поколение (ткачество, гончарство, роспись и др.). Следует подчеркнуть, что экспертами в качестве отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного прогресса народа Беларуси, помимо объектов из списка ЮНЕСКО, также были названы практически все известные белорусские архитектурные и исторические памятники страны (Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно, Спасо-Преображенская церковь в Полоцке, дворцово-парковый ансамбль Гомеля и др.). Эксперты не только подчеркнули богатство и многообразие национального наследия Беларуси, но и отметили необходимость его изучения в максимально полном объеме в общеобразовательной школе и учреждениях образования сферы культуры (как написал один из экспертов: «чем больше будут знать, тем лучше, и без всякого ранжирования»).

Вопрос об оценке контента сайтов учреждений образования сферы культуры с точки зрения их вклада в популяризацию историко-культурного наследия Беларуси среди учащейся и студенческой молодежи не вызвал у экспертов каких-либо разногласий. Все они консолидированно подчеркнули три основных момента: в информационном обществе сайты изучаемых учреждений являются необходимым и популярным средством информирования аудитории о различных аспектах культурной жизни современного белорусского общества. В настоящее время их контент носит информативный характер, отражая деятельность учреждения и его структуру, поэтому в большинстве случаев такие ресурсы не ориентированы напрямую на популяризацию историко-культурного наследия Беларуси. На сайтах необходимо не просто размещать больше такого рода информации, но и создавать яркие современные аудио-визуальные образы историко-культурного наследия Беларуси, способные вызвать интерес у учащейся и студенческой молодежи (в первую очередь посредством информирования о культурных достижениях обучающихся и творческих коллективов профильных образовательных учреждений).

Интересен тот факт, что, отвечая на вопрос о формах организации деятельности учащейся и студенческой молодежи, наиболее эффективных с точки зрения ее вовлечения в сферу охраны национального историко-культурного наследия, практически все эксперты назвали культурное волонтерство и подчеркнули необходимость его популяризации посредством использования социальных сетей. Также в качестве мер, с помощью которых можно повысить уровень популярности нематериального культурного наследия Беларуси в молодежной среде, были определены: организация фестивалей и различных мастер-классов по изучению народных ремесел с изготовлением соответствующей авторской продукции (например, «Свята сонца» в музейном комплексе «Дудутки» или празднование «Купалля» в Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта); тематические экскурсии и туристские походы с компонентами практического обучения; интеграция историко-культурного наследия Беларуси в цифровую среду через создание мобильных приложений с играми по белорусской мифологии, организацию экскурсий с использованием AR/VR/MR-технологий и связанных с ними цифровых гаджетов и оборудования и формирование цифровых архивов белорусского фольклора в доступном для пользователей формате; открытие театральных кружков с привлечением туда учащейся и студенческой молодежи, поддержка молодежных фольклор-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

ных/этно-рок групп, организация любительских театральных постановок по белорусским легендам и сказкам.

Однако за пределами экспертной оценки остался вопрос об общей эффективности репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в педагогической деятельности исследуемых учреждений. В аналитическом аспекте решение данной задачи возможно с помощью обращения к SWOT-анализу, который позволяет выявить, систематизировать и оценить основные параметры такой деятельности. Методология и логика SWOT-анализа предполагают разделение процессов и факторов, описывающих объект исследования, на четыре категории: сильные стороны (Strengths), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities), угрозы (Threats). Сильные и слабые стороны являются факторами внутренней среды изучаемого объекта, а возможности и угрозы – факторами внешней среды [5] [18] [24]. Эмпирическую базу разведывательного исследования составили данные описанного экспертного опроса, проведенного на нерепрезентативной выборке с использованием специализированного тезауруса. Результаты проведенного анализа представлены в таблице 1.

Результаты SWOT-анализа выявили значительный потенциал повышения эффективности репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в образовательной практике исследуемых учреждений. Для актуализации этого потенциала необходимо принятие мер, относящихся полностью к компетенции данных учреждений, которые располагают соответствующими кадровыми и материальными ресурсами. Фактически упомянутые меры представляют собой шаги по технической и образовательно-технологической модернизации процесса обучения, воспитательной и идеологической работы с учетом возрастной специфики аудитории. Только в их содержании необходимо увеличить компонент (в текстовом, иллюстративном, аудиовизуальном плане), нацеленный на популяризацию белорусского историко-культурного наследия.

Таблица 1. Оценка эффективности репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в педагогической практике учреждений образования сферы культуры

Table 1. Evaluation of the effectiveness of representing the historical and cultural heritage of Belarus in the pedagogical practice of educational institutions in the cultural sphere

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ (S – Strengths)	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ (W – Weaknesses)
Сформирована развитая инфраструктура системы образования сферы культуры, включающая сеть учреждений высшего образования, среднего специального образования и дополнительного образования, которая актуализирует национальное наследие в педагогической практике. Образовательный процесс в общеобразовательной школе и во всех учреждениях образования сферы культуры включает в себя учебные предметы (дисциплины), в рамках которых изучается культурная жизнь белорусского народа и его историко-культурное наследие. Подготовка в учреждениях высшего образования и среднего специального образования осуществляется по специальностям, часть из которых базируется на профессиональном использовании историко-культурного наследия Беларуси в трудовой деятельности специалиста (например, режиссура представлений и праздников (профилизация: режиссура народных обрядов и праздников), декоративно-прикладное искусство (профилизация: народные ремесла и этнодизайн), музыкальное народное инструментальное творчество, фольклор и др.).	Слабая востребованность некоторых творческих специальностей, предполагающих изучение белорусского нематериального культурного наследия, среди абитуриентов из числа молодежи. Слабая популярность любительских творческих коллективов, действующих на базе учреждений образования сферы культуры, в молодежной среде в частности и в современном белорусском обществе в целом. Сильная формализация при организации и проведении мероприятий по популяризации историко-культурного наследия Беларуси в молодежной среде. Данный недостаток существенно снижает активность и инициативность молодых людей. Субъективизация процесса репрезентации историко-культурного наследия Беларуси в изучаемых учреждениях. Эффективность этого процесса в значительной степени определяется уровнем педагогического мастерства и качеством профессиональных знаний преподавателей (учителей), их мотивацией к популяризации данного феномена в молодежной среде.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

Творческие коллективы профильных учреждений образования обеспечивают сохранение и популяризацию нематериального культурного наследия Беларуси, превращая его в материал для исполнения на концертах и фестивалях. В исследуемых учреждениях образования сформирована хорошая материально-техническая база, необходимая для изучения и популяризации историко-культурного наследия Беларуси.	Незначительные масштабы использования цифровых технологий в образовательной практике детских школ искусств при изучении историко-культурного наследия Беларуси и его популяризации в молодежной среде. Эта проблема не позволяет в полной мере использовать в образовательном процессе как развитые информационные компетенции учащихся, так и их цифровые устройства.
ВОЗМОЖНОСТИ (O – Opportunities)	**УГРОЗЫ (T – Threats)**
Интеграция средних специальных учреждений образования сферы культуры с соответствующими учреждениями высшего образования формирует организационную основу для подготовки специалистов с высшим образованием, предметно знакомых с белорусским нематериальным культурным наследием и компетентных в области охраны историко-культурного наследия. Существует социальный запрос на широкое использование нематериального культурного наследия Беларуси в культурно-патриотических акциях различного уровня для проведения воспитательной работы преимущественно с молодежной аудиторией. В молодежной среде существует запрос на участие в волонтерстве, связанном со сферой культурного наследия, для совершенствования личностного потенциала и развития волонтерских программ и проектов. Привлечение молодежных общественных объединений к созданию и реализации волонтерских проектов и программ (Белорусский республиканский союз молодежи, Белорусская ассоциация клубов ЮНЕСКО и т. д.) будет способствовать как вовлечению учащейся и студенческой молодежи в охрану историко-культурного наследия Беларуси, так и развитию у молодых людей гражданственности и патриотизма. Повышение квалификации преподавательского состава учреждений образования сферы культуры в области охраны историко-культурного наследия Беларуси содействует углублению профессиональных знаний преподавателей (учителей) и развитию у них соответствующей мотивации.	Нивелирующее влияние культурной глобализации, которое негативно влияет на популярность белорусского нематериального культурного наследия в молодежной среде. Коммерциализация сферы культуры, превращающая белорусское нематериальное культурное наследие в объект купли–продажи с его модификацией под запросы потребителей, создаёт непосредственную угрозу для сохранения аутентичности белорусского нематериального культурного наследия. Вытеснение массовой культурой на периферию народной культуры (фольклора) и высокой культуры обусловливает снижение интереса молодёжной аудитории к культурному самовыражению и творческой деятельности. Сужение масштабов использования белорусского языка в повседневной жизни негативно влияет на востребованность белорусского нематериального культурного наследия в молодёжной среде. Сокращение часов на изучение социально-гуманитарных предметов (дисциплин), предметов профессионального компонента в учреждениях образования сферы культуры напрямую создаёт негативный образовательный контекст для изучения обучающимися историко-культурного наследия Беларуси.

* * *

Научная новизна исследования заключается в следующем. В теоретическом плане обоснована необходимость усиления роли традиционного этнокультурного компонента в педагогической, идеологической и воспитательной работе образовательных учреждений сферы культуры. Этот компонент обеспечивает преемственность поколений, формирует культурную и гражданскую идентичность молодежи и способствует воспитанию патриотизма. В практическом отношении установлено значение как формализованных, так и неформализованных элементов образовательного процесса для достижения эффективности репрезентации историко-культурного наследия Беларуси, выраженной в качественных, а не в количественных характеристиках.

Таким образом, значимость результатов проведенного исследования определяется как теоретическим обоснованием необходимости повышения роли традиционного этнокультурного компонента при подготовке специалистов для сферы культуры, так и определением инструментов организации образовательного процесса, повышающих степень эффективности репрезентации национального наследия Беларуси в педагогической практике учреждений образования сферы культуры.

Необходимо подчеркнуть, что наследие как социокультурный феномен в значительной степени определяет аксиологическое и нормативное содержание гражданско-патриотического и морально-нравственного воспитания учащихся и студентов. Важно отметить, что в аспекте принципов организа-

ции и содержания образовательного процесса существует преемственность между общеобразовательной школой и учреждениями образования сферы культуры. Ведь образовательный процесс в средней школе и во всех творческих учебных заведениях включает учебные предметы (дисциплины), в рамках которых происходит изучение культурной жизни белорусского народа и его историко-культурного наследия. Активная интеграция этого наследия в учебный процесс способствует формированию гражданственности и патриотизма с учетом возрастных особенностей учащихся, а также сохранению культурной преемственности поколений в современном белорусском обществе. Исходя из этого, задачи будущих исследований определяются вызовами глобализации и техносферизации, угрожающими аутентичности наследия Беларуси и его способности формировать у молодых людей ценности, основанные на национальных традициях.

Elena G. NAUMOVA
Belarusian State University of Culture and Arts.
Minsk, Republic of Belarus
alnaumova74@mail.ru

Representation of the National Heritage of Belarus in the Pedagogical Work of Educational Institutions in the Field of Culture: Prospects and Limitations

Abstract. The study aims to assess the current effectiveness of the representation of the historical and cultural heritage of Belarus in the activities of educational institutions in the cultural sphere and to identify strategic prospects and challenges for its enhancement. The materials included data from an expert survey involving twenty teachers from various Belarusian educational institutions in the cultural sphere, supplemented by an analysis of relevant publications primarily by Belarusian researchers on the issues of cultural heritage and education. The methodological framework is based on the integrative application of general scientific methods, expert surveys, and SWOT analysis, which allowed for a comprehensive assessment of both internal and external factors influencing the process under study. Expert assessments characterizing the dominant attitudes of young people towards the tangible and intangible heritage of Belarus were identified and analyzed, along with the integration of heritage into both formal educational components and informal educational activities at various institutional levels. Expert evaluation helped identify the most significant cultural objects and phenomena for organizing effective educational work and assess the content of websites of specialized educational institutions in terms of their role in popularizing heritage. Expert opinions were also established regarding forms of student engagement that effectively involve them in activities related to national heritage sites. It was determined that the representation of heritage is characterized by a developed institutional infrastructure and the inclusion of relevant disciplines in curricula, yet faces challenges such as the formalization of events, low popularity of certain folk specializations among applicants, and insufficient use of digital tools. The analysis revealed that key prospects for improving effectiveness lie in (1) the active development of cultural volunteering, (2) the comprehensive digitalization of heritage representation formats, and (3) the modernization of website content to enhance its appeal to young people. Conversely, the main threats include (1) the leveling influence of cultural globalization, (2) the commercialization of the cultural sphere, and (3) the reduction of hours allocated in the curriculum for studying social sciences and humanities. It was concluded that enhancing the effectiveness of heritage representation requires a systematic approach focused on adapting educational processes to modern technological realities and countering external challenges to preserve the authenticity and regulatory potential of the national heritage of the Republic of Belarus.

Keywords: Republic of Belarus, historical and cultural heritage of Belarus, cultural identity, representation of historical and cultural heritage, educational practice, cultural education institutions.

Литература:

1. Болбас В. С. Принципы нравственного воспитания в народной педагогике белорусов // Педагогика. 2009. № 10. С. 86–95.

2. Бондарь Ю. П., Смолик А. И. Культура как образование: теоретико-прикладной анализ: моногр. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. П. И. Бондарь. Минск: Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. 301 с.

3. Витязь С. П., Нестерович Ю. В. Формирование современных теоретических знаний в памятниковедении // Наука и инновации. 2020. № 1 (203). С. 64–69.

4. Воронецкая Л. Г. О государственной политике Республики Беларусь, направленной на развитие культуры в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1 (100). С. 104–112.

5. Горбач Н. А., Фомина Н. А. Применение SWOT-анализа в сочетании с методом экспертных оценок в научном обосновании оптимизационной модели организации последипломной подготовки специалистов // В мире научных открытий. 2011. № 2.1 (14). С. 249–253.

6. Гринько С. Д. Использование средств музейной педагогики в образовании // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Псіхалогія. Педагогіка [Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3: Филология. Психология. Педагогика]. 2013. № 3. С. 121–128.

7. Зенькевич Ю. В. Управление элементами нематериального культурного наследия в правовой сфере Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Педагогические науки. Культурология. 2020. № 15. С. 98–102.

8. Иванова Т. П. Правовое обеспечение охраны историко-культурного наследия в Беларуси // На пути к гражданскому обществу. 2018. № 2 (30). С. 38–41.

9. Изотова Л. Е., Киселева Е. С., Романов Д. А. Особенности SWOT-анализа компетенций и личностно-профессиональных качеств // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 5 (135). С. 105–110.

10. Князев Ф. А. SWOT-анализ как метод педагогического мониторинга качества образования учащихся // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 2. С. 91–102.

11. Ковальчук Т. А. Школьный музей – феномен образовательной практики // Народная асвета [Народное просвещение]. 2018. № 3. С. 30–34.

12. Коробов В. Б. Теория и практика экспертных методов: моногр. Москва: Инфра-М, 2021. 281 с.

13. Кузнецова Е. В. Культурный код в современном гуманитарном дискурсе. Язычество как первооснова культурного кода древних славян // Беларуская думка [Белорусская мысль]. 2023. № 4. С. 79–85.

14. Культурное наследие – от прошлого к будущему / Редкол.: В. В. Аристархов, Д. Л. Спивак, А. В. Окороков, и др.. М.; СПб.: Ин-т Наследия, 2022. 390 с.

15. Локотко А. И. Цвета и легенды родных просторов. Минск: Беларуская навука, 2017. 150 с.

References:

1. Bolbas, V.S. (2009) Printsipy nravstvennogo vospitaniya v narodnoy pedagogike belorusov [Principles of Moral Education in the Folk Pedagogy of Belarusians]. *Pedagogika*. 10. pp. 86–95.

2. Bondar', Yu.P. & Smolik, A.I. (2015) *Kul'tura kak obrazovanie: teoretiko-prikladnoy analiz* [Culture as Education: Theoretical and Applied Analysis]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts. 301 p.

3. Vityaz', S.P. & Nesterovich, Yu.V. (2020) Formirovanie sovremennykh teoreticheskikh znaniy v pamiatnikovedenii [Formation of Modern Theoretical Knowledge in Monument Studies]. *Nauka i innovatsii*. 1 (203). pp. 64–69.

4. Voronetskaya, L.G. (2025) O gosudarstvennoy politike Respubliki Belarus', napravlennoy na razvitie kul'tury v kontekste obespecheniia natsional'noy bezopasnosti [On the State Policy of the Republic of Belarus Aimed at Cultural Development in the Context of Ensuring National Security]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*. 1 (100). pp. 104–112.

5. Gorbach, N.A. & Fomina, N.A. (2011) Primenenie SWOT-analiza v sochetanii s metodom ekspertnykh otsenok v nauchnom obosnovanii optimizatsionnoy modeli organizatsii poslediplomnoy podgotovki spetsialistov [Application of SWOT Analysis Combined with the Expert Assessment Method in the Scientific Substantiation of an Optimization Model for Organizing Postgraduate Training of Specialists]. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2.1 (14). pp. 249–253.

6. Grin'ko, S.D. (2013) Ispol'zovanie sredstv muzeynoy pedagogiki v obrazovanii [The Use of Museum Pedagogy Tools in Education]. *Vesnik Grodnenskaga dziarzhaunaga universiteta imia Yanki Kupaly. Seryia 3: Filalogiia. Psikhalogiia. Pedahohika*. 3. pp. 121–128.

7. Zen'kevich, Yu.V. (2020) Upravlenie elementami nematerial'nogo kul'turnogo naslediia v pravovoy sfere Respubliki Belarus' [Management of Elements of Intangible Cultural Heritage in the Legal Sphere of the Republic of Belarus]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. Kul'turologiia*. 15. pp. 98–102.

8. Ivanova, T.P. (2018) Pravovoe obespechenie okhrany istoriko-kul'turnogo naslediia v Belarusi [Legal Support for the Protection of Historical and Cultural Heritage in Belarus]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 2 (30). pp. 38–41.

9. Izotova, L.E., Kiseleva, E.S. & Romanov, D.A. (2016) Osobennosti SWOT-analiza kompetentsiy i lichnostno-professional'nykh kachestv [Features of SWOT Analysis of Competences and Personal-Professional Qualities]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 5 (135). pp. 105–110.

10. Kniazev, F.A. (2018) SWOT-analiz kak metod pedagogicheskogo monitoringa kachestva obrazovaniia uchashchikhsia [SWOT Analysis as a Method of Pedagogical Monitoring of the Quality of Student Education]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ser.: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*. 2. pp. 91–102.

11. Koval'chuk, T.A. (2018) Shkol'nyy muzey – fenomen obrazovatel'noy praktiki [School Museum – A Phenomenon of Educational Practice]. *Narodnaia asveta*. 3. pp. 30–34.

12. Korobov, V.B. (2021) *Teoriia i praktika ekspertnykh metodov* [Theory and Practice of Expert Methods]. Moscow: Infra-M. 281 p.

16. Мартыненко И. Э. Белорусский опыт систематизации законодательства об охране объектов культурного наследия посредством кодификации // Право: журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 1. С 190–212.

17. Мартыненко И. Э. Государственная охрана объектов культурного наследия: особенности применения белорусского и российского законодательства в изменившихся условиях, обусловленных распространением пандемии коронавируса // Наследие и современность. 2021. № 4 (4). С. 383–403.

18. Овинова Л. Н., Шрайбер Е. Г. SWOT-анализ процесса воспитания в цифровой образовательной среде вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. Вып. 4. С. 700–707.

19. Похомова А. А. Народные традиции и обычай взаимопомощи как культурные детерминанты феномена волонтерства в современном обществе // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 3. С. 33–41.

20. Почобут Н. А. Музеефикация объектов археологии в Беларуси: от уникального памятника до феномена культуры // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. 2020. № 15. С. 112–120.

21. Сакович А. Ю. Туристский потенциал белорусской провинции (социологический анализ) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025. № 17 (1). С. 128–143.

22. Сочнева Е. С. Образы белорусского народного творчества в формировании семейной культуры современной молодежи // Вышэйшая школа [Высшая школа]. 2021. № 3. С. 57–60.

23. Тяпкова А. И. Местечки Беларуси: этнологическое исследование / Национальная академия наук Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. Минск: Беларуская навука, 2018. 187 с.

24. Харламова Ю. О., Щеголева С. А., Шкарина Т. Ю. SWOT-анализ как инструмент анализа подготовки научно-педагогических кадров с целью формирования стратегии улучшения // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 2. С. 116–124.

25. Яковлева М. А. Инновационные формы культурно-образовательной деятельности в музеях учреждений высшего образования Беларуси // Человек в социокультурном измерении. 2024. № 2. С. 4–9.

26. Абабурка М. В., Ячмянева І. М. Лінгвістычнае асвятленне матэрыяльнай і духоўнай (нематэрыяльнай) культуры беларусаў ХХ стагоддзя: манагр. Магілеў: МДУ, 2021. 261 с. [Абабурко Н. В., Ячменева И. М. Лингвистическое освещение материальной и духовной (нематериальной) культуры белорусов ХХ века: моногр. Могилев: МГУ, 2021. 261 с.].

27. Зборнік «Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі» [Сборник «Вопросы искусствоведения, этнологии и фольклористики»]// Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» URL: https://belcentre.by/ru_ru/%d0%bf%d1%8b%d1%82%d0%b0%d0%bd%d0%bd%d1%96-%d0%bc%d0%b0%d1%81%d1%82%d0%b0%d1%86%d1%82%d0%b2%d0%b0%d0%b7%d0%bd%d0%b0%d1%9e%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b0-%d1%8d%d1%82%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d0%be%d0%b3%d1%96/ (дата обращения: 20.09.2025).

13. Kuznetsova, E.V. (2023) Kul'turnyy kod v sovremennom gumanitarnom diskurse. Yazychestvo kak pervoosnova kul'turnogo koda drevnikh slavian [Cultural Code in Modern Humanitarian Discourse. Paganism as the Primary Basis of the Cultural Code of the Ancient Slavs]. *Belaruskaia dumka*. 4. pp. 79–85.

14. Aristarkhov, V.V. et al. (eds) (2022) *Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Heritage – From the Past to the Future]. Moscow; St. Petersburg: Heritage Institute. 390 p.

15. Lokotko, A.I. (2017) *Tsveta i legendy rodnykh prostorov* [Colors and Legends of Native Expanses]. Minsk: Belaruskaja navuka. 150 p.

16. Martynenko, I.E. (2024) Belorusskiy opyt sistematizatsii zakonodatel'stva ob okhrane ob"ektov kul'turnogo naslediia posredstvom kodifikatsii [Belarusian Experience of Systematizing Legislation on the Protection of Cultural Heritage Sites through Codification]. *Pravo: zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 17 (1). pp. 190–212.

17. Martynenko, I.E. (2021) Gosudarstvennaia okhrana ob"ektov kul'turnogo naslediia: osobennosti primeneniia belorusskogo i rossiiskogo zakonodatel'stva v izmenivshikhsia usloviiakh, obuslovlennykh rasprostraneniem pandemii koronavirusa [State Protection of Cultural Heritage Sites: Features of the Application of Belarusian and Russian Legislation in Changed Conditions Caused by the Coronavirus Pandemic]. *Nasledie i sovremennost'*. 4 (4). pp. 383–403.

18. Ovinova, L.N. & Shraiber, E.G. (2021) SWOT-analiz protsessa vospitaniia v tsifrovoy obrazovatel'noy srede vuza [SWOT Analysis of the Educational Process in the Digital Educational Environment of a University]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (4). pp. 700–707.

19. Pokhomova, A.A. (2023) Narodnye traditsii i obychai vzaimopomoshchi kak kul'turnye determinanty fenomena volonterstva v sovremennom obshchestve [Folk Traditions and Customs of Mutual Aid as Cultural Determinants of the Phenomenon of Volunteering in Modern Society]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiia. Psikhologiia*. 3. pp. 33–41.

20. Pochobut, N.A. (2020) Muzeefikatsiia ob"ektov arkheologii v Belarusi: ot unikal'nogo pamiatnika do fenomena kul'tury [Museification of Archaeological Sites in Belarus: From a Unique Monument to a Cultural Phenomenon]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. E*. 15. pp. 112–120.

21. Sakovich, A.Yu. (2025) Turistskiy potentsial belorusskoy provintsii (sotsiologicheskiy analiz) [Tourist Potential of the Belarusian Province (Sociological Analysis)]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 17 (1). pp. 128–143.

22. Sochneva, E.S. (2021) Obrazy belorusskogo narodnogo tvorchestva v formirovanii semeynoy kul'tury sovremennoy molodezhi [Images of Belarusian Folk Art in the Formation of the Family Culture of Modern Youth]. *Vysheishaya shkola* [Vysshaia shkola]. 3. pp. 57–60.

23. Tiapkova, A.I. (2018) *Mestechki Belarusi: etnologicheskoe issledovanie* [Shtetls of Belarus: An Ethnological Study]. Minsk: Belaruskaja navuka. 187 p.

24. Kharlamova, Yu.O., Shchegoleva, S.A. & Shkarina, T. Yu. (2021) SWOT-analiz kak instrument analiza podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov s tsel'iu formirovaniia strategii uluchsheniia [SWOT Analysis as a Tool for Analyzing the Training of Scientific and Pedagogical Personnel to Form an Improvement Strategy]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ser.: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*. 2. pp. 116–124.

28. Казакова І. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. Мінск: Універсітэцкае, 1995. 151 с. [Казакова И. В. Этнические традиции в духовной культуре белорусов. Минск: Университетское, 1995. 151 с.].

29. Конан У. М. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору. Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. 238 с. [Конан В. М. У истоков самопознания: становление духовных ценностей в свете фольклора. Минск: Художественная литература, 1989. 238 с.].

30. Смолік А. І. Беларуская культуралогія: гісторыя і сучаснасць. Мінск: БДУКМ, 2014. 275 с. [Смолик А. И. Белорусская культурология: история и современность. Минск: БГУКИ, 2014. 275 с.].

31. Шамак А. А. Міфалогія беларусаў. Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2013. 256 с. [Шамак А. А. Мифология белорусов. Минск: Институт культуры Беларуси, 2013. 256 с.].

25. Yakovleva, M.A. (2024) Innovatsionnye formy kul'turno-obrazovatel'noy deiatel'nosti v muzeiakh uchrezhdeniy vysshego obrazovaniia Belarusi [Innovative Forms of Cultural and Educational Activities in Museums of Higher Education Institutions of Belarus]. *Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii*. 2. pp. 4–9.

26. Ababurka, M.V. & Yachmianeva, I.M. (2021) *Linhvistychnae asviatlennie materyial'nai i dukhounai (nematerыial'nai) kul'tury belarusaŭ XX stahoddzia* [Linguistic Coverage of the Material and Spiritual (Intangible) Culture of Belarusians of the 20th Century]. Mahiliou: MDU. 261 p.

27. Center for the Study of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus. (n.d.) *Zbornik "Pytanni mastatstvaznaŭstva, etnalohii i fal'klarystyki"* [Collection "Questions of Art History, Ethnology and Folklore"]. [Online] Available from: https://belcentre.by/ru_ru/%d0%bf%d1%8b%d1%82%d0%b0%d0%bd%d0%bd%d1%96-%d0%bc%d0%b0%d1%81%d1%82%d0%b0%d1%86%d1%82%d0%b2%d0%b0%d0%b7%d0%bd%d0%b0%d1%9e%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b0-%d1%8d%d1%82%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d0%be%d0%b3%d1%96/ (Accessed: 20.09.2025).

28. Kazakova, I.V. (1995) *Etnichnyia tradytsyi ŭ dukhounai kul'tury belarusaŭ* [Ethnic Traditions in the Spiritual Culture of Belarusians]. Minsk: Universitetskae. 151 p.

29. Konan, U.M. (1989) *La vytokaŭ samapaznaŭstva: stanaŭlennie dukhounykh kashtoŭnastsiei u sviatle fal'kloru* [At the Origins of Self-Knowledge: The Formation of Spiritual Values in the Light of Folklore]. Minsk: Mastatskaia litaratura. 238 p.

30. Smolik, A.I. (2014) *Belaruskaja kul'turalohiia: historyia i suchasnasts* [Belarusian Culturology: History and Modernity]. Minsk: BDUKM. 275 p.

31. Shamak, A.A. (2013) *Mifalohiia belarusaŭ* [Mythology of Belarusians]. Minsk: Instytut kul'tury Belarusi. 256 p.

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Наумова Е. Г. Репрезентация национального наследия Беларуси в педагогической работе образовательных учреждений сферы культуры: перспективы и ограничения // Наследие веков. 2025. № 2. С. 56–67. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.003.

For citation:

Naumova, E.G. (2025) Representation of the National Heritage of Belarus in the Pedagogical Work of Educational Institutions in the Field of Culture: Prospects and Limitations. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 56–67. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.003

Поступила в редакцию / The article was submitted 21.04.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

МИР ИСКУССТВА:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
THE WORLD OF ART: HISTORY, THEORY, METHODOLOGY

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

Чжэн СЯОИ
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
chzhen.sy@dvfu.ru
https://orcid.org/0009-0009-2881-1001

✉ **АЛЕКСЕЕВА Галина Васильевна**
доктор искусствоведения, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
alekseeva.gv@dvfu.ru
https://orcid.org/0000-0001-6733-9429

УДК/UDC: 746-037.37:[004.031.42:[004.946 + 004.8]](511.31)
ГРНТИ: 18.11.00
ВАК: 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.004

Иммерсивная художественная интерпретация шелкового узора Сучжоу: диалектика утраты и регенерации «ауры»

Аннотация. Исследование направлено на изучение процессов утраты и восстановления «ауры» традиционного искусства под воздействием иммерсивных цифровых технологий на примере шелковых узоров Сучжоу. В качестве основного источника использованы материалы «Цифрового музея шелковых узоров Сучжоу», включая экспозиционные разделы «Тысяча

© Чжэн Сяои, Алексеева Г. В., 2025

осеней в шелковых узорах», «Техника орнамента» и «Искусство орнамента». Установлено, что цифровое воспроизведение узоров с помощью сканирования и проекции приводит к утрате их материальной подлинности и тактильной ценности. В то же время за счет интерактивного взаимодействия с аудиторией, вовлечения зрителей в процесс создания узоров с помощью алгоритмов искусственного интеллекта формируется новая цифровая «аура». Обосновано, что иммерсивное искусство может одновременно оказывать деструктивное влияние на традиционные техники и выступать средством их символического обновления и актуализации в цифровом пространстве, способствуя пробуждению культурной памяти.

Ключевые слова: Китай, Сучжоу, Сучжоуский музей шелка, теория «ауры» В. Беньямина, иммерсивное искусство, китайские шелковые узоры, медиаискусство, цифровое наследие.

Введение. Иммерсивное искусство – одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной визуальной культуры, оказывающее все более заметное влияние на формы репрезентации культурного наследия. В условиях стремительного совершенствования цифровых технологий и расширения виртуальных пространств особую актуальность приобретает проблема взаимодействия традиционного искусства с новыми формами медиа. В контексте эволюции методов сохранения и трансформации культурной памяти важное значение приобретает понятие «ауры» произведения искусства, введенное в научный оборот немецким философом Вальтером Беньямином в середине 1930-х гг.

Актуальность данной работы определяется общественной значимостью поиска новых способов сохранения и популяризации культурного наследия, в частности традиционных китайских шелковых узоров, через современные цифровые платформы. В условиях, когда оригинальные ремесленные техники и материалы теряют практическое применение, иммерсивные технологии открывают возможности для реконструкции традиционного искусства и приобретения нового опыта его восприятия.

Степень изученности темы остается недостаточной. Несмотря на наличие исследований по теории «ауры» (В. Беньямин) [2] [3] [4], цифровому искусству и музейным трансформациям [17] [20], комплексных междисциплинарных работ, объединяющих теорию искусства, медиатехнологии и культурную антропологию применительно к исследованию китайского художественного наследия, представлено немного.

Мультисенсорный опыт иммерсивного искусства в России активно изучают Ю. А. Белялова [1], М. С. Большакова, [5], Л. В. Быкасова [6], Е. В. Дольгирева [8], Е. В. Соколовская [9] и другие. Наиболее важные теоретические научные результаты получены А. В. Венковой [7]. Одновременно стоит отметить, что фокус внимания российских исследователей иммерсивного искусства смещен в сторону его прикладных функций; проблема же «постпродукции», связанной с традиционным искусством, специально авторами не ставится.

В Китае научные работы в области иммерсивного искусства уделяют больше внимания практической стороне иммерсивных экспозиций. Среди исследователей можно назвать Чэнь Цяньгэ и Бу Цзинцзе [12], Цзя Тяньтянь с соавторами [14], Ли Цзиньцзянь [16], Тань Жунчжэн [19], Чжан Юй и Чжоу Цзянь [24] и других. В своих работах они преимущественно анализируют процесс переосмысления традиционного искусства средствами иммерсивного, исследуя свойственную последнему систему дизайна. Один из авторов данной статьи в двух публикациях [10] [11] рассматривает связь между этими видами искусства с целью их сопоставления и дальнейшего исследования новых путей распространения традиционного культурного наследия.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о слабой изученности данной темы. Особенно актуальным становится изучение регенерации «ауры» (понятия в философской трактовке В. Беньямина) в цифровой

среде и ее влияния на восприятие традиционных образов в условиях иммерсивной музейной практики.

Целью исследования является анализ трансформации и реконструкции традиционных шелковых узоров Сучжоу[1] в контексте иммерсивного искусства, а также выявление диалектической связи между утратой и восстановлением «ауры» художественного объекта в условиях цифрового воспроизведения.

В качестве материалов исследования используются предметы из экспозиции «Цифрового музея шелковых узоров Сучжоу» [18], в том числе мультимедийные разделы: «Тысяча осеней в шелковых узорах» [18], «Техника орнамента» [18], «Искусство орнамента» [18], а также архивные и коллекционные данные, связанные с традиционными китайскими текстильными изделиями периода Мин и Цин. Следует отметить, что виртуальная экспозиция является частью Сучжоуского музея шелка и создана на основе экспонатов, хранящихся в этом музее.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, включающем иконографический анализ, культурно-антропологический метод, а также элементы теории цифровых коммуникаций. Кроме того, применяются методы сравнительного анализа, семиотики визуальных образов и их интерпретации через призму философии искусства.

Дизайн исследования предполагает поэтапный анализ: от теоретического осмысления понятия «ауры» и феномена ее рассеивания, через эмпирический анализ цифровых экспозиций, к выявлению механизмов цифровой регенерации сакрального значения художественных мотивов и вовлечения посетителей в процесс сотворчества.

Научная значимость работы заключается в расширении представлений о взаимодействии традиционного и иммерсивного искусства, а также в создании предпосылок для разработки новой концепции цифровой «ауры», которая может быть применима к дальнейшим исследованиям в области сохранения и трансформации культурного наследия в цифровую эпоху.

1. «Аура». Немецкий философ Вальтер Беньямин ввел понятие «ауры» в «Краткой истории фотографии», заявив: «Что такое, собственно говоря, “аура”? Странное сплетение места и времени» [2, с 81]. Он также углубил концепцию «рассеивания “ауры”» в работе «Произведение искусства в эпоху механической воспроизводимости» (1936), где отмечал: «На этой уникальности и ни на чем ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своем бытовании. Сюда включаются как изменения, которые с течением времени претерпевала его физическая структура, так и смена имущественных отношений, в которых оно оказывалось вовлеченным» [3, с. 19]. Термин «аура» применительно к художественному объекту имеет отношение к его уникальности, культовой ценности, пространственному положению и связанным с ним событием прошлого (пространственно-временному присутствию). Уникальность – это сущность, которую невозможно воспроизвести, например геометрия произведения, уникальная техника ручной работы и т.д. Культовая ценность – чувство благоговения, которое произведение искусства вызывает у зрителей благодаря своим сакральным атрибутам. Пространственно-временное присутствие означает неотделимость произведения искусства от контекста эпохи, в которую оно было создано. «Одежда для пушек» [22, с. 91] – это высококлассные платья китайских императоров, при этом атлас шелка из Сучжоу и узоры, украшавшие эти платья, можно назвать ключевым кодом «ауры».

Суть традиционной «ауры» шелковых мотивов в оружейной одежде (парадный императорский халат с символикой власти) заключается в кодировании материальности и ритуала. Необратимый характер (процесс исключительно индивидуален и не может быть снова воспроизведен) ручного ткачества придает узору физическое измерение уникальности. В период династий Мин и Цин ткацкое предприятие Сучжоу производило парчовые ткани с узором «дракон в облаках» для императорского двора. В качестве примера можно привести «Голубой халат из шелка

[1] Сучжоу (кит.– 苏州) – город в КНР (провинция Цзянсу), расположен в низовьях Янцзы, мировой центр производства шелка, известен также классическими садами, внесенными в список ЮНЕСКО. (*Примеч. ред.*)

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 № 2

Рис. 1. Ткани для халатов с драконом Цин Цяньлун «Голубой халат из шелка с узором из облаков и драконов» (вид спереди и сзади). Музей Гугун (Пекин). Коллекционный номер 00041953 (фото – официальный сайт Музея Гугун) [13]

Fig. 1. Qing Qianlong Dragon Robe Fabrics, "Blue Silk Robe with Cloud and Dragon Pattern" (front and back views). The Palace Museum (Beijing). Collection Number 00041953 (Photo: The Palace Museum official website) [13]

с узором из облаков и драконов» [13], изготовленный из парчовой ткани эпохи Цяньлун (рис. 1). Узор на императорской одежде обычно изображает в анфас или в профиль дракона с пятью когтями (символ императорской власти), окруженного облачным орнаментом сыхэ жуи (四合如意 – «облако с четырьмя изгибами»[1], символ гармонии и исполнения воли неба), что в целом обозначает «истинного дракона, сына неба» и «мир во всех четырех морях». Композиция дополняется узором «морская вода и речной утес» (традиционный нижний орнамент, символизирующий связь стихий и устойчивость мира), создавая образ космической гармонии: облака, дракон, море и небо. Ткань изготавливается в технике ручного шелкового ткачества на полотняном станке, рисунок формируется способом «прохождения через основу и разрыва утка» (техника, создающая сложный цветовой узор за счет чередования нитей), благодаря чему достигается эффект рельефной текстуры на обеих сторонах ткани [23, с. 52]. По мнению Ян Линцзяня и соавторов, такое плетение дает визуальный эффект, сравнимый с резьбой, а «дыхание мастера» – уникальный ритм и манера работы – делает каждый дюйм шелка неповторимым [23].

Кроме того, «аура» оружейного костюма неразрывно связана с временны́м и пространственным контекстом, в котором он используется. Ученый Ван И и соавторы в книге «Повседневная жизнь императорского двора эпохи династии Цин» утверждает: «Оружейный костюм… носить нужно в Зале Высшей гармонии с проекцией солнечных часов и камнем Даньхэй, выровненным с эпохой трех мгновений[2] завершения» [21, с. 292], что свидетельствует о том, что такой костюм при жертвоприношении Небу, интронизации и других церемониях был тесно связан с тем или иным временем. Зрители, рассматривающие халат в нецеремониальной обстановке, например в витрине современного музея, не могут ощутить атмосферу церемониального места, что может привести к рассеиванию части «ауры» произведения искусства. Зал Высшей Гармонии – главный тронный зал в Запретном городе, в котором проводились важнейшие государственные церемонии; он символизирует центр власти и идею космического порядка. Камень Даньхэй (丹陛) – это ритуальная каменная платформа с резными орнаментами, ведущая к трону, традиционно связанная с понятием восхождения к власти. «Эпоха трех мгновений» – поэтический образ, берущий начало в китайской философии времени, в которой прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в едином ритуальном цикле; время 7:45 может символически указывать на мо-

[1] Здесь и далее перевод наш. (*Примеч. авт.*)

[2] 7 часов 45 минут утра. (*Примеч. авт.*)

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

мент перехода между этими состояниями. Понятие «завершения» в этом контексте связано с ритуальной полнотой цикла и наступлением высшей гармонии, когда все элементы обретают порядок.

Оружейный костюм императора благодаря своим священным атрибутам вызывал у зрителей чувство благоговения, выходящее за рамки функции самого предмета. На халате имеется 12 видов орнамента, в совокупности известных как «двенадцать глав узора». Ученый Лэй Вэньгуан пишет об этом: «Двенадцать глав содержат солнце, луну, звезды, горы, драконов и другие узоры, расположенные в соответствии с чжоускими ритуалами: дракон спереди на груди и на спине, символизирующий “божественное право царей”; горный узор располагается на плечах, олицетворяя “вечную твердость сельской местности”. И самый важный из них, узор пятикогтевого золотого дракона, принадлежит исключительно императору и не может быть использован никем, кроме него» [15, с. 87].

Оружейный костюм при ношении использовался как часть церемонии, в процессе которой восемь сопровождающих использовали желтый шелковый чехол, надевавшийся на руку, чтобы держать оружейный костюм. Прямой контакт с драконом строго запрещен, нарушители получали удар тростью.

Каждый кусок чешуи дракона – результат уникального производственного процесса: павлиньи перья обернуты в золотую фольгу на шелке, этой техникой плетения владели только специалисты Ткацкого бюро Сучжоу. Когда светит солнце, золотая нить на халате мерцает, создавая священную атмосферу вокруг императора при проведении различных церемоний. Символика ритуалов и уникальность производственных процессов отражают культовую ценность данного предмета.

2. Рассеивание «ауры» и ее цифровая регенерация. Деконструкция «ауры» предметов с помощью цифровых средств начинается с виртуализации материального носителя. Хотя технология высокоточного сканирования способна воспроизвести визуальные элементы узора, она исключает тактильную обратную связь с фактурой переплетения шелковых нитей основы и утка (в музее хранятся аутентичные шелковые узоры, которые посетители могут потрогать). Этот когнитивный скачок от тактильного приоритета к визуальной гегемонии с точки зрения человека, взаимодействующего с узором дракона через движение в цифровом выставочном зале музея, по сути, является понижением статуса исторического объекта, поскольку превращает его в манипулируемый поток информации, который разрушает пространственную и временную привязку «здесь и сейчас» оригинального произведения.

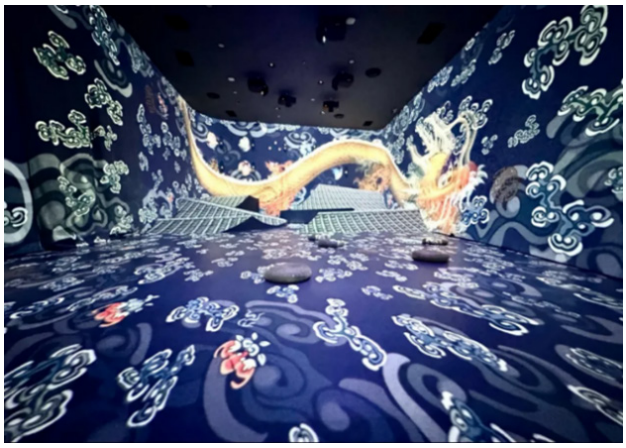


Рис. 2. Цифровая репрезентация узора с изображением дракона. Цифровой музей шелковых узоров Сучжоу, секция «Тысяча лет узоров». Фото – сайт Администрация района Уцзян [18]

Fig. 2. Digital representation of a dragon pattern. Digital Museum of Suzhou Silk Patterns, “A Thousand Years of Patterns” section. Photo: Wujiang District Administration website [18]

Цифровая интерпретация (Рис. 2) существенно изменяет внешний вид узоров. В частности, на приведенном изображении представлен дракон с увеличенной головой и открытой пастью, динамика которой (включая высунутый язык) соответствует типу «Инлун» периода династии Мин, опущены детали традиционного рисунка дракона, такие как бусина пламени, а чешуя выражена упрощенными геометрическими цветовыми блоками, что приближено к современной художественной обработке. Авторы полагают, что такой подход может служить формой переосмысления или попыткой воссоздания традиционных художественных мотивов. Иммерсивная интерпретация не содержит узора из речных скал и морской воды, узора из восьми сокровищ и других вспомогательных орнаментов,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

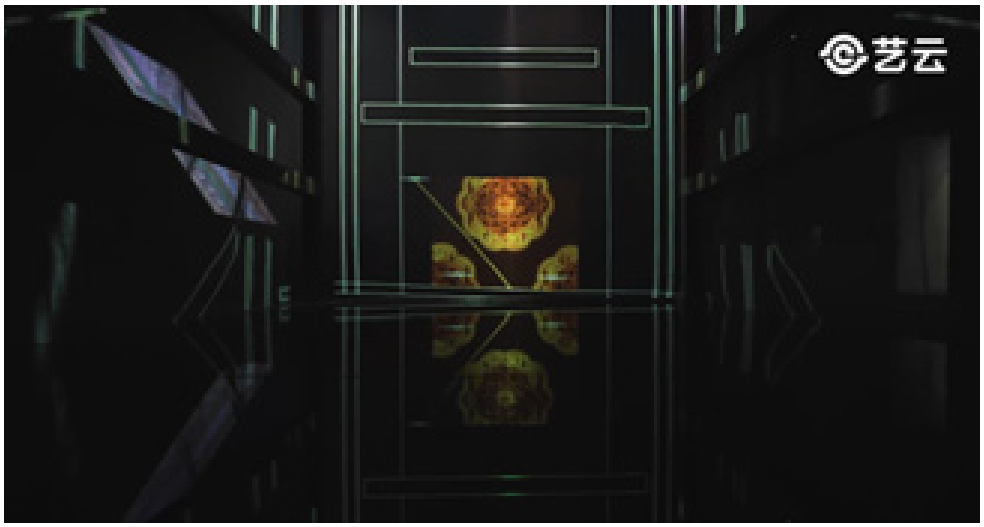


Рис. 3. Раздел экспозиции цифрового музея шелковых узоров Сучжоу «Технология изготовления узоров». Скриншот кадра видеоролика (социальная сеть Weibo) [25]

Fig. 3. "Pattern Production Technology" section of the Digital Museum of Suzhou Silk Patterns exposition. Video frame screenshot (Weibo social network) [25]

вместо этого более заметна основная комбинация дракона и облаков.

Авторы статьи считают, что иммерсивные произведения искусства на выставке помогают зрителям погрузиться в атмосферу сюжетов и мотивов традиционного шелкового ткачества Сучжоу. Но при этом, технология высокоточного сканирования делает узоры оторванными от шелковой основы, и посетители не могут физически испытать уникальные тактильные ощущения от шелкового атласа как материала с рельефным узором ткани, глянцевым отблеском различных его элементов, вплетенных в шелк, и воспринять структурную иерархию, сформированную укладкой разнообразных видов нитей. Воссоздание орнамента также игнорирует поклонение императорской власти и сакральную семантику узора дракона на халате, превращая его в виртуальное изображение, которое можно бесконечно воспроизводить на экране. Для взаимодействия зрителей с узором через экран художник изменяет его размер, адаптируя к общей обстановке, что также приводит к утрате полноты физического восприятия оригинального размера халата династии Цин.

Вместе с тем, что иммерсивное искусство обладает потенциалом для регенерации «ауры» художественных объектов. Так, российский ученый А. В. Венкова утверждает в своем исследовании: «Опыт, который несет тотальный объект,– это опыт остранения мира, достигаемый за счет выхода за его пределы» [7, с. 104]. «Цифровой музей шелковых узоров Сучжоу», основываясь на традиционных образцах, трансформирует их репрезентацию с помощью иммерсивных технологий («виртуальная реальность», «дополненная реальность», динамическая проекция, соматосенсорное взаимодействие). В разделе виртуальной экспозиции «Техника орнамента» (рис. 2) представлена проекция на карниз сада Сучжоу рисунка дракона с халата периода династии Цин из дворцовой коллекции, причем мифологическое животное изображено путешествующим сквозь облака и иногда пересекающим карниз. Посетитель погружается в пространство, где реальное и воображаемое смешиваются, ощущая связь между узором и его оригинальным культурным контекстом.

Кроме того, на выставке представлен ткацкий станок в иммерсивном арт-пространстве (рис. 3), где зрители управляют челноком с помощью взмахов рук и присоединяются к процессу создания узора. По мнению авторов данного исследования, процесс непосредственного участия аудитории формирует динамичную «ауру». Интерактивные технологии помогают создать ощущение связи с традицией и трепетное отношение к наследию мастеров.

Иммерсивное искусство является также своего рода технологической компенсацией уникальности артефактов. Современное широкое применение искусственного интеллекта открыло новые возможности для создания орнаментов. При этом их генерация может быть бесконечной, однако параметры каждого взаимодействия (например, траектория жеста) создают неповторимые вариации ри-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Рис. 4. Раздел «Новые узоры» экспозиции цифрового музея шелковых узоров Сучжоу. Скриншот кадра видеоролика (социальная сеть Weibo) [25]

Fig. 4. "New Patterns" section of the Digital Museum of Suzhou Silk Patterns exhibition. Video frame screenshot (Weibo social network) [25]

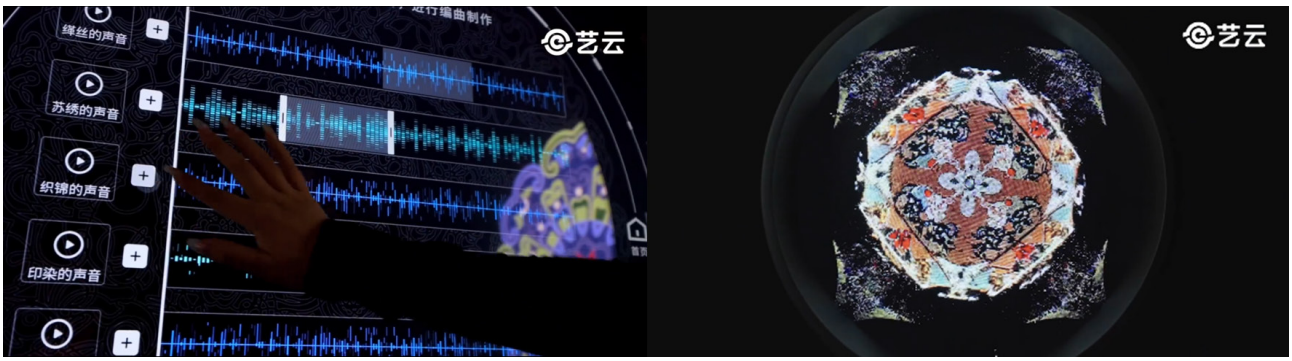


Рис. 5 «Искусство узора, расширяющее новые возможности» – часть экспозиции цифрового музея «Шелковый узор Сучжоу», интерфейс выбора источника звука. Скриншот кадра видеоролика (социальная сеть Weibo) [25]

Fig. 5. "Pattern Art Expanding New Possibilities" – part of the Digital Museum of Suzhou Silk Patterns exhibition, sound source selection interface. Video frame screenshot (Weibo social network) [25]

сунка, а воздействие иммерсивного искусства усиливает уникальность зрительского участия. Раздел виртуальной экспозиции «Искусство узора, расширяющее новые возможности» (рис. 4) позволяет создать на экране наброски узоров из нарисованных посетителем элементов. Конфигурация новых орнаментов, сгенерированных искусственным интеллектом, изучившим закономерности начертания узоров периодов правления династий Мин и Цин, будет непредсказуемой благодаря технологическому «черному ящику»[1].

Можно с уверенностью утверждать, что иммерсивное искусство трансформирует участие посетителей в процессе творчества, в то время как традиционная «аура» опирается на пассивный взгляд зрителя, как, например, происходит при использовании привычного метода демонстрации в музейной витрине. Цифровая галерея включает реакции зрителя в цепочку создания узора через соматосенсорное взаимодействие. В разделе «Новые узоры» несколько человек могут совместно выполнить полный рисунок на сатине или шелке, при этом сиюминутное творение отдельного человека интегрируется в общий продукт коллективного творчества как его часть. Кроме того, посетители могут выбрать несколько акустических эффектов (рис. 5), воспроизводящих звуки, создаваемые техникой при производстве различных видов тканей, например звук вышивки Сучжоу, звук вощины и т.д. Выбранные акустические эффекты в своей совокупности дополняют атмосферу создания орнамента и делают этот процесс законченным. При этом происходит трансформация зрительского участия – от созерцания к совместному творчеству.

[1] Технологический «черный ящик» обеспечивает доступность для наблюдателя входных данных и итоговых результатов; внутреннее функционирование системы при этом не раскрывается [15].

Рис. 6. Узор дракона, часть раздела «Новые орнаменты» в цифровом музее шелковых узоров Сучжоу. Скриншот кадра видеоролика (социальная сеть Weibo) [25]

Fig. 6. Dragon pattern from the "New Patterns" section in the Suzhou Silk Pattern Digital Museum. Video frame screenshot (Weibo social network) [25]

В цифровом пространстве узор дракона выведен из эксклюзивного контекста, связанного с властью императора и его личностью, и превращен в публичный символ, до которого можно дотрагиваться и деконструировать его, что является реинтерпретацией священных атрибутов (рис. 6). Ритуальный смысл традиционного узора должен проявляться в особых церемониях, например подношение императорского оружейного костюма небесам. Благодаря успешно сочетаемым световым и звуковым эффектам цифровой музей инициирует процесс «пробуждения» узора. Взаимодействие зрителей с экспонатом начинается при их приближении к нему: с каждым шагом увеличивается яркость орнамента. Этот процесс имитирует церемониальные сакральные моменты. С уходом посетителей узор исчезает, что является своеобразной метафорой перехода от сакральной и незыблемой власти императора к ее новому, виртуальному и преходящему воплощению в технологическую эпоху.

Выводы и заключение. В эпоху трансформации культурных форм под воздействием цифровых технологий проект «Цифрового музея шелковых узоров Сучжоу» является свидетельством тому, что иммерсивное искусство не устраняет «ауру» (по В. Беньямину) традиционных произведений полностью, однако порождает ее новую технологическую модификацию и регенерирует новые формы. Такая регенерация достигается через реконфигурацию пространственно-временного присутствия, компенсацию утраченной материальной уникальности и трансформацию сакральных смыслов.

Использование иммерсивных технологий приводит к дематериализации артефакта, потому что высокоточное цифровое воспроизведение визуальных элементов нивелирует уникальность ручного труда, составными частями которого являются микротекстура шелка, тактильность переплетения нитей, рельефность узора. Вместе с тем происходит деконтекстуализация, отражающаяся в том, что отрыв узоров от исходного ритуального пространственно-временного контекста ослабляет их культовую ценность. Кроме того, упрощение символики (редукция деталей узора) и адаптация размеров для экрана разрушают аутентичное восприятие.

Однако стоит отметить, что иммерсивное искусство порождает и механизмы регенерации цифровой «ауры». Во-первых, технологии («виртуальная реальность», «дополненная реальность», динамическая проекция) обеспечивают реконфигурацию присутствия (эффект «межвременного присутствия»). Синтез исторических образов с современной средой (наблюдаемый, например, при наложении узора императорского халата на карниз сада Сучжоу) частично восстанавливает «ментальную» связь с культурным контекстом. Во-вторых, компенсация уникальности достигается через тактильные интерфейсы (например, возможность управления челноком посредством жестов) и генерацию узоров искусственным интеллектом, создающую динамическую аутентичность на основе неповторимых параметров (траектория жеста, коллективное сотворчество). В-третьих, интерактивность инициирует трансформацию сакральности, суть которой в замене пассивного созерцания активным соучастием (например, совместное создание узоров, выбор звуков, характерных для процесса ткачества), а цифровые «ритуалы» (светозвуковая активация узора дракона при приближении зрителя) реинтерпретируют сакральные символы, переводя их в публичную плоскость и порождая новую форму коллективного благоговения, но связанного уже не с персоной императора, а с мастерством создателей орнамента.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Таким образом, иммерсивное искусство не устраняет традиционную «ауру», а осуществляет ее диалектическую трансформацию в «цифровую». Фундаментом такой «ауры» является уже не аутентичность материального объекта и статичный ритуальный контекст, а уникальность интерактивного опыта, динамическая реконтекстуализация наследия и опосредованное технологиями коллективное сотворчество.

Такая регенерация имеет принципиальные ограничения: невозможность полной цифровой передачи тактильных свойств шелка (таких как теплота, фактура) и точных пространственно-временных координат исторических ритуалов. Перспективы развития иммерсивных практик лежат в поиске баланса между технологическими инновациями и антропологическим пониманием культурных кодов, что будет способствовать более глубокому пониманию традиционных ценностей Китая представителями других культур, в том числе и русской, и плодотворному диалогу в сфере культурного наследия.

Zheng XIAOYI
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
chzhen.sy@dvfu.ru
https://orcid.org/0009-0009-2881-1001

✉ ***Galina V. ALEKSEEVA***
Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
alekseeva.gv@dvfu.ru
https://orcid.org/0000-0001-6733-9429

Immersive Artistic Interpretation of Suzhou Silk Pattern: Dialectics of Loss and Regeneration of "Aura"

Abstract. This study aims to identify the dialectics of the loss and regeneration of the "aura" of traditional art in the context of its digital immersive representation, using the traditional silk patterns of Suzhou as an example. The empirical basis of the research consists of materials from the Digital Museum of Suzhou Silk Patterns, specifically the interactive installations "A Thousand Autumns in Silk Patterns", "The Technique of Ornament", and "The Art of Ornament", which serve as representative examples of the digital interpretation of cultural heritage. These virtual exhibitions were created based on digitized collections from the Suzhou Silk Museum. The research employs an interdisciplinary approach, integrating methods of visual analysis, semiotics of cultural codes, and theories of intermediality. The primary methodological tool is a comparative analysis of the tactile and semantic properties of an authentic artifact and its digital double. A semiotic analysis of a traditional pattern is conducted, revealing its sacred and power-related connotations within the original cultural and ritual context. The process of the pattern's digital migration into the museum's immersive space is analyzed, with a focus on the technological operations of high-precision scanning and projection that lead to the object's dematerialization. The interactive scenarios of viewer engagement with the digital pattern – such as tactile control through sensory interfaces and pattern generation using AI algorithms – are examined, highlighting how they create new conditions for perception and give rise to the phenomenon of a digital "aura". The study establishes that the digital reproduction of patterns through scanning and projection ensures their hyper-realistic visualization. Simultaneously, this process leads to the loss of their material authenticity and tactile value, corresponding to the disappearance of the "aura" as described by Walter Benjamin. However, it is also proven that the immersive environment not only destructively impacts traditional parameters of perception but also serves as a means of symbolic regeneration. Through interactive audience engage-

ment, viewer involvement in the pattern creation process, and the application of artificial intelligence algorithms, a new "digital aura" is formed, based on processuality and collective experience. Thus, immersive digital art simultaneously diminishes the materiality of tradition and revitalizes its meanings, awakening cultural memory and opening new pathways for the existence of heritage.

Keywords: China, Suzhou, Suzhou Silk Museum, Benjamin's aura theory, immersive art, Chinese silk patterns, media art, digital heritage.

Литература:

1. Белялова Ю. А. Этапы разработки иммерсивной экскурсии в школьном этнографическом музее // Лучшая педагогическая разработка 2023: сб. ст. междунар. науч.-исслед. конкурса, (Петрозаводск, 21 августа 2023 г.). Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2023. С. 106–115.

2. Беньямин В. Краткая история фотографии // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под. ред. Ю. А. Здорового. М.: Медиум, 1996. С. 66–91.

3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под. ред. Ю. А. Здорового. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.

4. Беньямин В. Учение о подобии // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2012. С. 164–171.

5. Большакова М. С. Иммерсивные технологии как основа произведений виртуального искусства // Визуальная культура: искусство, дизайн, медиатехнологии: сб. науч. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11 июня 2020 г.). Омск: Омский гос. технол. ун-т, 2020. С. 33–40.

6. Быкасова Л. В. Иммерсивный дискурс современного художественного образования [Электронный ресурс] // Интеграция педагогической науки и практики в контексте вызовов XXI века / отв. ред. И. Е. Буршит. Ростов-н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс Ростов. Гос. эконом. ун-та, 2024. С. 45–52. URL: https://files.tgpi.ru/nauka/publications/2024/pednayka.pdf. (дата обращения: 03.05.2025).

7. Венкова А. В. Феномен иммерсивности в современной художественной культуре: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2022. 330 с.

8. Дольгирева Е. В., Курихина Т. И., Портников В. И. Иммерсивный театр – инновационная форма театрализованного культурно-образовательного досуга // Среднее профессиональное образование. 2019. № 4. С. 30–34.

9. Соколовская Е. В. Иммерсивность в социогуманитарном дискурсе: к систематизации подходов // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 82–91.

10. Чжэн С., Алексеева Г. В. Параллели трансляции культурной практики Китая в древнем и современном искусстве // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2024. № 4 (73). С. 84–91. DOI 10.53115/19975996_2024_04_084_091.

11. Чжэн С. Роль иммерсивных искусств в интерпретации традиционных феноменов культуры //

References:

1. Belyalova, Yu.A. (2023) Etapy razrabotki immernivnoy ekskursii v shkol'nom etnograficheskom muzee [Stages of Developing an Immersive Tour in a School Ethnographic Museum]. In: *Luchshaya pedagogicheskaya razrabotka 2023* [Best Pedagogical Development 2023]. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyy tsentr nauch. partnerstva "Novaya Nauka". pp. 106–115.

2. Benjamin, W. (1996) Kratkaya istoriya fotografii [A Short History of Photography]. In: Zdorovoy, Yu.A. (ed.) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility. Selected Essays]. Moscow: Medium. pp. 66–91.

3. Benjamin, W. (1996) Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti [The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility]. In: Zdorovoy, Yu.A. (ed.) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility. Selected Essays]. Moscow: Medium. pp. 15–65.

4. Benjamin, W. (2012) Uchenie o podobii [The Doctrine of Similarity]. In: *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [The Doctrine of Similarity. Media-Aesthetic Works]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 164–171.

5. Bol'shakova, M.S. (2020) Immernivnye tekhnologii kak osnova proizvedeniy virtual'nogo iskusstva [Immersive Technologies as the Basis of Virtual Art Works]. In: *Vizual'naya kul'tura: iskusstvo, dizayn, mediatekhnologii* [Visual Culture: Art, Design, Media Technologies]. Omsk: Omsk State Technological University. pp. 33–40.

6. Bykasova, L.V. (2024) Immernivnyy diskurs sovremennogo khudozhestvennogo obrazovaniya [Immersive Discourse of Modern Art Education]. In: *Integratsiya pedagogicheskoy nauki i praktiki v kontekste vyzovov XXI veka* [Integration of Pedagogical Science and Practice in the Context of the Challenges of the 21st Century]. [Online] Available from: https://files.tgpi.ru/nauka/publications/2024/pednayka.pdf (Accessed: 03.05.2025).

7. Venkova, A.V. (2022) *Fenomen immersivnosti v sovremennoy khudozhestvennoy kul'ture* [The Phenomenon of Immersivity in Contemporary Artistic Culture]. Culturology Dr. Diss. St. Petersburg. 330 p.

8. Dol'gireva, E.V., Kurikhina, T.I. & Portnikov, V.I. (2019) Immernivnyy teatr – innovatsionnaya forma teatralizovannogo kul'turno-obrazovatel'nogo dosuga [Immersive Theatre as an Innovative Form of Theatrical Cultural and Educational Leisure]. *Srednee professional'noe obrazovanie*. 4. pp. 30–34.

9. Sokolovskaya, E.V. (2023) Immersivnost' v sotsiogumanitarnom diskurse: k sistematizatsii podkhodov

Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 4. С. 377–385. DOI 10.25281/2072-3156-2023-20-4-377-385.

12. 陈仟格,卜婧洁.基于数字艺术的博物馆展示空间沉浸式体验的应用研究——以陕西历史博物馆唐文化数字展厅为例// 文学艺术周刊. 2025. 2. 82–84. [Чэнь Цяньгэ, Бу Цзинцзе. Исследование применения иммерсивного опыта в музейном выставочном пространстве на основе цифрового искусства – на примере цифрового выставочного зала культуры Тан в Историческом музее Шэньси // Еженедельник литературы и искусства. 2025. № 2. С. 82–84.]

13. 故宫博物院. 蓝色缂丝云龙纹单朝袍 // DPM: 故宫博物院. [Музей Гугун. Синий императорский халат с облачным узором и драконами в технике кэсы [Электронный ресурс] // DPM: Дворцовый музей]. URL: https://www.dpm.org.cn/collection/embroider/230263.html (дата обращения: 03.05.2025).

14.贾天天,许传涛,申玉梅,胡馨丹.数字非遗新纪元：灯光投影艺术下的海南文昌灰塑壁画沉浸式设计探索 // 上海轻工业. 2025. 2. 71–73. [Цзя Тяньтянь, Сюй Чуаньтао, Шэнь Юмэй, Ху Синьдань. Новая эра цифровой нелегитимности: исследование иммерсивного дизайна серой настенной живописи в Вэньчане, Хайнань, в условиях светового проекционного искусства // Шанхайская легкая промышленность. 2025. № 2. С. 71–73.]

15. 雷文广. 明清帝王服饰中“十二章”纹样的排列、造型比较及影响因素 // 丝绸. 2021. 58 (04). 87–94. [Лэй Вэньгуан. Сравнительный анализ композиции и стилистики узора «Двенадцать символов» на церемониальных одеждах императоров эпох Мин и Цин // Шелк. 2021. № 58 (04). С. 87–94.]

16. 李进健.沉浸式陶瓷艺术空间的设计理论与实践探究 // 中国民族博览. 2025. 1. 100–102. [Ли Цзиньцзянь. Исследование теории и практики дизайна иммерсивного керамического арт-пространства // Китайская этническая выставка. 2025. № 1. С. 100–102.]

17.任雨菲.数字化转型背景下博物馆陶瓷文物的传承与创新//陶瓷. 2025. 8. 93-95. [Рен Юфэй. Наследие и инновации в области керамических артефактов в музеях в условиях цифровой трансформации // Керамика. 2025. № 8. С. 93–95.]

18. 苏州吴江发布. 锦绣纹华——苏州丝绸纹样数字馆 [Администрация района Уцзян. Цифровая экспозиция узоров шелковых тканей Сучжоу «Великолепие парчовых узоров»] [Электронный ресурс] // Weixin: 苏州吴江发布. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwNjMxMjEzMA==&mid=2655594154&idx=1&sn=4fbd4c4171a7158c3ee5fd5cff85826a&chksm=8151211ca5a857bc20f114cf4361d387d8d073c5baf850dd5f8794e64587c2c1cb3910315ecc&scene=27 (дата обращения: 03.05.2025).

19.覃荣争,何淑梅.宏大主题创作与沉浸式育人功能结合的成功实践——以广西艺术学院中国画百米长卷三部曲为例 // 大众文艺. 2025. 3. 120-122. [Тан Жунчжэн, Хэ Шумэй. Создание эпического полотна и его воспитательная функция на примере трилогии «Стометровый свиток китайской живописи» Гуансийского института искусств // Популярная литература и искусство. 2025. № 3. С. 120–122.]

20.陶柯辛.基于多感官博物馆学的博物馆数字化转型探索// 玩具世界. 2025. 7. 134-136. [Тао Кэсинь. Исследование цифровой трансформации музеев на основе [Immersivity in Socio-Humanitarian Discourse: Towards a Systematization of Approaches]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 4 (76). pp. 82–91.

10. Zheng, S. & Alekseeva, G.V. (2024) Paralleli translyatsii kul'turnoy praktiki Kitaia v drevnem i sovremennom iskusstve [Parallels of the Translation of Chinese Cultural Practice in Ancient and Modern Art]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 4 (73). pp. 84–91. DOI: 10.53115/19975996_2024_04_084_091

11. Zheng, S. (2023) Rol' immersivnykh iskusstv v interpretatsii traditsionnykh fenomenov kul'tury [The Role of Immersive Arts in Interpreting Traditional Cultural Phenomena]. *Observatoriya kul'tury*. 20 (4). pp. 377–385. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-4-377-385

12. Chen, Qiange & Bu, Jingjie. (2025) Research on the Application of Immersive Experience in Museum Exhibition Space Based on Digital Art – Taking the Tang Culture Digital Exhibition Hall of Shaanxi History Museum as an Example. *Literature and Art Weekly*. 2. pp. 82–84. (In Chinese).

13. *The Palace Museum.* (n.d.) Blue Kesi Unlined Robe with Cloud and Dragon Pattern. [Online] Available from: https://www.dpm.org.cn/collection/embroider/230263.html (Accessed: 03.05.2025). (In Chinese).

14. Jia, Tiantian, Xu, Chuantao, Shen, Yumei & Hu, Xindan. (2025) A New Era of Digital Intangible Cultural Heritage: Exploration of Immersive Design of Wenchang Gray Plastic Mural in Hainan under Light Projection Art. *Shanghai Light Industry*. 2. pp. 71–73. (In Chinese).

15. Lei, Wenguang (2021) Comparison of Arrangement and Modeling of the “Twelve Symbols” Pattern on the Ceremonial Robes of Ming and Qing Emperors and Influencing Factors. *Silk*. 58 (04). pp. 87–94. (In Chinese).

16. Li, Jinjian. (2025) Exploration on the Theory and Practice of Immersive Ceramic Art Space Design. *Chinese National Expo*. 1. pp. 100–102. (In Chinese).

17. Ren, Yufei. (2025) Inheritance and Innovation of Ceramic Artifacts in Museums in the Context of Digital Transformation. *Ceramics*. 8. pp. 93–95. (In Chinese).

18. *Wujiang District Administration, Suzhou.* (n.d.) Splendid Patterns – Suzhou Silk Pattern Digital Museum. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwNjMxMjEzMA==&mid=2655594154&idx=1&sn=4fbd4c4171a7158c3ee5fd5cff85826a&chksm=8151211ca5a857bc20f114cf4361d387d8d073c5baf850dd5f8794e64587c2c1cb3910315ecc&scene=27 (Accessed: 03.05.2025). (In Chinese).

19. Qin, Rongzheng & He, Shumei. (2025) The Successful Practice of Combining Grand Theme Creation and Immersive Education Function – Taking the “Hundred-Meter Scroll Trilogy of Chinese Painting” of the Guangxi Arts Institute as an Example. *Popular Literature and Art*. 3. pp. 120–122. (In Chinese).

20. Tao, Kexin. (2025) Exploration of Museum Digital Transformation Based on Multisensory Museology. *Toy World*. 7. pp. 134–136. (In Chinese).

21. Wan, Yi, Wang, Shuxiang & Lu, Yanzhen. (1985) *Court Life in the Qing Dynasty*. Hong Kong: The Commercial Press, Hong Kong Branch. 327 p. (In Chinese).

22. Xiong, Shuhui, Zheng, Zhe & Dong, Chenyan. (2025) Craftsmanship and Culture of the Qing Emperor's Sacrificial Ceremonial Attire for Auspicious Rites. *Fashion Designer*. 1. pp. 87–94. (In Chinese).

мультисенсорной музеологии // Мир игрушек. 2025. № 7. С. 134–136.]

21. ⍰依, 王树乡, 陆燕贞. 清代宫廷生活. 香港: 商务印书馆香港分馆, 1985. 327页 [Вань И, Ван Шусян, Лу Яньчжэнь. Повседневная жизнь императорского двора эпохи династии Цин. Гонконг: Гонконгское отд-ние коммерч. прессы, 1985. 327 с.]

22. 熊淑辉, 郑喆, 董晨妍. 清代皇帝吉礼祭祀服饰的工艺及文化 // // 服装设计师. 2025. 1. 87–94. [Сюн Шухуэй, Чжэн Чжэ, Дун Чэньянь. Технология и культурные предназначенных для жертвоприношений церемониальных одежд цинских императоров // Модельер. 2025. № 1. С. 87–94.]

23. 杨凌江, 鲁建平, 张红霞, 等. 仿“缂丝”效果的提花织物工艺设计 // 丝绸. 2017. 54 (08). 51–55. [Ян Линцзян, Лу Цзяньпин, Чжан Хунся и др. Проектирование жаккардовых тканей с эффектом имитации техники кэсы // Шелк. 2017. № 54 (08). С. 51–55.]

24. 张羽,周剑.东方意象美学在沉浸式艺术空间中的转译与传播 // 湖北社会科学. 2025. 1. 145–151. [Чжан Юй, Чжоу Цзянь. Трансформация и распространение восточных эстетических образов в иммерсивных художественных пространствах // Общественные науки Хубэя. 2025. № 1. С. 145–151.]

25. 艺云Ewin的微博视频 [Видео Эвина на Weibo] // Weibo: 微博 URL: https://weibo.com/tv/show/1034:5161181497720874 (дата обращения: 03.05.2025).

23. Yang, Lingjiang, et al. (2017) Process Design of Jacquard Fabric with Imitated “Kesi” Effect. *Silk*. 54 (08). pp. 51–55. (In Chinese).

24. Zhang, Yu & Zhou, Jian. (2025) The Transformation and Dissemination of Eastern Imagery Aesthetics in Immersive Art Spaces. *Hubei Social Sciences*. 1. pp. 145–151. (In Chinese).

25. *Ewin’s Weibo Video.* (n.d.) [Online] Available from: https://weibo.com/tv/show/1034:5161181497720874 (Accessed: 03.05.2025). (In Chinese).

Потенциальный конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure

The authors declare no conflict of interest

Вклад авторов

Чжэн Сяои – проведение исследования, написание черновика рукописи

Г. В. Алексеева – административное руководство исследовательским проектом, проведение исследования, написание рукописи – рецензирование и редактирование

Authors’ contributions

Zheng Xiaoyi – Investigation, Writing – Original Draft Preparation

Galina V. Alekseeva – Project Administration, Investigation, Writing – Review & Editing

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Чжэн Сяои, Алексеева Г. В. Иммерсивная художественная интерпретация шелкового узора Сучжоу: диалектика утраты и регенерации «ауры» // Наследие веков. 2025. № 2. С. 68–79. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.005.

For citation:

Zheng Xiaoyi & Alekseeva, G.V. (2025) Immersive Artistic Interpretation of Suzhou Silk Pattern:Dialectics of Loss and Regeneration of “Aura”. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 68–79. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.005

Поступила в редакцию / The article was submitted 19.04.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.05.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 14.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

НАЗАРОВ Максим Алексеевич
Российский новый университет,
Москва, Российская Федерация
maksim0914@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-9879-9778

УДК/UDC: 327.54:[7.049.2:32]:791(73)"196"
ГРНТИ: 18.67.10
ВАК: 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.005

Политическая сатира как инструмент переосмысления «красной угрозы» в американском кинематографе 1960-х годов

Аннотация. Исследование посвящено анализу сатирической репрезентации «красной угрозы» в американском кинематографе 1960-х гг. Цель – выявить особенности трансформации восприятия СССР в общественном сознании США средствами комедийного и сатирического кино. Рассмотрены четыре художественных фильма, а также критические статьи и научные публикации российских и зарубежных киноведов. Изучены сюжетные линии кинолент, определены ключевые сатирические приемы, показано их применение режиссерами для деконструкции устоявшихся стереотипов и клише о «красной угрозе». Исследованы способы представления идеологических противников в рамках пародийного дискурса. Установлено, что репрезентация «красной угрозы» в американском кинематографе прошла эволюцию от актуализации страха перед коммунизмом до сатирического представления противостояния сверхдержав и частичной критики внутренней политики США. Сделан вывод о важности сатирического и комедийного кино как инструмента культурного диалога в условиях холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, «красная угроза», политическая сатира, кинематограф США, Билли Уальдер, Стэнли Кубрик, Норман Джуисон, Тед Фликер, доктор Стрейнджлав.

© Назаров М. А., 2025

Репрезентация СССР в кинематографе США – одна из неоднозначных тем, которая во многом связана с идеологическим противостоянием двух сверхдержав. В условиях холодной войны кино проявило себя как мощное идеологическое оружие и инструмент демонизации врага. Однако в зависимости от внешнеполитической ситуации при ослаблении культурного противостояния оно могло полностью изменить смысл и направленность транслируемых через экран идей.

Одним из интересных феноменов американского кинематографа 1960-х гг. стала политическая сатиризация холодной войны и «красной угрозы. Жанр комедии и использование сатирических приемов помогали авторам не только переосмыслить особенности кинорепрезентации СССР и визуализации соответствующих образов., но и критически рассмотреть парадоксы внешней политики США и внутренние страхи американского общества.

Несмотря на наличие исследований, посвященных интерпретации образа СССР в американском кинематографе как одной составляющих массовой пропаганды, отечественная наука лишь в последние годы начинает разрабатывать тему сатирического осмысления холодной войны.

Определенный интерес представляют вышедшие в советское время исследования отечественных ученых, таких как В. С. Комаровский [1], Ю. А. Комов [2] и О. А. Феофанов[5]. Следует отметить, что эти работы несут на себе отпечаток идеологической предвзятости, их авторы стремились доказать агрессивный и манипулятивный характер западной информационной политики. Обозначенные исследования представляют ценность в основном как пример анализа методов формирования образа врага в западном кинематографе периода холодной войны.

Иным, более взвешенным и аналитическим подходом отличаются работы современных ученых. Так, в исследовании А. В. Федорова [4] анализируется эволюция образов СССР и России на западном экране с послевоенного периода до начала XXI в., при этом подчеркивается устойчивость негативных стереотипов и идеологических клише. Автору удалось показать, как западный кинематограф адаптировал образ «русского» под политические и культурные контексты того или иного периода.

Кроме того, определенное значение имеют и исследования К. А. Юдина [6] [7], рассматривавшего тему репрезентации СССР в западной культуре в том числе и в аспекте изучения политической сатиры в англо-американском кинематографе 1960-х гг. как средства формирования образа врага в условиях холодной войны. Вместе с тем исследователь полагает, что юмор и сатира выступали механизмом идеологической деконструкции и культурного диалога. Ключевым выводом при этом становится понимание сатиры как формы визуального сопротивления и переосмысления бинарных оппозиций «свой – чужой» [7].

В работах западных ученых и критиков произведения, анализируемые в данной статье, нередко рассматриваются исключительно через призму пропаганды, зачастую при этом игнорируется их эстетическая и культурная специфика. Так, Х.-В. Лопес [13] подчеркивает, что Б. Уайлдер, создавая кинокартину «Один, два, три», использовал разделенный Берлин как образ идеологического конфликта между капитализмом и коммунизмом, в сатирическом ключе оценивая как обе системы, так и взаимоотношения двух сверхдержав.

Д. Мэйсон, критически оценивая картину «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» [14], приходит к выводу, что, несмотря на завершение холодной войны, риск ядерного конфликта остается высоким. Автор акцентирует внимание на необходимости активизации международного сотрудничества для полного ядерного разоружения, подчеркивая, что это единственный способ избежать уничтожения человечества.

Рецензия Р. Бэнсона [9] посвящена анализу кинокартины «Русские идут! Русские идут!», которая рассмотрена как комедия, разоблачающая абсурд холодной войны и основанная на недопонимании между американцами и советскими моряками. Рецензент усматривает основную идею киноленты в глубинной человеческой общности, преодолевающей идеологические барьеры через юмор и взаимодействие.

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной литературе за редким исключением отсутствуют систематические исследования американских фильмов 1960-х гг., в которых репрезентация образа СССР анализировалась бы в контексте использования сатирических приемов. К тому же не всегда в этих работах прослеживается зависимость выбора подобных приемов от социокультурных условий. Большинство исследований сосредоточено на серьезных драматических произведениях, тогда как комедийные фильмы, в которых используются подобные приемы, остаются вне поля внимания. Данные пробелы обусловливают необходимость комплексного научного анализа сатирических форм репрезентации СССР в кинематографе США 1960-х гг.

Цель настоящего исследования – выявить особенности трансформации восприятия «красной угрозы» и образа СССР в американском кинематографе 1960-х гг., раскрыв значение используемых в его произведениях сатирических и комедийных приемов для критического переосмысления идеологических представлений и снижения напряженности в общественном дискурсе США.

Материал исследования составили художественные фильмы: «Один, два, три» (“One, two, three”) (1961), режиссер Билли Уальдер; «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (“Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb”), режиссер Стэнли Кубрик (1964), «Русские идут! Русские идут!» (“The Russians Are Coming, the Russians Are Coming”), режиссер Норман Джуисон (1966); «Аналитик президента» (“The President’s Analyst”), режиссер Тед Фликер (1967). Дополнительный материал был взят из критических статей и научных публикаций российских и зарубежных киноведов и историков кино.

Методология исследования строится главным образом на основе историко-системного метода, позволившего выявить взаимосвязь между сюжетами фильмов и конкретными этапами международной напряженности – от разгара маккартизма до периода разрядки. Семиотический и контекстуальный анализ дают возможность рассмотреть комедийный кинематограф как пространство отражения и переосмысления культурных стереотипов изучаемой эпохи, а искусствоведческий анализ в сочетании с методами герменевтики позволяет выявить сатирические приемы и средства в сюжетах кинолент.

План исследования основан на сопоставительном поэтапном анализе кинематографических текстов. В рамках работы сначала выявлялись ключевые этапы идеологического противостояния 1940–1960-х гг. и рассматривалось их отражение в американском кино. Далее был проведен анализ содержания четырех упомянутых выше кинолент. Особое внимание уделялось сатирическим приемам, использованным в этих фильмах, и их значению для формирования образа советского человека в американском общественном сознании. Полученные результаты были соотнесены с историческим и социокультурным контекстом соответствующего периода, что позволило сформулировать выводы о значении сатиры в процессе изменения общественного восприятия так называемой «красной угрозы».

В данном исследовании кинематографическая сатира рассматривается в контексте своей функции как элемент культурной дипломатии и внутренней критики, что во многом определяет научную значимость работы. Кроме того, образы советских персонажей в американских комедийных фильмах, использующих сатирические приемы, изучены и интерпретированы в русле культурных, идеологических и пропагандистских тенденций эпохи холодной войны, что представляется важным, в частности, в аспекте пересмотра бинарного представления «враг – друг» в киноязыке, а также для выявления разнохарактерных факторов, влиявших на общественное сознание жителей США в 1960-х гг.

* * *

Кинематограф США времен холодной войны – весьма неоднозначное явление. Идеологическое противостояние между СССР и США не могло не отразиться на больших экранах. Почти до начала 1960-х гг. киноленты, посвященные «красной угрозе», носили строго пропагандистский характер и характеризовались подчеркнуто негативным отноше-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

нием к советским персонажам, которые объявлялись «врагом № 1» [3].

Обычный жанр подобных фильмов – детективные триллеры или шпионские боевики. Как правило, сюжетные линии посвящены проискам коммунистов внутри США, созданию подпольных советских групп, которые пытались подменить американские ценности на советские. Примеры подобных сюжетных линий можно найти в картинах 1950-х гг., таких как «Я был коммунистом для ФБР» (1951), «Железный занавес» (1948), «Красная угроза» (1949), «Большой Джим МакЛэйн» (1952). Сюжеты этих лент во многом испытывали влияние антикоммунистической истерии, которая являлась одним из элементов общественно-политической жизни США в период маккартизма и обострения отношений с СССР [6].

Отметим, что американские художественные фильмы, в которых фигурировали СССР и советские граждане, часто становились объектом критики советских обозревателей и писателей. Такие картины часто критиковали за антисоветизм и идеологические диверсии против СССР. Основное обвинение заключалось в том, что режиссеры под воздействием пропаганды сознательно искажали образ СССР перед американскими зрителями. Любые негативные черты, приписываемые советским персонажам, воспринимались как клевета и часть идеологической войны. Такой взгляд просуществовал до распада СССР в 1991 г. [1] [2].

Ситуация радикально изменилась в период разрядки международной напряженности. Отношения между сверхдержавами значительно потеплели, а американское общество стали больше интересовать внутренние проблемы, чем возможная «красная угроза». К тому же постепенно нарастала критика крайних антикоммунистических настроений и прочих пережитков маккартизма.

Улучшение отношений между США и СССР позволило с юмором рассмотреть собственные страхи перед «красной угрозой». Высмеивание всех участников холодной войны стало весьма распространенным приемом американских кинематографистов.

Одним из первых удачных примеров можно считать комедию Билли Уйлдера «Один, два, три» (1961), в которой комедийный жанр помог выразить политические и культурные различия между периодами 1950-х и 1960-х гг.

Действие фильма происходит в западной части Берлина, где работает главный герой С. Р. Макнамара, директор филиала фирмы «Кока-кола». Он получает задание присматривать за Скарлетт Хэзелтайн, дочерью своего начальника, которая вскоре доставит множество неприятностей Макнамаре. В это же время он пытается продать продукцию фирмы за «железный занавес», не до конца понимая разницу между коммунистическим Востоком и капиталистическим Западом [6].

Советские представители, которые не прочь открыть заводы по производству колы, пытаются получить рецепт напитка, а не его концентрат. Во время торга они больше напоминают матерых западных бизнесменов, которые не скрывают, что хотят заключить выгодную сделку. Хотя члены советского Внешторга и КГБ показаны достаточно несимпатично, основным предметом сатиры становятся жители западного Берлина и новые реалии холодной войны [12].

Немцы, которые работают с Макнамарой,– бывшие члены преступных нацистских организаций, скрывающие свое прошлое. Жители Германии, живущие на советской стороне Берлина, так же не лучше: все они теперь ярые коммунисты, но всегда готовы поменять свои идеалы, если потребуется. Таким персонажем становится молодой немецкий коммунист Отто Пиффль, фанатично преданный своим идеям и разговаривающий не фразами, а антикапиталистическими штампами. Этот герой даже внешне выглядит как злая карикатура на левую молодежь. Внезапно Отто становится женихом Скарлетт Хэзелтайн, которая не видит ничего плохого в том, чтобы связать свою жизнь с подобным человеком и уехать жить в СССР.

Такой шаг девушки приведет Макнамару к немедленному увольнению. Понимая это, он подставляет молодого человека – Пиффля арестовывает полиция Восточного Берлина. Вскоре главный герой узнает, что Скарлетт беременна от Отто. Теперь Макнамара вынужден вытаскивать его из тюрьмы и превращать в выгодного жениха, выставляя отпры-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

ском знатного немецкого аристократического рода. Отто Пиффль, оказавшийся в западной системе координат, с легкостью отказывается от коммунистической идеологии [12].

Отец Скарлетт, недалекий начальник Макнамары, принимает зятя в свою семью, а главный герой получает долгожданное повышение по службе.

«Один, два, три» стала неоднозначной картиной в карьере Билли Уайлдера. Темы, поднятые им, были слишком смелыми для эпохи постмаккартизма. Фильм получился слишком сатирическим и «антиидеологическим», в большей степени высмеивающим западное общество и капиталистические ценности, показывающим, что зачастую представители Запада ничем не лучше тех, против кого они выступают [18].

Комедия провалилась в прокате, а в своих негативных отзывах значительная часть критиков отмечала однообразие юмора. Однако лента впоследствии получила среди зрителей культовый статус за смелую концепцию сюжета.

В 1964 г. режиссер Стэнли Кубрик выпустил фильм «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», где в жанре политической сатиры показал страхи перед возможной Третьей мировой войной. Фильм вышел через два года после Карибского кризиса, когда угроза взаимного уничтожения была вполне актуальной [4].

Сюжет, основанный на романе Питера Джорджа «Красная угроза», позволил Стэнли Кубрику создать историю с глубоким символическим и политическим содержанием. По своему жанру «Доктор Стрейнджлав…» – черная абсурдная комедия, хотя книга написана в жанре триллера.

По сюжету бригадный генерал военно-воздушных сил США Джек Риппер под воздействием паранойи и душевной болезни в обход президента США отдает приказ о ядерной атаке на СССР. Режиссер тонко подметил основные страхи типично правого представителя американского общества – страх перед тайными коммунистами, которые ведут скрытую войну против США.

Генерал Риппер свято уверен, что советские агенты занимаются отравлением воды через фторирование, тем самым разрушая некие «драгоценные телесные соки» американцев. В фильме дается тонкий намек на половую немощность генерала, которая, возможно, и привела к подобной ситуации. Таким образом, теория заговора и абсурд становятся главной причиной всех событий [11].

Другой интересный момент фильма связан с генералом Баком Тёрджисоном, представляющим агрессивную часть военного руководства. Узнав об атаке, он предлагает президенту Маффли воспользоваться ситуацией и нанести полномасштабный удар по СССР, пока тот еще не успел отреагировать.

Президент Маффли становится голосом здравого смысла и вступает в переговоры с советским руководством через посла СССР Алексея Десадецкого. Хотя он выглядит карикатурно и комически, а советское руководство с трудом понимает, что происходит, американо-советский диалог становится единственной надеждой решить возникшую проблему. Обе стороны, забыв о разногласиях, пытаются спасти ситуацию.

Финал фильма сочетает мрачную атмосферу с иронией. Один из американских бомбардировщиков, несмотря на все усилия героев, все-таки сбрасывает бомбу на военный объект в Советском Союзе. Ядерный взрыв активирует советскую систему взаимного уничтожения. Вскоре человеческая цивилизация оказывается на грани полного вымирания.

Основная критика режиссера направлена против американской политической и военной системы. Американские генералы в лице Риппера и Тёрджидсона – символы иррационального страха и милитаристского фанатизма. Гражданский же специалист по стратегии и бывший нацист, доктор Стрейнджлав, не высказывает ужаса, а с интересом обсуждает перспективы, которые появятся после гибели людей на земле [7].

Стэнли Кубрик актуализирует для американской киноаудитории идею о том, что основную угрозу человечеству несут не коммунисты, а внутренняя безответственность, некомпетентность и милитаристское безумие. Таким образом, кинолента не просто высмеивает реалии холодной войны тех лет, а предупреждает в сатирической форме об опасностях

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

реакционного мышления и ядерного оружия, которые способны уничтожить человечество. Безопасность страны не может быть обеспечена, если в ее систему попадет сумасшедший.

В фильме Нормана Джуисона «Русские идут! Русские идут!» (1966) особенно заметно использование сатирических приемов для изображения «красной угрозы». Фильм – уникальный пример американской комедии, которая в первую очередь высмеивает самих американцев и политические клише о советской угрозе.

Режиссер решительно отошел от стереотипов маккартизма и написал историю о человечности и взаимопомощи на фоне сложных отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Особенностью фильма стали главные герои – советские моряки-подводники, оказавшиеся в сложной ситуации. Их судно «Спрут» село на мель у побережья вымышленного острова Глостер.

Герои должны придумать, как снять подлодку с мели и быстро покинуть территорию США, не вступая в конфликт с местными жителями и властями. Однако скрыть свое прибытие советским морякам не удается, и вскоре начинаются проблемы с островитянами. Некоторые считают, что началось вторжение, а другие, не до конца понимая намерения героев, придерживаются выжидательной позиции.

Комическую роль в киноленте играют местные жители, символизирующие типичных представителей консервативного общества, всегда готовых сразиться с коммунистами.

Режиссер подвергает критике американское общество, продолжающее жить по заветам маккартизма и антикоммунизма. В сюжете присутствует важный гуманистический момент, связанный с финалом истории. Местный мальчик, наблюдавший за действием с колокольни, срывается и повисает на краю крыши. Советская и американская стороны прекращают бессмысленный спор и кидаются спасать ребенка, совместными усилиями им это удается. Данный эпизод показывает, что, несмотря на разные политические и идеологические системы, люди могут объединяться ради защиты базовых человеческих ценностей [9].

Внимания заслуживает репрезентация образов советских людей (в этой киноленте – моряков), которая значительно отличается от репрезентации в фильмах 1940-х и 1950-х гг. Если ранее это были хладнокровные убийцы, шпионы, то сейчас зритель видит нормальных вежливых людей, которые пытаются по возможности избежать конфликта. Поэтому образ советского военного – капитана подлодки – здесь по-своему привлекателен, даже несмотря на его суровость и угрозы применить силу для защиты своих подчиненных. Революционный подход режиссера к визуализации проблем холодной войны через кино получил признание критиков и простых зрителей, которым понравился добрый сюжет картины и возможность взглянуть на советскую сторону по-новому [16].

По свидетельству Нормана Джуисона, приведенному киноведом Т. Шоу, картина демонстрировалась на спецпоказе в Москве, где присутствовали советские кинорежиссеры С. Ф. Бондарчук и Г. Н. Чухрай, которые были довольны увиденным и растроганы сюжетом [17, с. 243].

«Русские идут! Русские идут!» представляет собой сатирическое и глубоко гуманистическое высказывание о преодолении предрассудков и страхов. Комедийная история позволила Норману Джуисону продемонстрировать абсурдность идеологической борьбы и показать альтернативную модель взаимодействия, основанную на взаимном уважении и сочувствии.

Сюжетную схему о неожиданном сотрудничестве между СССР и США можно увидеть и в комедии Теодора Фликера «Аналитик президента» (1967). Средствами сатиры фильм обличает внутреннюю политику Соединенных Штатов и их спецслужбы. Главный герой картины психоаналитик Сидни Шефер получает возможность стать личным аналитиком президента США, помогая ему справляться с психологическими проблемами.

Поначалу Шефер доволен, но вскоре его начинает мучить подозрение, что за ним идет слежка. Его психическое состояние ухудшается с каждым днем. Вскоре все спецслужбы мира начинают строить планы похищения Шефера, чтобы узнать все секреты американского президента. ЦРУ понимает, что для национальной безопасности страны психоа-

налитик стал угрозой, которую необходимо устранить.

В сюжете появляется одна из главных тем – всеобъемлющая паранойя, которая красной нитью проходит через весь фильм. Шефера пытаются похитить китайские, советские, канадские и британские спецслужбы, а собственные американские – убить [15].

В итоге происходит неожиданный поворот – героя спасает агент КГБ Кропоткин, который на фоне остальных агентов выглядит намного человечнее и не является типичным злодеем, соответствующим пропагандистским шаблонам холодной войны. Он интересуется методами Шефера и даже решает не отвозить его в СССР после сеанса психоанализа, а вместо этого принимает участие в рискованной операции [10].

Ситуация окончательно запутывается, когда герой узнает страшную правду о «Телефонной компании» – могущественной организации, превосходящей по влиянию все спецслужбы мира. Ее тайный план заключается в том, чтобы внедрить в человеческий мозг имплантат, обеспечивающий мгновенную связь между людьми без необходимости использовать громоздкое устройство и телефонные линии. Шефер нужен в качестве посредника, чтобы убедить президента США подписать закон, который разрешил бы проведение эксперимента.

Понимая, что планы «Телефонной компании» несут зло, герой и агенты КГБ и ЦРУ объединяются, чтобы сорвать намерения корпорации, и в итоге уничтожают целый научный комплекс.

Фильм использует необычный сюжетный ход, когда главную опасность представляет не коммунистическая спецслужба, а частная организация, которая к тому же является неотъемлемой частью коммуникаций США. «Аналитик президента» высмеивает не «красную угрозу», а внутреннюю опасность в лице «Телефонной компании», которая стремится вторгнуться в личную жизнь собственных граждан и манипулировать ими. Главной угрозой для мира становится не коммунисты, а обычные капиталисты с их корпоративной моралью [10].

* * *

Подводя итоги, отметим, что в кинематографе США 1960-х гг. произошли изменения в репрезентации «красной угрозы». Если в предшествующий период американские режиссеры актуализировали в своих работах чувство страха зрителя перед коммунизмом, то теперь лейтмотивом стала сатирическая репрезентация, частично подразумевающая критику внутренней политики США.

Изменение внешнеполитического контекста не могло не отразиться на сюжетах картин. Страх перед ядерной войной и интерес к мирному сосуществованию привел к переосмыслению «красной угрозы»: теперь она уже не воспринималась как постоянное зло. Изученные киноленты, в частности «Доктор Стрейнджлав…» и «Аналитик президента», демонстрируют, что основная опасность для американского общества, по мнению создателей проанализированных кинопроизведений, порой исходила отнюдь не от СССР, а, скорее, от собственных «ястребов».

«Красная угроза» хотя и присутствует в этих кинолентах, но показана она не как свирепая сила, несущая угрозу, а сатирически, а в некоторых случаях даже возможно сотрудничество с идеологическим врагом. Мрачные сценарии о безжалостных убийцах фактически ушли в прошлое, их заменили комедийные истории, в которых использовались сатирические и пародийные приемы, а привычные сюжетные решения подверглись деконструкции и осмеиванию.

Таким образом, многие комедийные фильмы 1960-х гг. фактически представляли холодную войну и ряд ее элементов в качестве абсурдного недоразумения, из-за которого страдают граждане СССР и США. Поэтому комедийный формат позволял некоторым режиссерам донести до киноаудитории идею о бессмысленности конфликта, в котором обе стороны могут фатально проиграть.

Комедия вызывает положительные эмоции у зрителей и при этом способна влиять на их восприятие мира, установки и стереотипы [8]. В данном случае можно отметить, что комедийные фильмы в определенной степени меняли представление американского зрителя

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

об СССР и само отношение граждан США к советской стране.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе сатирических приемов в американском кинематографе 1960-х гг., отражающих трансформацию представлений о «красной угрозе». В отличие от большинства исследований, сосредоточенных на рассмотрении прямолинейной пропаганды и анализе образа врага, репрезентируемого в рамках жанра шпионского или военного кино, в данной работе внимание уделяется художественным стратегиям сатиры и комедии, применяемым режиссерами исследованных кинолент.

Тема представляется перспективной для дальнейшего изучения. В частности, в будущих исследованиях можно проследить, как менялся образ советского человека в американских сатирических фильмах после 1960-х гг. Также важно изучить, как эти фильмы воспринимались советским и российским зрителем. Перспективным направлением является и анализ схожих изменений в других жанрах, таких как фантастика или мелодрама. Наконец, можно детально выявить векторы того влияния, которое сатирические и комедийные фильмы оказывали на общественное мнение и внешнюю политику Соединенных Штатов Америки.

Maxim A. NAZAROV
Russian New University
Moscow, Russian Federation
maksim0914@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-9879-9778

Political Satire as a Tool for Rethinking the Red Scare in American Cinema of the 1960s

Abstract. This study examines the satirical depiction of the Cold War in American cinema of the 1960s. The primary aim is to identify the specific features of the evolving perception of the "Red Scare" and the image of the USSR in films of this period. Furthermore, the significance of the comedic approach is assessed as a means of ideological reassessment and a mechanism for reducing tension within American public discourse. The analysis is conducted using a methodological framework that incorporates the historical-systemic method, elements of critical theory, and semiotic and art historical analysis, combined with hermeneutical practices. The primary sources for this investigation include the films The Russians Are Coming! The Russians Are Coming!; The President's Analyst; One, Two, Three; and Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb. These works are considered alongside scholarly publications and critical articles by Russian and international cultural scholars and film critics. The parodic discourse of political satire is analyzed as a key instrument for transforming the perception of the "Red Scare" in cinema. The historical context of the Cold War is characterized, with particular attention paid to the evolution of the image of the USSR and the Soviet character in American cinema of the preceding decades (1940s and 1950s), especially within propaganda genres. Through a comparative analysis, the principal satirical devices – such as irony, grotesque, and absurdity – and parodic strategies employed in the 1960s films are examined. A central focus is placed on how these techniques deconstruct established stereotypes and clichés associated with the "Red Scare". The plotlines of the films are scrutinized in detail. The modes of representing Soviet characters and ideological opponents within this parodic discourse are subsequently investigated. The author concludes that the representation of the "Red Scare" in American cinema underwent a significant evolution: from a manifestation of the fear of communism, it transitioned to a satirical portrayal of the superpower confrontation and included a partial critique of U.S. domestic policy. It is demonstrated that the "Red Scare" is depicted not as a ferocious force, but rather as a satirical image that is, in some instances, open to cooperation. The author argues that the filmmakers implied the primary danger to American society originated not from the USSR, but

from its own proponents of militarism. The directors presented the Cold War and many of its elements as an absurd misunderstanding, with negative consequences for both Soviet and American citizens. It is proven that satire in cinema served as an effective tool for ideological disarmament, critiquing both external political fears and internal social tensions. The significance of the satirical film as a form of cultural dialogue during the Cold War is thereby affirmed.

Keywords: Cold War, Red Scare, political satire, US cinema, Billy Wilder, Stanley Kubrick, Norman Jewison, Ted Flicker, Dr. Strangelove.

Литература:

1. Комаровский В. С. Ложь на экспорт: анализ антисоветских акций внешнеполитической пропаганды империализма. М.: Мысль, 1983. 143 с.

2. Комов Ю. А. Голливуд без маски. М.: Искусство, 1982. 208 с.

3. Рябов О. В. «Советский враг» в американском кинематографе Холодной войны: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 20–30.

4. Федоров А. В. Трансформации образа России на западном экране: от идеологической конфронтации (1946–1991) к современным эпохам (1992–2015). М.: Информация для всех, 2015. 221 с.

5. Феофанов О. А. Агрессия лжи. М.: Политиздат, 1987. 319 с.

6. Юдин К. А. Англо-американский кинематограф 1940–1970-х гг. и система государственно-политического контроля США // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 1 (33). С. 74–88.

7. Юдин К. А. «Холодная война» – «холодный» юмор: политико-сатирическая имагосфера англо-американского кинематографа 1960-х гг. // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, Ч. 2. С. 351–367. DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-351-367.

8. Яновский М. И. Воздействие фильма-комедии на Я-концепцию зрителя // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19, № 4. С. 34–45.

9. Benson R. Review: The Russians Are Coming, the Russians Are Coming (1966) Kino Lorber Blu-ray Special Edition [Electronic resource] // Cinema Retro. URL: https://www.cinemaretro.com/index.php?/archives/12549-review-the-russians-are-coming,-the-russians-are-coming-1966-kino-lorber-blu-ray-special-edition.html (Date of access: 22.04.2025).

10. D'Angelo M. Cable companies have always sucked, a classic comedy reminds [Electronic resource] // The A. V. Club. URL: https://www.avclub.com/cable-companies-have-always-sucked-a-classic-comedy-re-1798265701 (Date of access: 22.04.2025).

11. Hye-Knudsen M. Dr. Strangelove and the psychology of comic distance // Projections: The Journal for Movies and Mind. 2022. Vol. 16, № 2. June. P. 53–73.

12. Kovacs S. Hungarian plays into American movies: Billy Wilder's Five Graves to Cairo and One, Two, Three [Electronic resource] // Bright Lights Film Journal. 2023. January 5. URL: https://brightlightsfilm.com/hungarian-plays-into-american-movies-billy-wilders-five-graves-to-cairo-and-one-two-three/ (Date of access: 22.04.2025).

13. Lopez J. V. P. Filming history: Billy Wilder and the Cold War // Comunicación y Sociedad. 2012. Vol. 25, Issue 1. P. 113–136. DOI 10.15581/003.25.36178.

References:

1. Komarovskiy, V.S. (1983) *Lozh' na eksport: analiz antisovetskikh aktsiy vneshnepoliticheskoy propagandy imperializma* [Lies for Export: Analysis of Anti-Soviet Actions of Imperialism's Foreign Policy Propaganda]. Moscow: Mysl'. 143 p.

2. Komov, Yu.A. (1982) *Gollivud bez maski* [Hollywood Unmasked]. Moscow: Iskusstvo. 208 p.

3. Ryabov, O.V. (2011) "Sovetskiy vrag" v amerikanskom kinematografe Kholodnoy voyny: gendernoe izmerenie ["The Soviet Enemy" in American Cold War Cinema: A Gender Dimension]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2. pp. 20–30.

4. Fedorov, A.V. (2015) *Transformatsii obraza Rossii na zapadnom ekrane: ot ideologicheskoy konfrontatsii (1946–1991) k sovremennym epokham (1992–2015)* [Transformations of the Image of Russia on the Western Screen: From Ideological Confrontation (1946–1991) to Modern Eras (1992–2015)]. Moscow: Informatsiya dlya vsekh. 221 p.

5. Feofanov, O.A. (1987) *Agressiya lzhi* [The Aggression of Lies]. Moscow: Politizdat. 319 p.

6. Yudin, K.A. (2019) Anglo-amerikanskiy kinematograf 1940–1970-kh gg. i sistema gosudarstvenno-politicheskogo kontrolya SShA [Anglo-American Cinema of the 1940s–1970s and the US State-Political Control System]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 1 (33). pp. 74–88.

7. Yudin, K.A. (2020) "Kholodnaya voyna" – "kholodnyy" yumor: politiko-satiricheskaya imagosfera anglo-amerikanskogo kinematografa 1960-kh gg. ["Cold War" – "Cold" Humor: The Political-Satirical Imagosphere of Anglo-American Cinema in the 1960s]. *Idei i idealy*. 12 (2), Pt. 2. pp. 351–367. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-351-367

8. Yanovskiy, M.I. (2023) Vozdeystvie fil'ma-komedii na Ya-kontseptsiyu zritelya [The Impact of Comedy Films on the Viewer's Self-Concept]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 19 (4). pp. 34–45.

9. Benson, R. (n.d.) Review: The Russians Are Coming, the Russians Are Coming (1966) Kino Lorber Blu-ray Special Edition. *Cinema Retro*. [Online] Available from: https://www.cinemaretro.com/index.php?/archives/12549-review-the-russians-are-coming,-the-russians-are-coming-1966-kino-lorber-blu-ray-special-edition.html (Accessed: 22.04.2025).

10. D'Angelo, M. (n.d.) Cable companies have always sucked, a classic comedy reminds. *The A. V. Club*. [Online] Available from: https://www.avclub.com/cable-companies-have-always-sucked-a-classic-comedy-re-1798265701 (Accessed: 22.04.2025).

11. Hye-Knudsen, M. (2022) Dr. Strangelove and the psychology of comic distance. *Projections: The Journal for Movies and Mind*. 16 (2). pp. 53–73.

14. Mason J. W. 50 years later "Dr. Strangelove" remains a must-see film and humorous reminder of our civilization's fragility [Electronic resource] // Public Interest Report, 2014. Vol. 67, № 1. URL: https://uploads.fas.org/sites/8/2014/02/Dr.-Strangelove-2014-Winter-1.pdf (Date of access: 22.04.2025).

15. President's Analyst (1967) [Electronic resource] // Moria Reviews. URL: https://www.moriareviews.com/sciencefiction/presidents-analyst-1967.htm (Date of access: 07.08.2025).

16. Rutigliano O. Deep Focus: "The Russians Are Coming, The Russians Are Coming" [Electronic resource] // Public Books. URL: https://www.publicbooks.org/deep-focus-the-russians-are-coming-the-russians-are-coming/ (Date of access: 22.04.2025).

17. Shaw T. The Russians Are Coming The Russians Are Coming (1966): Reconsidering Hollywood's Cold War "Turn" of the 1960s // Film History. Vol. 22, № 2. P. 235–250. DOI 10.2979/fil.2010.22.2.235.

18. The Absurdity of the Cold War Conflict in One, Two, Three (1961) [Electronic resource] // Flip Screen. URL: https://flipscreened.com/2020/08/23/now-thats-what-i-call-kino-4-the-absurdity-of-the-cold-war-conflict-in-one-two-three-1961/ (Date of access: 07.08.2025).

12. Kovacs, S. (2023) Hungarian plays into American movies: Billy Wilder's Five Graves to Cairo and One, Two, Three. *Bright Lights Film Journal*. [Online] Available from: https://brightlightsfilm.com/hungarian-plays-into-american-movies-billy-wilders-five-graves-to-cairo-and-one-two-three/ (Accessed: 22.04.2025).

13. Lopez, J.V.P. (2012) Filming history: Billy Wilder and the Cold War. *Comunicación y Sociedad*. 25 (1). pp. 113–136. DOI: 10.15581/003.25.36178

14. Mason, J.W. (2014) 50 years later "Dr. Strangelove" remains a must-see film and humorous reminder of our civilization's fragility. *Public Interest Report*. 67 (1). [Online] Available from: https://uploads.fas.org/sites/8/2014/02/Dr.-Strangelove-2014-Winter-1.pdf (Accessed: 22.04.2025).

15. *Moria Reviews* (n.d.) President's Analyst (1967). [Online] Available from: https://www.moriareviews.com/sciencefiction/presidents-analyst-1967.htm (Accessed: 07.08.2025).

16. Rutigliano, O. (n.d.) Deep Focus: "The Russians Are Coming, The Russians Are Coming". *Public Books*. [Online] Available from: https://www.publicbooks.org/deep-focus-the-russians-are-coming-the-russians-are-coming/ (Accessed: 22.04.2025).

17. Shaw, T. (2010) The Russians Are Coming The Russians Are Coming (1966): Reconsidering Hollywood's Cold War "Turn" of the 1960s. *Film History*. 22 (2). pp. 235–250. DOI: 10.2979/fil.2010.22.2.235

18. *Flip Screen.* (n.d.) The Absurdity of the Cold War Conflict in One, Two, Three (1961). [Online] Available from: https://flipscreened.com/2020/08/23/now-thats-what-i-call-kino-4-the-absurdity-of-the-cold-war-conflict-in-one-two-three-1961/ (Accessed: 07.08.2025).

Потенциальный конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure
The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов
Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement
Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):
Назаров М. А. Политическая сатира как инструмент переосмысления «красной угрозы» в американском кинематографе 1960-х годов // Наследие веков. 2025. № 2. С. 80–89. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.005

For citation:
Nazarov, M.A. (2025) Political Satire as a Tool for Rethinking the Red Scare in American Cinema of the 1960s. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 80–89. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.005

Поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 21.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

MUSEION:
ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

ЗОТОВА Татьяна Анатольевна
кандидат культурологии,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Москва, Российская Федерация
zta91@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-8899-7321

УДК/UDC: 069(091):[069.029+712.23+635.017](47+57)"189/192"
ГРНТИ: 13.51.09
ВАК: 5.10.2.
https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.006

К истории российской концепции «живого музея»: малоизученные природные прообразы конца XIX – первой трети XX века

Аннотация. В статье выявлены и охарактеризованы прообразы «живого музея», сложившиеся в отечественной музееведческой, культурологической и природоохранной мысли конца XIX – первой трети XX в. Рассмотрены ранее не изученные научные статьи, эссе, научные отчеты, музеографические и другие источники, созданные в исследуемый период. Основное внимание уделяется прообразам и проектам, связанным с природными объектами (парк и заповедник «Аскания-Нова», Московский зоопарк и пр.). Установлено, что наибольшим своеобразием и новаторским подходом отличается проект А. Н. Краснова по созданию ботанического сада в Батуми. Полученные автором выводы вносят значительный вклад в преодоление стереотипности современных представлений о «живом музее» как о концепции, предполагающей обязательную театрализацию музейного пространства.

Ключевые слова: музей под открытым небом, «живой музей», концепция «живого музея», история музейного дела, историография музееведения, ботанические сады, заповедники, А. Н. Краснов.

© Зотова Т. А., 2025

В российском музееведении сложилось оригинальное направление, связанное с разработкой и внедрением в музейную практику принципа «живого музея» [3] [10] [20] [21] [34]. Большинство исследователей и специалистов наделяют понятие «живой музей» собственным значением, некоторые – разрабатывают авторские определения [20] [46, с. 113–115], но эти дефиниции не противоречивы, они гармонично дополняют друг друга.

Изучением практических, исторических и теоретических вопросов в рамках данной музейной концепции автор статьи занимается на протяжении нескольких лет [17] [18]. Методологической основной исследования является деятельностная интерпретация культуры (динамическая модель), представляющая ее как творческую деятельность человека, направленную на развитие личности [28, с. 282–287]. Опираясь на эту интерпретацию, а также на историко- генетический и историко-сравнительный анализ различных идей, принципов и практик «живого музея», сложившихся в России с конца XIX в., автор разработал обобщающую концепцию и культурологическую модель популярного понятия. Согласно сформулированному определению, «живой музей» – это особый творческий подход к сохранению наследия или творческая модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск, по выражению Д. С. Лихачёва [26, с. 52], «живого в старом». Данный подход обращается к объектам наследия, к историческим предметам (поэтому приоритетное значение в структуре понятия имеет слово «музей») и стремится максимально вовлечь их в актуальную культуру, «вернуть» в повседневную жизнь современного общества (иными словами, сделать «живыми»). Причем в основе таких проектов лежит не только творческая деятельность их создателей и посетителей, но и, по словам Н. С. Злобина, творящая деятельность [15, с. 37], актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия [18].

Востребованность музееведческой концепции и ее научного изучения связана с актуальной музейной практикой, которую следует кратко охарактеризовать. Какие же современные музейные проекты и объекты принято рассматривать в качестве «живых музеев»? Длительную традицию имеет трактовка, согласно которой «живой музей» понимается как иммерсивная технология проектирования музейной экспозиции, позволяющая создавать интерактивные экспозиционные зоны – своеобразные историко-культурные модели (объектов, интерьеров, ситуаций и пр.), включающие музейные предметы и средства функционально-декоративного оформления [34] [35] [36]. Среди современных примеров – экспозиционная зона «библиотека блокадного Ленинграда» на выставке «Подвиг Народа» в Музее Победы (Москва), реконструкция окопов в музее-заповеднике «Прохоровское поле» (Белгородская обл.), смоделированная партизанская деревня в Центральном парке «Патриот» (Московская обл.) и др. Не менее длительная традиция связана с использованием понятия «живой музей» для обозначения объектов, выполняющих двойную функцию (музейного показа и инфраструктуры), которые входят в состав российских историко-этнографических музеев (экомузеев, экомузеев-заповедников), созданных в среде традиционного проживания малых народов (например, музея «Чолкой», Кемеровская область – Кузбасс) [21]. Актуальное развитие этой трактовки определяет «живой музей» как форму представления нематериального культурного наследия и технологию культурно-образовательной деятельности музейного учреждения [2]. Яркий образец – архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» (музей-заповедник «Шушенское», Красноярский край). Большой популярностью обладает подход [20], согласно которому «живой музей» является разновидностью средового музея (к примеру, музей-заповедник «Кижи», Республика Карелия) или учреждения музейного типа (Лесной терем «Асташово», Костромская обл.). Наконец, достаточно обособленно развиваются узкие трактовки, применяющие понятие «живой музей» либо по отношению к музейным учреждениям, работающим на основе православных комплексов (монастырей, храмов) [3], либо к историческим паркам, центрам «живой истории» и народной культуры [31].

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать прообразы «живого музея» в России конца XIX – первой трети XX в., в основу которых была положена репрезентация природных объектов. Достижение данной цели позволит частично преодолеть стереотипность современных представлений о «живом музее», связанных с обязательной театрализацией музейного пространства, расширив знания о начальном этапе становления этой концепции в российском музейном деле. Следует уточнить, что автором рассматриваются в качестве прообразов исторические рассуждения, предложения и проекты, сложившиеся в отечественной мысли. Данная традиция введена рядом исследователей, ранее обращавшихся к изучению темы [20] [37] [46, с. 113–115]. Проблема исследования определяется тем, что комплексного анализа, посвященного вопросу выявления и сопоставления широкой совокупности прообразов «живого музея», ранее не проводилось, а выбор тех или иных исторических проектов обычно связан с личными предпочтениями исследователей.

В большинстве работ в качестве прямых прообразов современного концепта «живой музей» называются учения, концепции и мнения Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, Н. К. Рериха и Д. С. Лихачёва [3] [19] [46, с. 120–146]. Следует уточнить, что концепция музеефикации Троице-Сергиевой лавры П. А. Флоренского (1918) [44] является основанием для практически любого современного исследования, изучающего особенности музейной деятельности в православных монастырях и храмах. В работах, рассматривающих практику этнографических музеев [11] [37], в качестве прообразов представляются концепции В. Н. Всеволодского-Гернгросса, ставшего создателем Государственного этнографического театра Русского музея [25], и Б. М. Соколова, занимавшегося подготовкой проекта Московского этнопарка народов СССР на базе Центрального музея народоведения в конце 1920-х гг. [38]. Однако круг прообразов «живого музея», встречающихся в публикациях дореволюционной и советской России, не ограничивается этим перечнем и содержит концепции, мнения и высказывания, существенно развивающие представления о генезисе оригинального направления российского музееведения.

Выражение «живой музей», ставшее намного позже музееведческим понятием [17], оказалось достаточно расхожим для конца XIX – первой трети XX в. Автором были обнаружены многочисленные новые письменные источники, содержащие этот оксюморон в том или ином контексте (воспоминания, дневники, личная переписка, научные отчеты и доклады, философские и научные труды, музеографические источники). Их подробная характеристика занимает немалый объем текста, поэтому адресуем заинтересованных читателей к авторскому диссертационному исследованию, где подробно рассматривается данный вопрос [17].

Дизайн (план) исследования включал: проведение первичного историографического анализа, определяющего уже введенные в научный оборот прообразы «живого музея»; выявление совокупности новых источников, относящихся к тому же хронологическому периоду, что и изученные (для этого была выполнена серия поисковых запросов в каталоге Национальной электронной библиотеки); хронологический и типологический контекстный анализ источников, выявляющий основные значения (группы значений) искомого выражения; сопоставление полученных результатов с традиционными научными представлениями о прообразах «живого музея» и реконструкция начального этапа становления данной концепции в российском музееведении. Базовыми методами изучения стали интерпретация, историко-генетический и историографический анализ. Методологической основой исследования, как уже отмечалось выше, является деятельностный подход, рассматривающий концепцию «живого музея» как воплощение творческой деятельности человека (творческую модель музейной деятельности) [17]. Структура данной статьи, развернуто представляющей результаты научно-исследовательской работы, включает несколько смысловых блоков, объединенных по проблемному принципу:

• новые данные об использовании оксюморона «живой музей» в публикациях, характеризующих музейную и выставочную дея-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

тельность второй половины XIX – первой трети XX в.;

- типология прообразов «живого музея» в указанный период;
- группа прообразов «живого музея» природной направленности, относящихся преимущественно к первой трети XX в.;
- наиболее оригинальный проект природного «живого музея», сложившийся в указанный период.

Внутри данных проблемных блоков рассматриваются и вводятся в научный оборот новые источники, содержащие прообразы «живого музея». Для их удобного представления используется хронологический принцип. Научная значимость исследования определяется ощутимым расширением музееведческих знаний о генезисе концепции «живого музея» в культурном контексте России конца XIX – первой трети XX в.

Итак, представим новые прообразы и начнем со случаев упоминания выражения «живой музей» в музейно-выставочном контексте второй половины XIX – первой трети XX в. В ходе исследования было выявлено наиболее раннее использование оксюморона, относящееся к 1872–1873 гг., когда автор описания Московской политехнической выставки, назвавшийся А. Н., использовал его для характеристики или оценки Туркестанского отдела [1, с. 5–6]. Особенно впечатлила автора этнографическая часть, организованная в духе обстановочных сцен с ростовыми манекенами: «Базар и улица, обстроенная лавками, наполненная живыми людьми, погруженными лишь в какой-то магнетический сон, сразу же переносили вас на далекий юго-восток, воспроизводили пред вами вседневную жизнь его обитателей» [1, с. 5–6]. Современного музееведа также бесспорно заинтересуют, что один из первых музеев под открытым небом, созданный в Великом княжестве Финляндском в 1909 г. и сегодня известный как Сеурасаари (Seurasaari), был очень точно назван «живым музеем» в докладе, сделанном учредителем Костромского научного общества по изучению местного края В. И. Болотовым [5]. Наконец, известный искусствовед Б. Н. Бухгейм, осуждая реставрационные практики, приводящие к тотальному обновлению исторических находок, возвеличивал современный ему Музей в Термах Диоклетиана (Рим), где он не встретил «почти ни одной цельной статуи», как пример единственного «действительно живого музея» [6, с. 42–43].

Ограничиваясь приведением этих примеров, отметим, что анализ самых разных случаев использования искомого выражения позволил определить несколько основных прообразов «живого музея», которые предшествовали известным концепциям Н. Ф. Фёдорова [41] и П. А. Флоренского [44], оказавшим наибольшее влияние на современных разработчиков музейных концептов и методик. Предложенная автором типология прообразов «живого музея» делит их на три группы: «живой музей» как этнографическая выставка (или музей); «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура; «живой музей» как коллекция природных объектов, парк, сад или заповедник [17]. Последнюю группу следует охарактеризовать подробнее, так как в числе различных контекстных упоминаний, составлявших основную массу анализируемых источников, была выявлена оригинальная концепция, способная встать в один ряд со знаковыми историческими проектами и предложениями. Но прежде всего представим в хронологическом порядке прообразы, содержащиеся в небольших статьях и заметках о природных объектах, названных «живыми музеями». Они раскрывают с новой стороны культурный контекст, в котором рождались оригинальные исторические проекты «живого музея».

Одна из первых подобных публикаций, выявленных автором, относится к 1911 г. Речь идет о статье М. П. Нагибиной, посвященной планам по созданию парка на Воробьёвых горах в Москве и перспективам этого проекта («...он мог бы быть мировым парком по красоте местоположения... и по тому ботаническому интересу, который он мог бы иметь для русских и иностранцев как живой музей русской флоры») [30, с. 172]. Уточним, что действительно в 1910-е гг. были начаты работы по созданию «Воробьёвского парка», и на городской карте, относящейся к 1915 г., можно увидеть его расположение и наименование

[40, с. 325]. Однако в дальнейшем работы были свернуты, и только в конце XX в. на этом месте был организован природный заказник «Воробьёвы горы».

Примерно в те же годы Патриарший сад г. Владимира, созданный еще в XVIII в. и на тот момент содержавший все разновидности владимирской вишни, лирично называется «замечательным памятником» и «живым музеем», требующим спасения и ухода [4, с. 620]. Современный сад, расположенный в центре Владимира на южном склоне Спасского холма, привлекает посетителей разнообразием флоры, а также неповторимыми видами на старый город и живописную малоэтажную застройку. Как гласит информационная табличка, размещенная на его территории, история этого ботанического парка началась в 1948 г. на Всесоюзном слете юных садоводов-мичуринцев, дело которых сегодня продолжает учреждение дополнительного образования «Станция юных натуралистов "Патриарший сад"». В 2014 г. по соседству с парком был установлен арт-объект – памятник владимирской вишне (автор И. А. Черноглазов), отличающийся натуралистическим подходом и гиперболическими формами, но символизирующий плодородие и гостеприимство Владимирского края.

Одним из постоянных прообразов «живого музея» в публикациях конца XIX – начала XX в. является акклиматизационный и зоологический парк Ф. Э. Фальц-Фейна в имении Аскания-Нова (Чапли) Таврической губернии, основанный в 1898 г. Территория была названа Асканией-Нова («Новой Асканией») в честь родового имения Фальц-Фейнов. В таврическом владении на отгороженных участках целинной степи проводились работы по приручению и разведению различных животных, жили привезенные антилопы, бизоны, зебры, страусы, лебеди [22]. В результате селекционной деятельности была выведена, например, южнорусская овчарка [47]. В 1919 г. Аскания-Нова стала народным парком, в 1921 г.– государственным степным заповедником, в 1983 г.– биосферным заповедником. В 2022 г. территория была принята в состав Российской Федерации [33]. В настоящее время в естественных условиях заповедной типчаково-ковыльной степи продолжают жить копытные, привезенные из Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки (сайгаки, лани, туркменские куланы, благородные и пятнистые олени, муфлоны, двугорбые верблюды, антилопы гну, зебры и др.). Главной гордостью заповедника являются чистокровные лошади Пржевальского.

Заповедник Аскания-Нова именуется «живым музеем» в заметке Семёнова-Тян-Шанского, перепечатанной в детско-юношеском издании «Родник» в 1914 г. [16]. В ней не указаны инициалы автора, но скорее всего речь идет о Вениамине Петровиче, сыне П. П. Семёнова, получившего дополнение к своей фамилии «Тян-Шанский». Дело в том, что есть еще одна, более поздняя статья, как раз написанная В. П. Семёновым-Тян-Шанским и посвященная начальному этапу создания сети природоохранных парков СССР. В ней образ «живого музея» был перенесен автором на национальные парки и заповедники в целом, он писал, что это – «живые музеи со всей в них строгостью музейных порядков» [39, с. 394].

Литературно-художественные образы не рассматриваются в данном обзоре, но один из них невозможно обойти стороной, тем более что он связан с Асканией-Нова. Красочная аллегория была предложена в 1919 г. известным поэтом-символистом М. А. Волошиным, назвавшим «живым музеем» не только зоологический парк Фальц-Фейна, но и городскую среду Феодосии в период Гражданской войны. Позволим себе привести его строки полностью: «Я рекомендовал сохранить один из дворцов во всей его неприкосновенности… выкрасть где-нибудь на Кавказе чету бежавших буржуев и поселить их, как Адама и Еву, в этом идеальном раю мещанства, чтобы сохранить их семейный и хозяйственный быт для наглядного сравнения с формами грядущего пролетарского рая. Большевики, занятые политической суетой и Владиславовским фронтом, к сожалению, не оценили всего социально-педагогического значения моего предложения. К счастью, приход добровольцев, которые привезли с собою всех представителей временно исчезнувшего вида, снова превратили Екатерининский проспект

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

в живой музей, своими богатствами и научной полнотой способный соперничать с самой Аскания-Нова» [9, с. 450].

Следует отметить, что в таврическом имении Фальц-Фейнов работал и настоящий зоологический музей. Его характеристика дается в описании заповедника, подготовленном П. К. Козловым в 1915 г. Он пишет, что «аскания-новский музей» находится в «отличном сухом помещении» и представляет собой «большое собрание чучел млекопитающих и птиц, погибших в зоопарке, кроме того, птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах... Любопытны между прочими чучела альбиносов: ласточек, воробья, коростеля... Здесь же имеется коллекция яиц страусов. Из спиртовых препаратов собраны редкие эмбрионы лошади Пржевальского, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.» [22, с. 39]. В музее находились витрины с археологическими находками, обнаруженными при бурении (в поисках водоносного горизонта), а также велись книги посетителей, среди которых был Николай II и Александра Фёдоровна [22, с. 40], осматривавшие Асканию-Нова в 1914 г.

Возвращаясь к теме «живого музея», подчеркнем, что немало прообразов было выявлено в источниках, относящихся к 1920-м гг. В этих источниках встречается привычное восхищение природным разнообразием. Например, в отчете профессора Г. Ю. Верещагина, являвшегося в 1929 г. начальником Байкальской экспедиции Академии наук СССР, «живым музеем ископаемых форм» справедливо величается озеро Байкал [7]. Вместе с тем в публикациях указанного периода отражаются новые тенденции в советском музейном деле, связанные с разворотом музеев к современности, с отказом от традиционного понимания музейной миссии как хранения редких и ценных предметов. Можно сказать, что идея «живого музея» вполне соответствовала особой музейной эпохе, лозунги которой ярко выражены в первом выпуске журнала «Советский музей»: «Для нас музей не кунсткамера, не коллекция раритетов, не кладбище с монументами, не эстетическая галерея, наконец не закрытое собрание для немногих. Для нас музей есть политико-просветительный комбинат...» [32].

К новым формам музейной работы призывал специалист по местным музеям А. И. Филиппов, известный как создатель библиографического обзора первой советской музееведческой литературы [43]. Он популяризировал практику организации живых уголков в открытых и стационарных экспозициях местных музеев. А. И. Филиппов писал: «Мы имеем уже ряд попыток (в Соловках, Пензе, Омске, Ярославле и др.) организации подобных “живых” музеев, и можно быть уверенным, что при надлежащей энергии и любви к делу такие уголки могут быть организованы почти всеми музеями» [42, с. 83].

Профессор М. М. Завадовский неоднократно использует оксюморон «живой музей», представляя опыт и концепцию работы Московского зоопарка, которым он руководил. Выбирая наиболее интересные фрагменты из его публикации, следует процитировать следующее: «...была проведена всесторонняя пропаганда делом и... настойчивая борьба... с остатком дореволюционной трактовки Зоопарка как увеселительного летнего сада... В самом сочетании живого биологического музея с легким театральным зрелищем сквозит проституирование того ценного, что таится в культурно-просветительной работе. <...> В настоящее время культпросветительная работа Зоопарка осуществляется тремя секциями нашего учреждения... Секции эти – Экскурсионное Бюро, Кружок Юных Биологов (КЮБ) и Педагогический семинарий. Все они работают на фоне живого музея, культурно-просветительная постановка которого представляет собою основное содержание деятельности Зоопарка как целого» [14, с. 15, 19].

Будет не лишним отметить, что в музейной историографии более известен его брат, Б. М. Завадовский – основатель Биологического музея имени К. А. Тимирязева. Пусть он и не использовал яркого выражения «живой музей», но о принципах его работы говорил немало в 1920–1930-е гг. В частности, он призывал музеи перестать быть «простым придатком к академиям наук», побороть фетишизацию и догматизацию «научной систематики, которая вместо подсобного орудия научного исследования, превратилась... в самодовлеющую задачу, в самоцель» [13]. Кроме

того, в практике московского биомузея было предложено несколько новаторских проектов, которые можно смело рассматривать как прототипы интерактивных музейных практик, пользующихся спросом у современных музейных специалистов и посетителей. Например, проекты типа «музей на улице», в результате которых в Москве были организованы «музей-коридор», а затем «биологический уголок» на площади Миусского сквера [45].

Еще одно экспериментальное учреждение, органично объединяющее культурную и природную тематику, а также развивающее методику массовой культурно-просветительной деятельности, функционировало в Петрограде (Ленинграде). В адресных справочниках и в музеографии «живым музеем» назывался Учебно-показательный питомник на Крестовском острове [12], устроенный в 1919 г. при Сельскохозяйственном музее. После революции руководил музеем М. В. Новорусский – известный музейный просветитель, апологет образовательной миссии музея [29, с. 405–413]. Территория для питомника была выделена в бывшем имении князя А. М. Белосельского-Белозерского. Под открытым небом проводились испытания техники, сооружались в оригинале сельские хозяйственные постройки, проходили полевые опыты. Все это являлось объектом экскурсионного показа. Деятельность питомника продолжалась до Великой Отечественной войны [8, с. 43].

В данный хронологический обзор не был включен наиболее яркий природный прообраз «живого музея», обнаруженный в процессе исследования. Речь идет о концепции, или предложениях к созданию ботанического сада в г. Батуми, сформулированных российским географом, ботаником и почвоведом А. Н. Красновым (1892–1915) [24]. Фигура этого ученого до сих пор является знаковой, ведь он – ученик В. В. Докучаева и друг В. И. Вернадского, первый доктор географии в России, пионер российского субтропического земледелия, основоположник конструктивной географии [27], ставшей одним из первых междисциплинарных научных направлений. Батумский ботанический сад, ведущий свою историю с 1912 г. и превративший «черноморские субтропики Грузии из края болот и малярии» [27] в курортное место, считается живым памятником научных, творческих и творящих исканий выдающегося ученого.

В 1890-е гг. А. Н. Краснов начал ботанические и акклиматизационные работы в окрестностях Батуми, в результате которых убедился, что именно в данных местах имеет перспективу создание «уголка русской субтропической природы» [23]. В наиболее полном виде концепция этого удивительного «уголка» изложена в его статье «Возможная будущность природы Батумского края», опубликованной в 1911 г. [24]. В этой работе географ использовал искомый оксюморон, благодаря чему она оказалась в поле зрения авторского исследования. Внимательное прочтение предложений А. Н. Краснова подтвердило, что поиски других исторических проектов и концепций «живого музея» были не напрасны, и удалось обнаружить действительно многоплановый пример с природной тематикой.

Размышляя о «будущности» природы Батуми, А. Н. Краснов предложил целостную концепцию развития территории, сформулировал ее структуру, определил туристический и рекреационный потенциал своего проекта. В качестве показательного примера и образца для Батумского парка он называл шведский остров «Джюргарден» (Royal Djurgarden, Королевский Югорден, остров музеев), по словам А. Н. Краснова, «живой этнографический музей среди шведской природы» [24, с. 115–116]. Название популярного острова музеев связано с существовавшими в этой области королевскими угодьями для охоты, но вовсе не историческое прошлое территорий привлекало русского географа. Скорее всего, говоря о «Джюргардене», он имел в виду первый этнографический музей под открытым небом, расположенный на музейном острове в имении «Скансен». Ведь дальше он пишет, что следует смотреть «несколько шире и грандиознее» и создать в окрестности Батуми «не маленькую Швецию, а, как на всемирной выставке… представить жизнь доброй половины человечества земного шара в лице его характернейших представителей и среди настоящей обстановки воспитавшей их природы» [24, с. 116].

Говоря о возможных объектах такого всемирного парка-музея вблизи Батуми,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

А. Н. Краснов видел «подобие бульвара мексиканского или чилийского города, засаженного стройными финиковыми, кокосовыми и веерными пальмами», где «в тавернах креолки угощали бы туристов ликерами из местных мандаринов, хурмы и др. субтропических плодов» [24, с. 116]. Перемещаясь по огромной территории на экипаже, туристы могли бы посетить «негритянскую хижину», «чайные японские домики с гейшами, с характерными японскими маленькими садиками», бунгало из Новой Гвинеи, где «можно бы было поместить несколько из тех недавно открытых горных карликов этого острова…», а также другие этнографические секторы, где проживали представители разных народов [24, с. 116].

Наконец, продумывая перспективы своего проекта, географ в современном духе показывал его экономическую рентабельность: «Содержание такого сада-выставки не стоило бы много. Каждый отдел окупал бы себя. <…> Продажа характерных изделий, материал для которых доставлял бы сад, с лихвою окупала бы их [жителей] труд <…> Еще более бойко пошла бы торговля ресторанов, чайных домов и кофеен. Таким образом, наша этнографическая выставка окупала бы себя и скоро покрыла бы стоимость недорогих тропических павильонов для этих народностей. Доход же от посещения сада шел бы на его чисто научные цели…» [24, с. 119]. Интересовала А. Н. Краснова возможность серьезных научных исследований природного разнообразия, собранного вместе в уникальном климате.

Остается сказать, что Батумский ботанический сад был открыт на Зеленом мысе через год после выхода его статьи, когда географ окончательно переехал в Батуми. В саду не было создано поселений, но идея акклиматизации ценных субтропических растений реализовалась полностью. А. Н. Краснов, «используя разнообразный рельеф местности, создал уникальную ландшафтно-географическую структуру, расположив климатическими ярусами более пяти тысяч растений со всего мира, заложил плантации цитрусов и чая, приживил фейхоа, хурму, инжир, гранаты, авокадо, рамс, бамбук, хинное и камфорное деревья, пинии, кипарисы, глицинии, пальмы, магнолии» [27]. При участии крупнейших садовых и цветочных фирм США, Японии, Китая, Австралии, а также знатоков и любителей флоры со всего мира, в Батумском ботаническом саду были созданы отделы Чили, Австралии и Новой Зеландии, Гималаев, в которых проводились различные акклиматизационные опыты. Своей живой научной лабораторией под открытым небом А. Н. Краснов руководил в течение двух последних лет жизни, но творящая деятельность основателя нашла продолжение в работе его последователей. Могила русского географа расположена на одной из аллей сада и является своеобразным памятником не только человеку, но и самой идее уважения к природе и науке [48]. В советское время Батумский сад превратился в один из крупнейших научных ботанических центров СССР, где работали группы ученых, занимавшихся акклиматизацией растений со всего мира. В этот период его территория была значительно обустроена, он пополнился новыми растениями из Америки, Азии, Австралии и Африки.

Обозначим основные выводы. Идеи и практики «живого музея», ставшие столь популярными в современном музейном деле, имеют длительный генезис и многочисленные исторические прообразы и прототипы. Данная тема поднималась в предыдущих работах [20] [37] [46, с. 113–115], но целенаправленно никогда не изучалась. В ходе настоящего исследования были выявлены и охарактеризованы новые проекты и идеи конца XIX – первой трети XX в. Основное внимание уделялось идеям, предложениям и проектам, связанным с созданием в России «живых музеев» природной направленности.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно впервые реконструирует и вводит в научный оборот целый пласт неизученных ранее прообразов «живого музея». Данные прообразы были выявлены в публикациях М. С. Антиповича, В. И. Болотова, Г. Ю. Верещагина, М. А. Волошина, М. М. Завадовского, М. П. Нагибиной, В. П. Семёнова-Тян-Шанского и др. Следует подчеркнуть, что все выявленные предложения, идеи, концепции не входили в число «эталонных» проектов, связанных с именами В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Д. С. Лихачёва, Н. К. Рериха, Б. М. Соколова, Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского [17].

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Среди реальных природных объектов, ставших прототипами для сравнения с «живыми музеями» в конце XIX – первой трети XX в., были определены: проектируемый парк на Воробьёвых горах в Москве, Патриарший сад г. Владимира, парк и заповедник «Аскания Нова» в Таврической губернии, Московский зоопарк, озеро Байкал, а также в целом природоохранные парки и «живые уголки» в краеведческих экспозициях. Поэтому ключевой особенностью новых обнаруженных прообразов является их ориентация на демонстрацию природного разнообразия. В отличие от современных идей и концептов «живого музея», часто выраженных в театрализации музейного пространства, определенные в ходе исследования прообразы были обращены к ботаническим садам, зоологическим паркам и заповедникам, где природное наследие сохраняется в своем развитии. Их создатели и популяризаторы использовали глубокий и многозначный оксюморон «живой музей» для характеристики неординарности и передового значения проектов.

Охарактеризованные прообразы объединяет убежденность в ценности природного разнообразия, важность его научного изучения и перспективность использования в просветительской деятельности, в том числе с применением новаторских приемов показа. Наиболее ценной находкой исследования стал прообраз «живого музея», сохранившийся в предложениях А. Н. Краснова по созданию «уголка русской тропической природы» в Батуми. Насыщенный творческой энергией своего создателя, этот проект поныне вдохновляет исследователей истории ботанических парков и туристов.

В завершение следует отметить, что данная публикация обращается лишь к одному из вопросов, связанных с изучением генезиса и исторического развития концепции «живого музея» в России. Анализом многих других вопросов занимается подразделение современного Института Наследия, включающее эту тематику в свою плановую научную работу[1]. В целом перспективы дальнейших исследований в области оригинальной музейной концепции намного шире, чем может показаться на первый взгляд, и определяются многочисленными теоретическими и методическими вопросами интерактивной деятельности, возникающими в актуальной музейной практике. Среди востребованных направлений – дальнейшая концептуализация понятия «живой музей» в контексте ключевых теорий в области культурологии, а также распространенных зарубежных концептов «музея без границ», «музея-контекста» и «партиципаторного музея». Не менее актуальна дальнейшая проработка ряда исторических вопросов, связанных со становлением и развитием идей и практик «живого музея» в России в период 1920–1950-х гг. [17], который содержит немало необычных и требующих осмысления проектов.

Tatyana A. ZOTOVA
Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation
zta91@bk.ru
https://orcid.org/0000-0002-8899-7321

On the History of the Russian Concept of the "Living Museum": Under-Researched Natural Prototypes of the Late 19th – First Third of the 20th Century

[1] В частности, данная публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института Наследия по теме «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (рег. № 125021001831–0).

Abstract. This article develops a cultural model of the "living museum" concept, which is prominent in contemporary Russian museology. The model was formulated by the author, drawing upon existing interpretations of this concept and relevant examples from current Russian museum practice. The author's long-term research, aimed at refining the conceptual and terminological apparatus of museology, is grounded in the activity-based approach (drawing on the works of Nal Zlobin, Vadim Mezhuev, and others). In Russian scholarship, a tradition has been established that traces the prototypes of the "living museum" to the theories and concepts of figures such as Vsevolod Vsevolodsky-Gerngross, Nikolai Fyodorov, and Pavel Florensky. The aim of this article is to broaden these established views by identifying and characterizing "living museum" prototypes in Russia from the late 19th to the first third of the 20th centuries that were based on the representation of natural objects. New sources from this period have been analyzed, including memoirs, diaries, personal correspondence, scientific reports, philosophical and scholarly works, and museographical materials. The research employs interpretive, historical-genetic, and historiographical analysis methods, conducted with consideration for chronological and typological systematization of sources. The article characterizes instances where various natural objects were compared to a "living museum", as found in the publications of Vyacheslav Bolotov, Bernhard Buchheim, Mikhail Zavadovsky, Maria Nagibina, Veniamin Semyonov-Tyan-Shansky, Alexander Filippov, and others. Particular attention is paid to prototypes associated with the zoological park and nature reserve established by Friedrich Falz-Fein on his estate "Askaniya-Nova" (Chapli, Taurida Governorate, Russian Empire). The most significant finding of this research is a "living museum" prototype preserved in Andrey Krasnov's proposals for creating a "patch of Russian tropical nature" in Batumi (the Batumi Botanical Garden). Imbued with the creative energy of its founder, this project continues to inspire researchers studying the history of botanical parks. The author concludes that, unlike contemporary ideas and concepts of the "living museum", which are often associated with the theatricalization of museum space, the identified proposals and projects were oriented towards the idea of preserving heritage through its continuous development. The creators of botanical gardens, zoological parks, and nature reserves employed the multifaceted oxymoron "living museum" to underscore the uniqueness and progressive significance of their endeavors. Introducing these historical prototypes into scholarly discourse serves to challenge the stereotypical nature of contemporary understandings of the "living museum".

Keywords: open-air museum, living museum, concept of the living museum, history of museum studies, historiography of Russian museology, botanical gardens, reserves, Andrey Krasnov.

Литература:

1. А. Н. Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [Приложение № 1] // Всеобщий календарь 1873 г. СПб.: Изд. Германа Гоппе, [1872]. С. 1–24.

2. Абрамова П. В. Иванов Е. В. Интерактивные культурно-образовательные программы как форма актуализации наследия на базе музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 63. С. 24–30. DOI 10.31773/2078-1768-2023-63-24-30.

3. Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–2. С. 111–121.

4. Антипович М. С. Владимирская вишня // Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия (1913). Год 7. П.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. С. 588–620.

References:

1. Abramova, P.V. & Ivanov, E.V. (2023) Interaktivnye kul'turno-obrazovatel'nye programmy kak forma aktualizatsii naslediya na baze muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa" [Interactive Cultural and Educational Programs as a Form of Heritage Actualization at the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 63. pp. 24–30. DOI: 10.31773/2078-1768-2023-63-24-30

2. A.N. (1872) Obzor Moskovskoy Politekhnicheskoy Vystavki 1872 goda [Review of the Moscow Polytechnic Exhibition of 1872]. In: *Vseobshchiy kalendar' 1873 g.* [Universal Calendar for 1873]. St. Petersburg: G. Goppe. pp. 1–24.

3. Alekseeva, L.S. & Olenich, L.V. (2017) Kontseptsiya "zhivogo muzeya" svyashchennika Pavla Florenskogo i formy sushchestvovaniya sovremennykh tserkovnykh muzeev [The Concept of the "living museum" by Priest Pavel Florensky and the Forms of Existence of Modern Church Museums]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 41–2. pp. 111–121.

5. Болотов В. И. Финляндские общества родиноведения // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год. Кострома: Типо-лит. А. Н. Чемоданова, 1913. С. 30–34.

6. Бухгейм Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления]. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. 308 с.

7. Верещагин Г. Ю. Начальник Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР – о работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. (Бурят-Монгольское научное общество им. Доржи Банзарова). Верхнеудинск: [б. и.], 1929. С. 34–35.

8. Вехов В. Н. Императорский сельскохозяйственный музей // Московский журнал. 2014. № 2 (278). С. 29–45.

9. Волошин М. А. Искусство в Феодосии (1919) [Электронный ресурс] // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. 756 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.09.2025).

10. Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1 (61). С. 59–63.

11. Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 244–263. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263.

12. Живой Сельскохозяйственный музей: [Учебно-показательный питомник Всерос. с.-х. музея]. М.; П.: Гос. изд-во, 1923. 82 с.

13. Завадовский Б. М. Методы марксистской экспозиции естественно-научных музеев (содоклад) // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. С. 41–42.

14. Завадовский М. М. Строительство Московского зоопарка. Краткая историческая справка // Строительство Москвы. 1926. № 9. С. 15–21.

15. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. 303 с.

16. Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семёнова Тян-Шанского «Из задач природохранения»] // Родник. 1914. № 2. С. 257–259.

17. Зотова Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа: автореф. дис. ... канд. культурологии: 5.10.2. Краснодар, 2024. 27 с.

18. Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) // Культурологический журнал. 2021. № 4 (46). DOI 10.34685/HI.2021.45.53.028.

19. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 430 с.

20. Каулен М. Е. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.

21. Кимеев В. М. Экомузеи Притомья на рубеже XX–XXI веков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 31–43.

4. Antipovich, M.S. (1914) Vladimirskaya vishnya [The Vladimir Cherry]. In: *Ezhegodnik Glavnogo Upravleniya Zemleustroistva i Zemledeliya po Departamentu Zemledeliya (1913)* [Yearbook of the Main Department of Land Management and Agriculture for the Department of Agriculture (1913)]. Petrograd: V.F. Kirshbaum. pp. 588–620.

5. Bolotov, V.I. (1913) Finlyandskie obshchestva rodinovedeniya [Finnish Societies for Local Studies]. In: *Otchet o deyatel'nosti Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya. Za 1912 god* [Report on the Activities of the Kostroma Scientific Society for Local Studies. For 1912]. Kostroma: A.N. Chemodanov. pp. 30–34.

6. Bukhgeym, B.N. (1914) *Po Italii [Vpechatleniya, nastroeniya, razmyshleniya]* [Around Italy [Impressions, Moods, Reflections]]. Moscow: I.N. Kushnerev i Ko. 308 p.

7. Verezhchagin, G.Yu. (1929) Nachal'nik Baykal'skoy Ekspeditsii Akademii Nauk SSSR – o rabotakh Baykal'skoy Ekspeditsii Akademii Nauk SSSR v 1926 godu [Head of the Baikal Expedition of the USSR Academy of Sciences – on the Work of the Baikal Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1926]. In: *Otchet o deyatel'nosti s 1 oktyabrya 1926 g. po 1 yanvarya 1929 g. (Buryat-Mongol'skoe nauchnoe obshchestvo im. Dorzhi Banzarova)* [Report on Activities from October 1, 1926 to January 1, 1929 (Buryat-Mongolian Scientific Society named after Dorzhi Banzarov)]. Verkhneudinsk: [s.n.]. pp. 34–35.

8. Vekhov, V.N. (2014) Imperatorskiy sel'skokhozyaystvennyy muzey [The Imperial Agricultural Museum]. *Moskovskiy zhurnal*. 2(278). pp. 29–45.

9. Voloshin, M.A. (1919) Iskusstvo v Feodosii [Art in Feodosia]. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (Accessed: 04.09.2025).

10. Glushkova, P.V. (2015) Klassifikatsiya muzeev pod otkrytym nebom v aspekte aktualizatsii nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Classification of Open-Air Museums in the Aspect of Actualization of Intangible Cultural Heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1–1(61). pp. 59–63.

11. Golovnev, I.A. (2021) "Zhivoy muzey" i "bor'ba za kul'turfil'mu" Borisa Sokolova [Boris Sokolov's "living museum" and "Struggle for the Kulturfilm"]. *Etnografiya*. 3(13). pp. 244–263. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263.

12. All-Russian Agricultural Museum. (1923) *Zhivoy Sel'skokhozyaystvennyy muzey: [Uchebno-pokazatel'nyy pitomnik Vseros. s.-kh. muzeya]* [The Living Agricultural Museum: [Educational Demonstration Nursery of the All-Russian Agricultural Museum]]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 82 p.

13. Zavadovskiy, B.M. (1931) Metody marksistskoy ekspozitsii estestvenno-nauchnykh muzeev (sodoklad) [Methods of Marxist Exposition in Natural Science Museums (Co-report)]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo muzeynogo s"ezda* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Narodnyy komissariat prosveshcheniya RSFSR. pp. 41–42.

14. Zavadovskiy, M.M. (1926) Stroitel'stvo Moskovskogo Zooparka. Kratkaya istoricheskaya spravka [The Construction of the Moscow Zoo. A Brief Historical Note]. *Stroitel'stvo Moskvy*. 9. pp. 15–21.

15. Zlobin, N.S. (1980) *Kul'tura i obshchestvennyy progress* [Culture and Social Progress]. Moscow: Nauka. 303 p.

16. *Rodnik*. (1914) Zoologicheskiy park Fal'ts-Feyna [The Falz-Fein Zoological Park]. 2. pp. 257–259.

22. Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли): Первые опыты акклиматизации животных в России. П.: Постоян. комис. нар. чтений, 1915. 43 с.

23. Краснов А. Н. Батумский край как русский уголок субтропической природы // Землеведение. Т. 1. Вып. (кн.) 4. М.: Геогр. отд. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1894. С. 157.

24. Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края // Батумское побережье: «Русские тропики»: сб. ст. Батум: Тип. Г. С. Таварткиладзе, 1911. С. 103–120.

25. Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея (1930–1931). Л.: [Гос. рус. музей] (тип. им. Котлякова), 1931. 8 [8] с.

26. Лихачёв Д. С. Экология культуры // Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 49–63.

27. «Любовью за любовь. Памятники русской культуры в Грузии». Андрей Краснов [Электронный ресурс] // Координационный совет российских соотечественников Грузии (КСОРСГ): [сайт]. URL: https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/ (дата обращения: 07.09.2025).

28. Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 408 с.

29. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.

30. Нагибина М. П. Королевский ботанический сад в Кью // Русская мысль. 1911. Г. 32. Кн. II. С. 161–172.

31. Нельзина О. Ю., Окороков А. В., Поляков Т. П. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2019. 287 с.

32. О задачах «Советского музея» // Советский музей. 1931. № 1. С. 5.

33. О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области: Федер. Конституционный Закон № 8-ФКЗ от 04.10.2022 [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050008 (дата обращения: 28.08.2025).

34. Поляков Т. П. В поисках «живого музея»: Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 58–81.

35. Поляков Т. П., Зотова Т. А., Чувилькина Ю. В. Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе. М.: Институт Наследия, 2025. 539 с. DOI 10.34685/HI.2024.11.99.003.

36. Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2018. 588 с.

37. Пушкарев В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб.: [б. и.], 2011. 24 с.

38. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3120. Л. 1–24. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].

39. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // Наука и техника СССР,

17. Zotova, T.A. (2024) *Kontseptsiya "zhivogo muzeya" v rossiyskom muzeevedenii: opyt kul'turologicheskogo analiza* [The Concept of the "living museum" in Russian Museum Studies: Experience of Culturological Analysis]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Krasnodar. 27 p.

18. Zotova, T.A. & Polyakov, T.P. (2021) Kontseptual'nye podkhody k muzeefikatsii Oranzhereynogo kompleksa usad'by Gorki v Muzee-zapovednike "Gorki Leninskie" (Moskovskaya oblast') [Conceptual Approaches to the Museification of the Greenhouse Complex of the Gorki Estate in the Gorki Leninskie Museum-Reserve (Moscow Region)]. *Kul'turologicheskiy zhurnal*. 4(46). DOI: 10.34685/HI.2021.45.53.028.

19. Kaulen, M.E. (2012) *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of the Historical and Cultural Heritage of Russia]. Moscow: Eterna. 430 p.

20. Kaulen, M.E. (2009) Muzey i nasledie [Museum and Heritage]. *Muzey*. 5. pp. 10–19.

21. Kimeev, V.M. (2014) Ekomuzei Pritom'ya na rubezhe XX–XXI vekov [Ecomuseums of the Tom River Region at the Turn of the 21st Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 28. pp. 31–43.

22. Kozlov, P.K. (1915) *Askaniya-Nova (Chapli): Pervye opyty akklimatizatsii zhivotnykh v Rossii* [Askania-Nova (Chapli): The First Experiments in Animal Acclimatization in Russia]. Petrograd: Postoyannaya komissiya narodnykh chteniy. 43 p.

23. Krasnov, A.N. (1894) Batumskiy kray kak russkiy ugolok subtropicheskoy prirody [The Batumi Region as a Russian Corner of Subtropical Nature]. *Zemlevedenie*. 1 (4). p. 157.

24. Krasnov, A.N. (1911) Vozmozhnaya budushchnost' prirody Batumskogo kraya [The Possible Future of the Nature of the Batumi Region]. In: *Batumskoe poberezh'e: "Russkie tropiki"* [The Batumi Coast: "Russian Tropics"]. Batumi: G.S. Tavartkiladze. pp. 103–120.

25. State Russian Museum. (1931) *Leningradskiy gosudarstvennyy etnograficheskiy teatr Russkogo muzeya (1930–1931)* [Leningrad State Ethnographic Theatre of the Russian Museum (1930–1931)]. Leningrad: [State Russian Museum]. 8 [8] p.

26. Likhachev, D.S. (1985) Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. In: *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocherki* [The Past to the Future: Articles and Essays]. Leningrad: Nauka. pp. 52–58.

27. Koordinatsionnyy sovet rossiyskikh sootechestvennikov Gruzii (KSORSG) [Coordination Council of Russian Compatriots in Georgia]. (n.d.) *"Lyubov'yu za lyubov'. Pamyatniki russkoy kul'tury v Gruzii". Andrey Krasnov* ["Love for Love. Monuments of Russian Culture in Georgia". Andrey Krasnov]. [Online] Available from: https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/ (Accessed: 07.09.2025).

28. Mezhuev, V.M. (2008) *Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [The Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. 408 p.

29. Eterna. (2010) *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov* [Museum Thought in Russia in the 18th–20th Centuries]. Moscow: Eterna. 957 p.

30. Nagibina, M.P. (1911) Korolevskiy botanicheskiy sad v K'yu [The Royal Botanic Gardens, Kew]. *Russkaya mysl'*. 32 (II). pp. 161–172.

31. Nel'zina, O.Yu., Okorokov, A.V. & Polyakov, T.P. (2019) *Tematicheskie parki kak uchrezhdeniya muzeynogo*

1917–1927. Т. 3. М.: Работник Просвещения, 1928. С. 385–407.

40. Таранец И. П., Алексеева В. А. Охрана природы на Воробьёвых горах: прошлое и настоящее // Жизнь Земли. 2022. № 3 (44). С. 319–333.

41. Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: в IV т. Т. II. М.: Прогресс, 1995. С. 370–437.

42. Филиппов А. И. Принципы организации местных музеев // На новых путях краеведной работы: сб. ст. Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. С. 68–90.

43. Филиппов А. И. Русская литература по организации местных музеев и общим вопросам музееведения за десять лет революции (1917–1927). М.: Гос. изд-во, 1927. [37] с.

44. Флоренский П. А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра: [сб.]. Сергиев Посад: Тип. И. Иванова, 1919. С. 8–29.

45. Храпов П. Н. Музей на улице // Советский музей. 1931. № 4. С. 40–47.

46. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с. DOI 10.34685/HI.2020.11.84.020.

47. Южнорусская овчарка (Е. Л. Ерусалимский) [Электронный ресурс] // Архив Большой российской энциклопедии: [сайт]. URL: https://old.bigenc.ru/agriculture/text/4931824 (дата обращения: 07.09.2025).

48. Georgia: информационный ресурс о Грузии: [сайт]. URL: https://www.gruzia.ge/pages/sights/ajara/green_cape (дата обращения: 07.09.2025).

tipa: problemy i perspektivy [Theme Parks as Museum-Type Institutions: Problems and Prospects]. Moscow: Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. 287 p.

32. *Sovetskiy muzey*. (1931) O zadachakh "Sovetskogo muzeya" [On the Tasks of the "Soviet Museum"]. 1. p. 5.

33. *Offitsial'noe opublikovanie pravovykh aktov* [Official Publication of Legal Acts]. (2022) *Federal Constitutional Law No. 8-FKZ of 04.10.2022 "On the Admission of the Kherson Region to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation – Kherson Oblast"*. [Online] Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050008 (Accessed: 28.08.2025). (In Russian).

34. Polyakov, T.P. (1999) V poiskakh "zhivogo muzeya": Stsenarnaya kontseptsiya sistemy ekspozitsiy "Muzeya goroda Krantsa" [In Search of the "living museum": A Script Concept for the System of Exhibitions of the "Museum of the City of Krants"]. In: *Muzey i novye tekhnologii* [Museum and New Technologies]. Moscow: Progress–Traditsiya. pp. 58–81.

35. Polyakov, T.P., Zotova, T.A. & Chuvilkina, Yu.V. (2025) *Voyna i Muzey: osobennosti ekspozitsionnoy deyatel'nosti voenno-istoricheskikh muzeev Rossii na sovremennom etape* [War and Museum: Features of Exhibition Activities of Military-Historical Museums in Russia at the Present Stage]. Moscow: Institute of Heritage. 539 p. DOI: 10.34685/HI.2024.11.99.003

36. Polyakov, T.P. (2018) *Muzeynaya ekspozitsiya: metody i tekhnologii aktualizatsii kul'turnogo naslediya* [Museum Exposition: Methods and Technologies for Actualizing Cultural Heritage]. Moscow: Institute of Heritage. 588 p.

37. Pushkarev, V.G. (2011) *Kul'turnyy potentsial sovremennogo fol'klornogo teatra* [The Cultural Potential of the Modern Folk Theater]. Abstract of Culturology Cand. Diss. St. Petersburg. 24 p.

38. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 483. Inventory 1. File 3120. Pages 1–24. Sokolov, B.M. (n.d.) *O Moskovskom etnoparke* [On the Moscow Ethnopark].

39. Semenov-Tyan-Shanskiy, V.P. (1928) Geograficheskoe izuchenie prirody SSSR [Geographical Study of the Nature of the USSR]. In: *Nauka i tekhnika SSSR, 1917–1927* [Science and Technology of the USSR, 1917–1927]. Vol. 3. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya. pp. 385–407.

40. Taranets, I.P. & Alekseeva, V.A. (2022) Okhrana prirody na Vorob'evykh gorakh: proshloe i nastoyashchee [Nature Conservation on Vorobyovy Gory: Past and Present]. *Zhizn' Zemli*. 3 (44). pp. 319–333.

41. Fedorov, N.F. (1995) Muzey, ego smysl i naznachenie [The Museum, Its Meaning and Purpose]. In: *Sobranie sochineniy: v 4-kh tt.* [Collected Works: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Progress. pp. 370–437.

42. Filippov, A.I. (1926) Printsipy organizatsii mestnykh muzeev [Principles of Organizing Local Museums]. In: *Na novykh putyakh kraevednoy raboty* [On New Paths of Local History Work]. Leningrad: Obrazovanie. pp. 68–90.

43. Filippov, A.I. (1927) *Russkaya literatura po organizatsii mestnykh muzeev i obshchim voprosam muzeevedeniya za desyat' let revolyutsii (1917–1927)* [Russian Literature on the Organization of Local Museums and General Issues of Museology over Ten Years of the Revolution (1917–1927)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. [37] p.

44. Florenskiy, P.A. (1919) Troitse-Sergieva lavra i Rossiya [The Trinity-Sergius Lavra and Russia]. In: *Troitse-Ser-*

gieva lavra [Trinity-Sergius Lavra]. Sergiev Posad: I. Ivanov. pp. 8–29.

45. Khrapov, P.N. (1931) Muzey na ulitse [The Museum in the Street]. *Sovetskiy muzey*. 4. pp. 40–47.

46. Polyakov, T.P. et al. (2021) *Ekspozitsionnaya deyatel'nost' muzeev v kontekste realizatsii "Strategii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda"* [Exhibition Activities of Museums in the Context of Implementing the "Strategy of State Cultural Policy for the Period until 2030"]. Moscow: Institute of Heritage. DOI: 10.34685/HI.2020.11.84.020

47. *Arkhiv Bol'shoy rossiyskoy entsiklopedii* (n.d.) Yuzhnorusskaya ovcharka (E. L. Yerusalimskiy) [South Russian Ovcharka (by E. L. Yerusalimsky)]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/agriculture/text/4931824 (Accessed: 07.09.2025).

48. *Georgia: informatsionnyy resurs o Gruzii* [Georgia: Information Resource about Georgia]. (n.d.) [Online] Available from: https://www.gruzia.ge/pages/sights/ajara/green_cape (Accessed: 07.09.2025).

Финансирование/Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института Наследия по теме «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (рег. № 125021001831–0).

Financing/Acknowledgements

This article was prepared as part of the state assignment to the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme "Natural Heritage in a Cultural Context: Original Projects for Museum and Park Exhibitions with Natural Themes in Modern Russia and Problems of Their Implementation", No. 125021001831–0

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Зотова Т. А. К истории российской концепции «живого музея»: малоизученные природные прообразы конца XIX – первой трети XX века // Наследие веков. 2025. № 2. С. 90–103. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.006

For citation:

Zotova, T.A. (2025) On the History of the Russian Concept of the "Living Museum": Under-Researched Natural Prototypes of the Late 19th – First Third of the 20th Century. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 90–103. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.006

Поступила в редакцию / The article was submitted 10.04.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.05.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 14.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

КЕРЦЕВА Галина Николаевна
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия–Алания,
Владикавказ, Российская Федерация
gal.volnaya@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7747-1770

УДК/UDC: [[902+39]:001.891.55+001.89+378]-056.45(470.62/.67+479.22)"192/193"
ГРНТИ: 00.09.00
ВАК: 5.6.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2021.25.1.007

Исследователь, организатор науки, педагог: вклад Л. П. Семёнова в археологическое и этнографическое изучение Северного Кавказа (1920–1930-е годы)

Аннотация. Целью исследования является установление научного значения полевых этнографических и археологических исследований Леонида Петровича Семёнова на Северном Кавказе. Источниковую базу составили впервые вводимые в научный оборот документы из личных фондов ученого – полевые дневники и отчеты экспедиций 1924–1932 гг., хранящиеся в архивах Северной Осетии и Санкт-Петербурга. Исследование выстроено в соответствии с проблемно-хронологическим принципом: сначала анализируется становление Л. П. Семёнова и формирование его методики, затем реконструируется его экспедиционная деятельность 1920–1930-х гг. в Ингушетии, Осетии и Чечне, а также дается оценка вклада ученого в организацию науки и подготовку научных кадров на Северном Кавказе. Автор заключает, что исследования Л. П. Семёнова, характеризующиеся синтезом археологии и этнографии, заложили основы советского кавказоведения, а его полевые материалы являются уникальными источниками, сохраняющими свою значимость и в настоящее время.

Ключевые слова: Л. П. Семёнов, И. П. Щеблыкин, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, археология Северного Кавказа, этнография Северного Кавказа, нартоведение.

© Керцева Г. Н., 2025

Введение. Актуальность темы обусловлена стремительным ускорением научного прогресса, в условиях которого биографии ученых приобретают особое значение для усвоения исторического опыта как внутреннего фактора развития науки. В фокусе современной биографики оказываются жизнеописания исследователей, чья деятельность составляет внутреннее содержание и определяет развитие истории науки в целом. Через биографию происходит непосредственное обращение к жизненному опыту людей, «причастных ко всем областям человеческой деятельности» [25, с. 12].

В полной мере эти теоретические положения относятся к научной деятельности Л. П. Семёнова (Рис. 1), в наследии которого нашел свое воплощение уникальный синтез различных отраслей знания. Трудно переоценить его вклад в историю русской литературы, однако особый интерес вызывают полевые и кабинетные исследования ученого в области археологии и этнографии, проведенные на Северном Кавказе в 20–30-х гг. XX в. За прошедшие сто лет многие памятники в этом регионе подверглись разрушению, аутентичные обычаи и традиции прекратили свое существование, однако достаточно большая часть утраченных ныне объектов материальной и нематериальной культуры была зафиксирована исследователем в его полевых дневниках. Между тем значительная доля результатов научных изысканий Л. П. Семёнова до сих пор не опубликована, являясь достоянием только архивных фондов. Следует отметить, что эти материалы также представляют ценность для изучения формирования и развития научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа, в деятельности которых Л. П. Семёнов принимал активное участие.

Научное наследие Л. П. Семёнова в области кавказоведения получило освещение в ряде специальных работ. Всестороннему анализу его кавказоведческой деятельности была посвящена прошедшая в Грозном в 1986 г. республиканская научно-практическая конференция «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист», приуроченная к 100-летию исследователя. В материалах этого научного форума были опубликованы:

Рис. 1. Леонид Петрович Семёнов в молодости (автор неизвестен, до 1917 г.) [50, вклейка]

Fig. 1. Leonid Semyonov in his youth (author unknown, before 1917,) [50, inset]

статья В. Б. Виноградова, посвященная научной биографии ученого [4]; работа Н. Н. Бараниченко о вкладе Л. П. Семёнова в изучение доисламских верований вайнахов [2]; публикация С. А. Головановой о ранних русско-северокавказских связях [5]; статья Б. Б.-А. Абдулвахабовой о заложенном Л. П. Семёновым начале археологического изучения горского костюма [1]; материалы Х. М. Мамаева по раннесредневековым погребальным памятникам Центрального Кавказа [11], М. Б. Мужухоева [13] по этнической истории Центрального Кавказа и Е. И. Нарожного об этнографических изысканиях Л. П. Семёнова [14].

Отдельного внимания заслуживают статья Е. И. Нарожного и В. Б. Виноградова «Леонид Петрович Семёнов (1886–1959)» (2003) [15], газетная публикация Я. Патиева «Леонид Семенов – исследователь ингушской истории. К 130-летию со дня рождения» (2016) [24], а также статья Г. И. Цибирова «Вклад Л. П. Се-

мёнова в развитие отечественного кавказоведения» (2016) [58]. Таким образом, публикации, посвященные кавказоведческим исследованиям Л. П. Семёнова, в целом достаточно подробно освещают его научную работу, вместе с тем информация об археологических и этнографических экспедициях, содержащаяся в архивных материалах, до настоящего времени не подвергалась системному изучению. В связи с этим закономерной целью настоящей работы выступает выявление научной значимости полевых археологических и этнографических исследований Л. П. Семёнова на основе введения в научный оборот неопубликованных источников.

Основной массив источников составили архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. Ведущее значение имели документы из личного фонда профессора Л. П. Семёнова в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-–Алания), содержащие полевые дневники экспедиций 1924–1932 гг. с детальными описаниями археологических памятников горной Ингушетии и Осетии. В научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева находятся отчеты о раскопках в Кобанском ущелье и отчеты, предоставленные ученым в Северо-Кавказский институт краеведения. В научном архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук выявлены уникальные документы об археолого-этнографических разведках, включая графические материалы и схемы расположения памятников.

Особую группу составили опубликованные труды самого Л. П. Семенова, позволившие проследить эволюцию его научных взглядов.

Мемуарные источники (воспоминания А. А. Тахо-Годи и Е. А. Тахо-Годи) привлечены для реконструкции интеллектуального окружения ученого и бытовых деталей его исследовательской работы. Современная историография (упоминавшиеся исследования Е. И. Нарожного, В. Б. Виноградова, Г. И. Цибирова и др.) позволила определить значение научного наследия Л. П. Семёнова в контексте отечественного кавказоведения, а труды археологов второй половины XX в. (Е. И. Крупнова, Х. М. Мамаева и др.) – оценить преемственность в изучении поднятых им проблем.

Основу методологии составил историко-биографический метод, позволивший реконструировать жизненный и творческий путь Л. П. Семёнова в неразрывной связи с социально-культурным и научным контекстом эпохи. В частности, данный методологический инструмент был применен при анализе формирования его научного мировоззрения под влиянием харьковской исторической школы и последующей трансформации в условиях становления советской науки. Важнейшую роль сыграл источниковедческий анализ, направленный на критическое изучение неопубликованных архивных материалов. Метод был применен при систематизации полевых отчетов и дневников ученого, что позволило выявить эволюцию его методики полевых исследований и уточнить хронологию экспедиций 1920–1930-х гг. Сравнительно-исторический метод был использован для определения значения деятельности и наследия Л. П. Семёнова в отечественном кавказоведении. Так, путем сопоставления его концепций с работами предшественников и современников (В. Ф. Миллера, Е. И. Крупнова) удалось выявить новаторский характер его комплексного подхода к изучению материальной культуры.

Для интеграции разрозненных данных в целостную картину научной деятельности применялся системный подход, обеспечивший рассмотрение работ ученого в единстве трех основных направлений: исследовательского, организационно-музейного и педагогического, раскрывающих многогранность его вклада в региональную науку. Междисциплинарный характер исследования обусловил обращение к методу исторической реконструкции, который был необходим для восстановления полной программы и маршрутов полевых исследований на основе фрагментарных архивных сведений. Совокупность примененных методов обеспечила достоверность результатов и достижение цели исследования.

Исследование выстроено в хронологическо-проблемном ключе. Первый этап охватывает период становления ученого: анализируются влияние на этот процесс семейного

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

Рис. 2. Родители Л. П. Семёнова Петр Хрисанфович и Васса Захаровна (автор неизвестен, до 1917 г.) [50, вклейка]

Fig. 2. Leonid Semyonov's parents, Pyotr Khrisanfovich and Vassa Zakharovna (author unknown, before 1917) [50, inset]

воспитания, краеведческих интересов отца, а также формирование научного мировоззрения будущего исследователя в Харьковском университете в дореволюционный период с последующим завершением образования уже в Азербайджанском университете в 1926 г.

Центральным и основным этапом работы является детальная реконструкция полевых исследований Л. П. Семёнова 1924–1932 гг. На основе архивных материалов прослеживаются экспедиционные маршруты в горных районах Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Грузии, анализируются методы фиксации археологических и этнографических памятников. Проанализирована роль ученого как организатора науки в Северо-Кавказском институте краеведения и в учреждениях, являвшихся его преемниками.

Далее рассматривается эволюция научных интересов ученого в области археологии и этнографии на протяжении всей его деятельности до 1959 г. Характеризуются ключевые направления научных исследований Л. П. Семёнова, среди которых типология погребальных сооружений, изучение башенной архитектуры, анализ религиозного синкретизма. Отдельно анализируется педагогическая деятельность ученого в Горском педагогическом институте и его работа по подготовке национальных научных кадров. Завершающий этап исследования посвящен анализу научных контактов ученого и комплексной оценке его вклада в кавказоведение.

Научная значимость исследования во многом определяется тем, что на примере научной биографии Л. П. Семёнова достаточно рельефно прослеживаются не только основные этапы становления советской науки в первой половине – середине XX в., но и выявляются механизмы взаимодействия между академической наукой, краеведческим движением и процессом формирования национальных научных школ на Северном Кавказе.

Представляется, что определенную ценность имеет введение в научный оборот малоизвестных материалов полевых исследований ученого в области археологии и этнографии. Эти архивные источники позволяют реконструировать картину экспедиционной деятельности на Северном Кавказе 1920–1930-х гг. и по-новому оценить методику полевых работ того времени.

* * *

Молодые годы и профессиональное становление исследователя. Леонид Петрович Семёнов (1886–1959) в основном известен как советский лермонтовед, однако он сделал немало для изучения археологических памятников Северного Кавказа.

Будущий исследователь появился на свет 30 мая 1886 г. в станице Слепцовской Терской области (ст. Орджоникидзевская; г. Сунжа) в семье смотрителя двухклассного станичного училища. Его отец Пётр Хрисанфович (Рис. 2) занимался краеведением, изучал фольклор и этнографию терских казаков. Собранные произведения народного творчества публиковались им на страницах сборника «Сведения о кавказских горцах». Л. П. Семёнов пишет об отце: «От него же воспринял я и интерес к краеведческим темам, к народной поэзии» (цит. по [51, с. 201]).

В 1891 г. семья Семёновых переехала во Владикавказ, в дом 4 по Осетинской улице (Рис. 3), в котором Л. П. Семёнов прожил всю жизнь. С детства он увлекался изучением классических языков, хотя в 1907 г. окончил Владикавказское реальное училище, обучение в котором не требовало этих знаний.

В 1907–1912 гг. Л. П. Семёнов проходил обучение на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Его формирование как ученого проходило под влиянием харьковской исторической школы, археологическим «крылом» которой было Харьковское историко-филологическое общество, действовавшее с 1877 г. Его члены занимались сохранением памятников истории и культуры, сотрудничали с археологическими обществами, участвовали в съездах и проводили экспедиции [4, с. 3] [27, с. 62] [51, с. 199] [53].

Однако завершить обучение в Харьковском университете Л. П. Семёнову не удалось: сначала помешала болезнь, а затем начало Первой мировой войны в 1914 г. Лишь в 1926 г. он получил высшее образование, окончив Азербайджанский университет с дипломом I степени [24].

Полевые археолого-этнографические изыскания: организация экспедиций, хронология и география. В 1918 г. Л. П. Семёнов начал преподавать русскую литературу во Владикавказском учительском институте [4, с. 3], впоследствии реорганизованном в Северо-Кавказский педагогический институт.

Параллельно с 1921 г. ученый становится сотрудником Северо-Кавказского института краеведения (СКИК), который был основан в 1920 г. во Владикавказе по приказу Терского областного отдела народного образования. СКИК заложил основы организационной структуры научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа и определил ключевые направления научных исследований во всех национальных областях региона.

Л. П. Семёнов, являвшийся ученым секретарем СКИК и заведующим антропогеографическим отделом научного музея Владикавказа, руководил экспедиционной деятельностью института, планомерно осуществлявшейся с 1920 г. вплоть до закрытия научного

Рис. 3. Вход во двор дома по улице Осетинской, 4 во Владикавказе, где жил Л. П. Семёнов с 1891 по 1959 г. (фото автора, 2024 г.)

Fig. 3. Entrance to the courtyard of the house at 4 Osetinskaya Street in Vladikavkaz, where Leonid Semyonov lived from 1891 to 1959 (photo by the author, 2024))

учреждения в 1925 г. Основная территория археологических работ Северо-Кавказского института краеведения охватывала горные и отчасти равнинные области Северной Осетии и Ингушетии.

В период с 1920 по 1925 гг. археологические экспедиции СКИК под руководством Л. П. Семёнова проводились в Северной Осетии, а именно в Санибанском, Даргавском, Джимаринском, Куртатинском и Алагирском ущельях с их перевалами. Параллельно в 1920–1922 гг. и 1925 г. исследователь организовал этнографические экспедиции в Ингушетию [26, с. 8–9].

Первый персональный открытый лист № 1 на проведение археологических разведок в пределах Северной Осетии и Ингушетии в районе Военно-Грузинской дороги (ВГД) до станции Коби Л. П. Семёнов получил 12 апреля 1924 г. как ученый секретарь научного музея Владикавказа. Спустя несколько

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

месяцев, 22 августа, исследователю в качестве научного сотрудника СКИК был выдан открытый лист № 65 на производство археологических разведок в горной Осетии [16].

В 1925 г., незадолго до закрытия СКИК, экспедиция под руководством Л. П. Семёнова провела археологические разведочные работы в Северной Осетии [20, л. 1–11]. В том же году ученый осуществил археологические исследования в Ингушетии по маршруту Владикавказ – Назрань – Барсуки – Плиево – Яндырское – Сурхахи – Средние, Нижние и Верхние Ачалуки; также в Сунженском округе: станицы Карабулакская, Троицкая, Слепцовская с возвратом во Владикавказ [19] [28, с. 3]. Л. П. Семёнов участвовал в этих работах в качестве научного сотрудника-археолога, художником-этнографом являлся И. П. Щеблыкин. Кроме того, в 1925 г. Леонид Петрович провел этнолого-археологическую разведку от имени Государственного научного музея Владикавказа [16].

В 1925 г. СКИК был реорганизован в Осетинский (ОНИИК) и Ингушский (ИНИИК) научно-исследовательские институты краеведения. Л. П. Семёнов продолжил активное сотрудничество с обоими институтами, приложив значительные усилия для изучения истории Ингушетии и Осетии.

В период с 1925 по 1934 гг. Л. П. Семёнов занимал должность ученого секретаря ОНИИК, при этом планомерная археологическая деятельность, нацеленная на комплексное изучение памятников, приводила к значительным научным достижениям. Расширяя сферу своих изысканий, Л. П. Семёнов, наряду с исследованием культовых и погребальных объектов, начал систематическое изучение бытовых памятников средневековья: башен, оборонительных стен и поселений [20] [7]. Все обнаруженные археологические материалы поступали в Научный музей Владикавказа, который с момента основания и до января 1928 г. функционировал как общий для двух автономных областей – Осетинской (1924–1934) и Ингушской (1924–1934), а Л. П. Семёнов состоял его научным сотрудником [26, с. 8–9]. Таким образом, организационная деятельность исследователя успешно сочеталась с непосредственной полевой.

Активная экспедиционная работа ученого продолжалась и в последующие годы. 31 июля 1926 г. Л. П. Семёнов, будучи научным сотрудником СКИК, получил открытый лист № 91 на право проведения археологических раскопок в пределах Ингушетии. В том же году исследователь совершил поездку в горную Ингушетию по маршруту Владикавказ – Фуртоуг – Мецхал – Лежг – Салги – Хани – Хамхи – Пуй – Вовнушки – Цори – Гул, с возвратом через Вовнушки до Таргима, далее через Барах – Эгикал – Отзик, вниз по реке Ассе через Ерши – Нижний Алкун – Мужичи – Владикавказ [18] [28] [56]. Эти изыскания позволили существенно расширить знания об археологическом наследии региона.

Значительный вклад был сделан ученым и в направлении научной фиксации объектов культурного наследия. В 1927 г. Ингушский институт краеведения организовал экспедицию в Джейраховский и Мецхальский районы по маршруту Владикавказ – Фуртоуг – Бейни (с окрестными селениями) – Столовая гора – Мецхал – Морч – Лежг – Эрзи – Хамышк – Джейрах – Фуртоуг – Владикавказ. При участии Л. П. Семёнова был собран обширный полевой материал, проведены учет памятников, разведочные раскопки, обмеры, фиксация объектов, а также записаны местные легенды и сведения о культовых практиках [28, с. 3–4]. Подобный комплексный подход обеспечил высокую научную ценность собранных сведений.

Исследовательская работа отличалась систематичностью и разнонаправленностью. 23 мая 1927 г. Л. П. Семёнов получил открытый лист № 24 как ученый секретарь ИНИИК «на производство разведок с пробным вскрытием ограниченных участков… в Ингушетии, Северной Осетии и окрестностях г. Владикавказа» [54, л. 9]. Были осуществлены две экспедиции: первая (25–30 июня) прошла по маршруту Владикавказ – Кобан – Даргавс – Хуссар-Ламардон – Какадур – Джимара – Кобанское ущелье – Владикавказ; вторая (4–10 июля): Владикавказ – Дзивгис – Лац – Харискен. 7 июля в Лаце на Нартовском кладбище исследованы грунтовые погребения в каменном кургане. 8 июля разведки продолжились по маршруту Лац – Хидикус – Гутиаткау – Бугултикау – Кало-

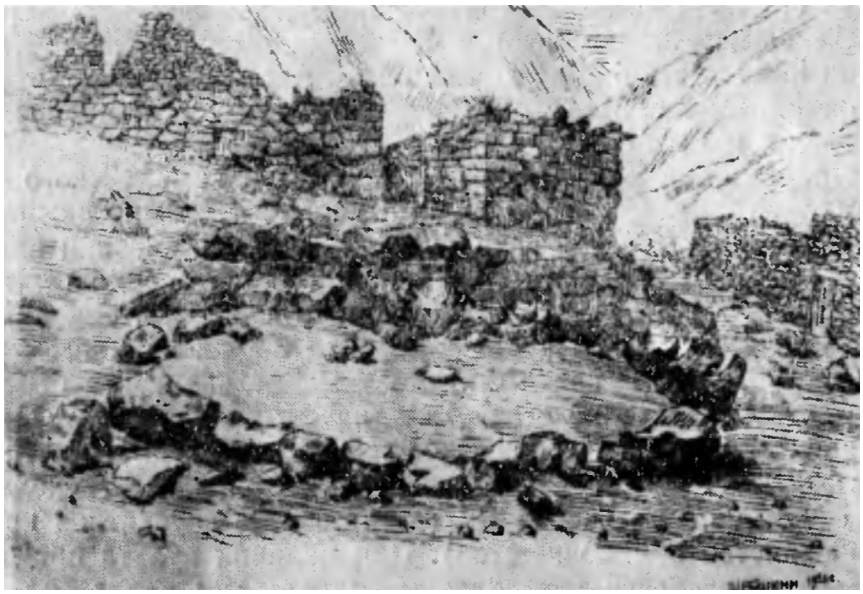


Рис. 4. Нартский ныхас (место собраний) в селе Лац. Археологические разведки Л. П. Семёнова 1927 г. (с рисунка И. П. Щеблыкина) [29, с. 27]

Fig. 4. Nart nykhas (meeting place) in the village of Lats. Archaeological explorations of Leonid Semyonov in 1927 (from a drawing by Ivan Shcheblykin) [29, p. 27]

тикау; 9–10 июля: Лац – Дзивгис – Дзуарикау – Владикавказ [54, л. 9–9 об.]. Проведенные изыскания значительно обогатили источниковую базу по древней истории Северного Кавказа и расширили знания об уникальных памятниках истории (Рис. 4).

Важным аспектом полевой деятельности ученого являлись охранные мероприятия в зонах активного хозяйственного освоения. Так, в 1927 г. началось строительство Гизельдонской ГЭС в Кобанском ущелье Северной Осетии (Рис. 5). В начале ноября во время дорожных работ рабочие «натолкнулись за с. Кобань (Кобан.– *Г. К.*) на могильники» [54, л. 13]. 17–20 ноября 1927 г. СКИК командировал Л. П. Семёнова «в Кобано-Даргавское ущелье в целях осмотра памятников древности, находящихся в районе “Гизельстроя”» [54, л. 13]. Ученым было изучено пещерное погребение в местечке Саппата в 1 км от с. Кобан, а изыскания на Кахтисарском перевале позволили обнаружить керамику, серебряные бляшки и бронзовые серьги. Близ башни Кануковых были найдены обломки железных топориков и астрагал [54, л. 13]. Проведенные работы позволили зафиксировать археологические памятники, находившиеся под угрозой уничтожения.

В следующем, 1928 г., Л. П. Семёнов вновь проводил археологические экспедиции как ученый секретарь ИНИИК [17]. В ходе этих работ им было раскопано погребение в каменном ящике, обнаруженное в местечке Саппата [22].

Активная экспедиционная деятельность характеризовалась расширением географических рамок исследований. В июле 1929 г. ученый получил открытый лист № 20 на производство разведок с пробным вскрытием ограниченных участков в Ингушской и Северо-Осетинской автономных областях. В 1928–1929 гг. Л. П. Семёнов провел археологические раскопки в с. Верхний Кобан, раскопал полуподземный склеп в с. Средний Кобан, а также осуществил раскопки в Даргавсе [55, л. 1–4 об.] [56] (Рис. 6). Комплексные работы в этих районах позволили выявить новые страницы исторического прошлого Осетии.

Значительное внимание уделялось ученым и археолого-этнографическому изучению Ингушетии. В 1929 г. Л. П. Семёнов выполнил масштабные археолого-этнографические изыскания в горных районах Ингушетии. Маршруты экспедиций охватили: Владикавказ – Фуртоуг – Эрзи – Кошк – Морч – Шуан (Шоан) – Хули – Салги – Гу – Хани – Лейлаг – Кяз – перевал Цей-Лам – Бишт – Джейрах – Памет – Лежг – Бейни – Владикавказ [17] [31, с. 365–366], а также Владикавказ – Фуртоуг – Джейрах – Мецхал – Фалхан – Горак – Эрзи – Кошк – Шуан – Салги – перевал Цей-Лам – Бишт – Дошхакле – Эгикал – Отзик – Лейми – Кок – Кели – Карт – Бархин – Тери – Гадаборш – Кост с проведением разведок в районе ВГД [31, с. 365]. Проведенные экспедиции обеспечили сбор уникального материала, отражающего материальную и духовную культуру региона.

Экспедиционная деятельность Л. П. Семёнова получила активное продолжение в 1930-х гг. Так, в 1930 г. исследователь полу-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

чил открытый лист № 11 на разведки с ограниченными земляными работами в Северной Осетии по маршруту Кобань – Даргавс – Цагат-Ламардон – Какадур – Кани – Саниба – Генал – Дарьяльское ущелье. В том же году состоялась поездка в с. Эльхотово для обследования городища Татартуп и его окрестностей [32, с. 144]. В том же году была организована археологическая экспедиция в горную Ингушетию по маршруту Фуртоуг – Памет – Нижний Джейрах – Салги – перевал Цейлам – Кяхк – Гапи – Хамхи – Пуй – Хайрах – Пялинг – Ний – Гадаборш – Эгикал – Кок – Карт – Дошхакле – Харпе – Кашиете – Гоуст [32, с. 144].

Получение очередных открытых листов подтверждало непрерывный характер полевых изысканий исследователя и высокий уровень доверия научного сообщества к их результатам. В частности, в 1932 г. Л. П. Семёнову был выдан открытый лист № 4 на право проведения под его руководством археологических раскопок в Ингушской автономной области (Рис. 7). В 1934 г. ученый получил еще один открытый лист № 58 на производство археологических разведок на этой территории, а в 1937 г.– разрешение на раскопки в районах Шоан, Ассинского ущелья, Алкун, Мужичи, Датых (Ингушетия) и Бамут (Чечня).

Особый научный интерес представляют нумизматические находки, сделанные исследователем. В частности, при раскопках 1937 г. в подземном склепе у с. Верхний Датых были обнаружены две джучидские монеты 1312–1313 гг. (медная и серебряная), являющиеся первыми достоверными нумизматическими находками II тысячелетия н.э. в горной Ингушетии. В каменном ящике на этом же памятнике найдены три серебряных диргема 747 и 768 гг. хиджры (954–955 гг.н.э.). Все монеты имели отверстия для ношения и не выполняли денежных функций [28]. Эти открытия расширили знания о торгово-экономических связях северокавказского региона в период средневековья.

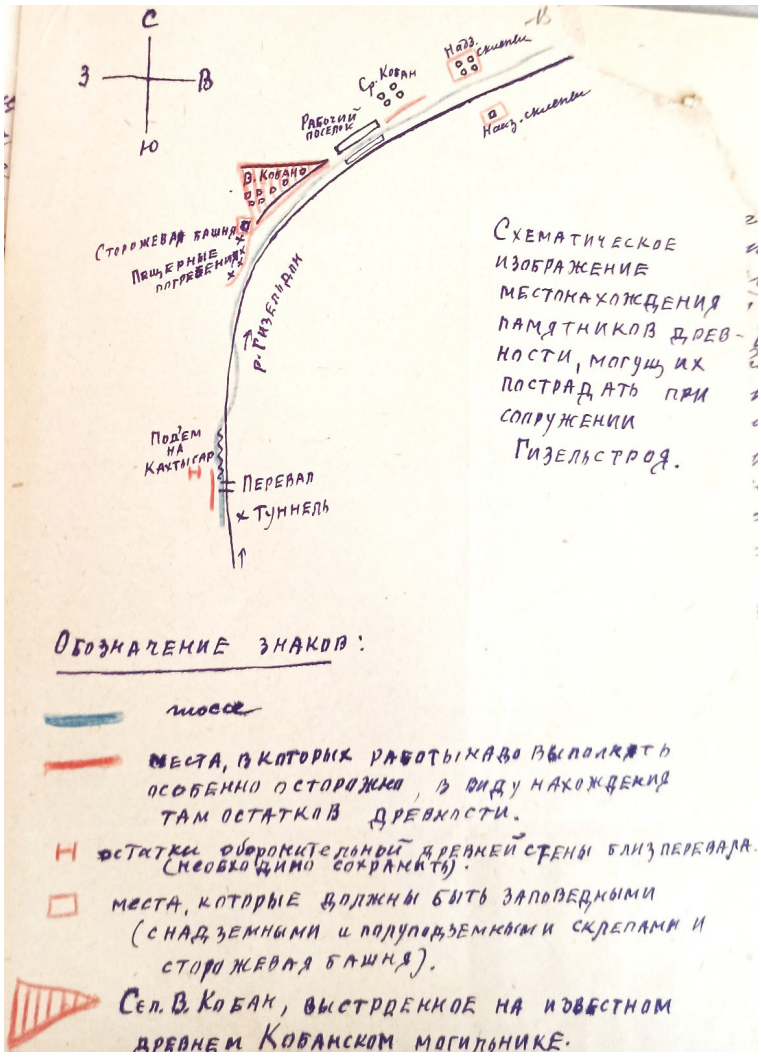


Рис. 5. Лист со схемой расположения археологических памятников в зоне строительства Гизельдонской ГЭС (из полевого дневника Л.П. Семёнова, 1927 г.) (фото автора) [54, л.15]

Fig. 5. A map showing the location of archaeological sites in the Gizeldon Hydroelectric Power Station construction zone (from the field diary of Leonid Semyonov, 1927) (photo by the author) (photo by the author) [54, p.15]

В 1938 г. ученый вновь получил открытый лист на археологические разведки в Чечено-Ингушской АССР (сёла Алхасты, Бишт, Салги, Ассинское ущелье, перевал Цей-Лам и территория санатория «Армхи») [57, л. 1–4 об.]. В 1939 г. кавказовед провел археологические разведки в селах Верхний Датых и Верхний Алкун, раскопав могильник XIII–XIV вв., включавший погребения в каменных ящиках. Анализируя материалы склепов, Л. П. Семёнов отмечал: «Могильный инвентарь отличается простотой; в вещественном и художественном отношении он беден. Здесь встречаются следующие предметы: глиняные сосуды, дере-

вянные чашки, железные ножи, железные ножницы для стрижки овец, железные наконечники стрел, луки, железные поясные пряжки, деревянные гребни и прочие изделия» [30, с. 21]. Детальная фиксация погребального инвентаря позволила реконструировать некоторые особенности истории материальной культуры населения региона.

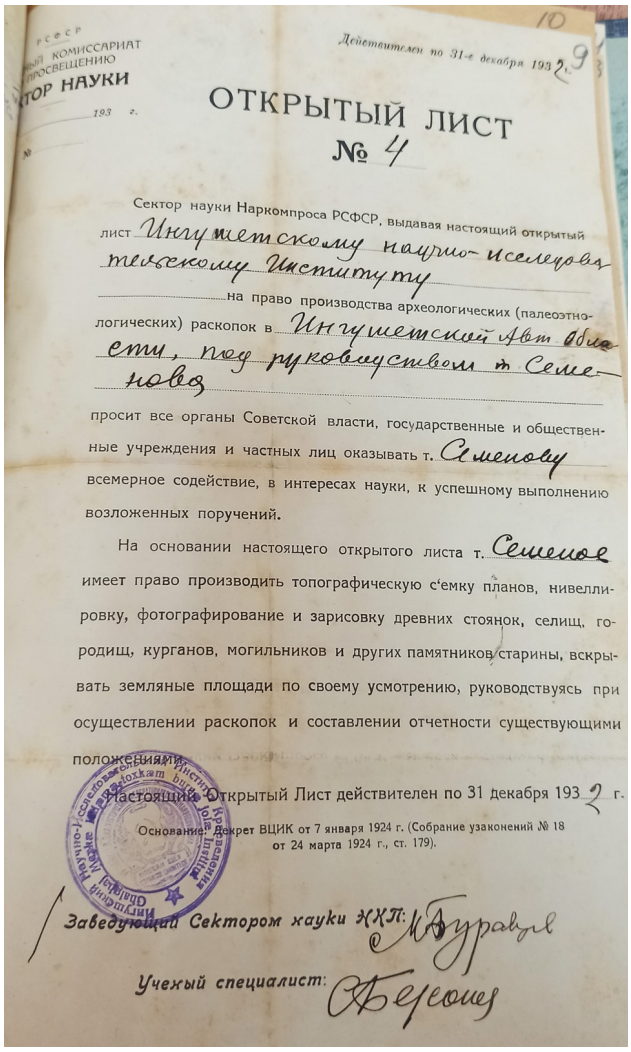
Рис. 6. Наземные склепы в селе Даргавс. С картины И.П. Щеблыкина [37, с. 27]

Fig. 6. Above-ground crypts in the village of Dargavs. From a painting by Ivan Shcheblykin [37, p. 27]

Таким образом, в 1924–1931 гг. Л. П. Семёнов совершил несколько археологических поездок по территории Северной Осетии. Были исследованы Алагирское, Верхнесанибанское, Даргавское, Дарьяльское, Зругское, Кобанское, Куртатинское, Цейское ущелья, Згидский перевал, Даргавская котловина, а также археологические памятники в селах Кани, Генал, Чми, памятники равнинной части Осетии: Гизель, Эльхотово (Татартуп), их окрестностей [16] [20, л. 2] [54, л. 9–12 об., 9 об.] [55, л. 6–9] [55, л. 11–24] [55, с. 6–7] [6, с. 8–9].

В тот же период была исследована горная часть Ингушетии: селения Фуртоуг, Мецхал, Лежк, Салги, Хани, Хамхи, Пуй, Вовнушки, Цори, Гуль, Таргим, Бахрах, Эгикал, Отзык, вниз по Ассе села Ерши, Нижний Алкун, Мужичи [29] [30] [31] [33] [34].

Кроме описанных научно-исследовательских работ в Северной Осетии и Ингушетии, на рубеже 1920–1930-х гг. Л. П. Семёнов проводил археологические разведки в горных районах Грузии. Так, в 1929 г. в районе ВГД на станции Казбек, в селах Паншети, Цно, Сиони, Нижние Млеты, Гудаур, Ананур и Мцхета были изучены боевые башни



Действителен по 31-е декабря 193 2 г.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ
№ 4

Сектор науки Наркомпроса РСФСР, выдавая настоящий открытый лист Ингушетскому научно-исследовательскому Институту на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок в Ингушетской Авт обл., под руководством т Семенова просит все органы Советской власти, государственные и общественные учреждения и частных лиц оказывать т. Семенову всемерное содействие, в интересах науки, к успешному выполнению возложенных поручений.

На основании настоящего открытого листа т. Семенов имеет право производить топографическую с'емку планов, нивеллировку, фотографирование и зарисовку древних стоянок, селищ, городищ, курганов, могильников и других памятников старины, вскрывать земляные площади по своему усмотрению, руководствуясь при осуществлении раскопок и составлении отчетности существующими положениями.

Настоящий Открытый Лист действителен по 31 декабря 193 2 г.

Основание: Декрет ВЦИК от 7 января 1924 г. (Собрание узаконений № 18 от 24 марта 1924 г., ст. 179).

Заведующий Сектором науки НКП:

Учехый специалист:

Рис. 7. Открытый лист на право производства археологических раскопок в Ингушетии, выданный Л. П. Семёнову в 1932 г. (фото автора) [56, л.9]

Fig. 7. An open permit for archaeological excavations in Ingushetia, issued to Leonid Semyonov in 1932 (photo by the author) [56, p.9]

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

и замки разных типов, ученый отметил их схожесть с башнями Ингушетии и Северной Осетии [55]. В ходе этой экспедиции было также проведено обследование храмов и святилищ [55, л. 29–32 об.]. В 1931 г. экспедиция ИНИИК в составе Л. П. Семёнова и И. П. Щеблыкина, проехав от станции Ларс до станций ВГД Казбек и Коби, посетила Трусовское ущелье: села Окроканы, Кетриси, Абано, Закагори, Деси, Суатиси (с экскурсией до ледников Суатиси-дона), Каратикау, Бурмасыг, Гимара (Джимара), Реси. Из села Реси переход осуществлялся мимо села Сивераут до самого начала истоков реки Терека, обратный путь – по Тереку до сел Коби, Сиони, Казбек, Чми, до села Фуртоуг, далее – по Дарьяльскому ущелью [32, с. 144]. В результате экспедиции были исследованы археологические памятники горной Грузии в истоках Терека, в Трусовском ущелье, в частности в селах Коби, Казбек, Сиони.

В результате проведенного обследования Л. П. Семёнов отметил влияние Грузии на архитектуру ингушских памятников. Наиболее убедительным примером является храм Тхаба-Ерды. Исследователь отмечает наличие грузинских надписей на ингушских памятниках XIII–XIV вв., на двух глиняных сосудах из подземных склепов Ингушетии, а также на облицовке одного из надземных склепов Ассиновского ущелья. Эти и другие находки (медные церковные сосуды из храма Гальерды, три железных четырехконечных креста из храма Эрзели, медный колокольчик из храма с. Дошкале) позволили Л. П. Семёнову сделать вывод о том, что «грузинское влияние… проникало в Ингушетию при непосредственных сношениях грузин и ингушей через посредство ВГД, а также в отраженном виде через смежную с Ингушией Хевсурию…» [55, л. 29–32 об.].

Исследователем предпринимались и однодневные выезды. Например, в марте 1931 г. Л. П. Семенов и Х.-Б. Ахриев выехали с целью принятия мер по охране памятников в районе русла Терека в окрестностях санатория «Армхи»; ими же в ноябре того же года была совершена поездка в район Балты для осмотра остатков погребений в пещерах, обнаруженных при расширении в этом районе шоссе ВГД. Летом 1931 г. Л. П. Семёнов и И. П. Щеблыкин осуществили экскурсию по ВГД в район поселка Редант для осмотра памятников старины. В том же году Л. П. Семеновым и профессором А. А. Захаровым было посещено городище в окрестностях г. Орджоникидзе (близ кирпичного завода «Красный строитель»). Затем в 1932 г. это же городище стало объектом исследования Л. П. Семёнова и И. П. Щеблыкина [32, с. 144], а в 1939 г. Л. П. Семёнов вновь обследовал этот археологический памятник [22].

Результаты полевых исследований Л. П. Семенова: наблюдения и выводы. Систематизация и научное осмысление полученных в ходе многолетних полевых исследований материалов позволили Л. П. Семёнову сформулировать ряд фундаментальных положений о характере историко-культурного развития региона. Ученый отмечал неравномерность распределения памятников в плоскостной и горной зонах, констатируя большую концентрацию объектов в горных районах. Исследователь дал развернутую характеристику типичным архитектурным объектам горной зоны – башням, выделив жилые и боевые типы и описав их архитектурные, конструктивные и строительные особенности. На плоскости он идентифицировал «стоянки» в виде холмов, окруженных рвами и валами, систематизировав памятники по функциональному назначению: оборонительные (башни, замки, стоянки), религиозные (столпообразные святилища, храмы) и погребальные (памятные плиты и столбы, надземные и полуподземные склепы, пещерные погребения, подземные погребения) [28, с. 5–6]. Особое значение имело выявленное ученым сходство между позднесредневековыми вайнахскими и осетинскими башенными сооружениями, святилищами и склепами, которое устанавливалось «не только в основных архитектурных формах, но и в различных характерных деталях» [13, с. 26]. Исследователь отметил близость чеченских, ингушских и осетинских склепов для коллективных захоронений как в архитектурном решении, так и в погребальном обряде [13, с. 26].

Весом был и вклад Л. П. Семёнова в исследование погребальных памятников горных районов Ингушетии и Северной Осетии с конца раннего средневековья и до начала позд-

него средневековья. Обобщение полученных материалов позволило ученому определить хронологию каменных ящиков и подземных склепов Ингушетии в рамках VI–IX и V–IX вв., в то время как аналогичные памятники Северной Осетии были датированы VII–IX и V–IX вв. соответственно [11, с. 25].

Важным заключением ученого стало наблюдение о длительном использовании погребальных комплексов в Северной Осетии, Чечне и Ингушетии. На примере Кобанского холма, где захоронения производились с конца II тыс. до н.э. до начала XX в., а также отмеченных аналогичной традицией могильников Чми, Галиата, Камунты, Владикавказа и других мест Северной Осетии, исследователь пришел к выводу о глубочайших истоках (вплоть до кобанской эпохи) материальной и духовной культуры осетинского народа [9].

В Ингушетии сходные характеристики имеют могильники, расположенные между станцией Нестеровской и Фельдмаршальской (селение Алхасты), а также в районе селений Верхний Датых и Верхний Алкун. На этих памятниках зафиксированы разнообразные типы погребений: грунтовые, в каменных ящиках, пещерные, а также подкурганные подземные и надземные склепы. Примечательно, что вблизи древних кладбищ обычно располагались небольшие поселки или крупные селения [28, с. 18].

Л. П. Семёнов отмечал, что могильники с подземными погребениями, имеющие на поверхности слой булыжников или курганные насыпи, местные жители традиционно связывали с кабардинцами [28, с. 12–14]. Ученый обратил внимание на особенность катакомб, которые были вырыты в глинистом грунте и, в отличие от подземных склепов, каменных ящиков и грунтовых могил, не имели внешних опознавательных знаков. Последние, в свою очередь, маркировались вертикальными каменными плитами или столбиками. Начиная с XIV–XV вв. в Северной Осетии практиковалось захоронение в каменных ящиках, наземных склепах, а позднее – в земляных могилах, которые обозначались каменными оградами или вертикальными плитами. В поздний период эти плиты украшались росписями, снабжались датами и резными надписями на арабском или русском языках, изредка на грузинском (Нузал). Отдельное внимание исследователь уделил христианским памятникам на территории Ингушетии и Северной Осетии [34].

Значительным достижением ученого стала систематизация и классификация надземных склепов Ингушетии и Северной Осетии [31] [30]. Им было зафиксировано разнообразие элементов декора: отпечатки рук, примитивные изображения пеших и конных воинов, концентрические круги, нанесенные красной краской, а также высеченные прямоугольники и кресты [28, с. 16]. Последовательный анализ типов погребальных сооружений на протяжении нескольких столетий позволил Л. П. Семенову убедительно проследить эволюцию склеповой архитектуры от раннего средневековья до XV–XVII вв. и доказать преемственную связь наземных склепов с более древними памятниками [8, с. 332].

Проведя исчерпывающий анализ жилых и боевых башен горной зоны Северного Кавказа, Л. П. Семенов опроверг существовавшее среди ученых мнение о случайном сходстве кавказских башен с сооружениями Центральной Азии. Доказав местное происхождение башен и склепов со ступенчатым перекрытием, исследователь показал значение вещественных источников для решения ключевых вопросов этногенеза народов Северного Кавказа [8, с. 333]. Ученый отмечал, что «каждый род владел одной или несколькими такими башнями, примыкавшими одна к другой и представлявшими просторное надежное укрепление. Боевые башни возникли позже. Переходными от жилых к боевым постройкам являются башни “гала” (вайнах[1].), которые снабжены не только оконными и дверными проемами, но и бойницами для стрельбы из лука и боевыми балкончиками, с которых осажденные могли защищать входы в свою башню. Хорошо оснащенные оборонными средствами жилые башни несколько выше обычных “гала”, но все же им далеко до рафинированного изящества боевых башен – “воу” (вайнах.)» (цит. по: [8, с. 311]).

Благодаря экспедициям Л. П. Семёнова, проводившимся при участии И. П. Щеблыки-

[1] Вайнахский [язык] – пояснение в скобках Л. П. Семёнова.– *Примеч. ред.*

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

на и Е. И. Крупнова, впервые был осуществлен всесторонний анализ основных элементов вайнахской боевой башни. Исследователи детально изучили замковые комплексы, заградительные стены и иные фортификационные сооружения, а также предприняли попытку реконструкции их функционального использования в боевых условиях. Особое внимание было уделено роли рельефа местности в обеспечении обороноспособности горных башенных поселений. Разработанная Л. П. Семёновым типология башенных укреплений сохраняет свою актуальность и продолжает использоваться в современных исследованиях.

Существенное значение имеет вывод ученого о культурном единстве башенной архитектуры при наличии региональных особенностей у народов Северного Кавказа и Грузии. Собранные экспедициями фольклорные материалы содержат ценнейшие сведения о создателях фортификационных сооружений, особенностях ведения горной войны, системе воинского воспитания, формировании дружин и институте рабства у вайнахов и соседних народов в средневековый период [59]. Отдельного внимания заслуживает проведенный ученым анализ предметов вооружения, представленный в работе «Шлемы из Северной Осетии» (1955) [48].

В результате археолого-этнографических экспедиций под руководством Л. П. Семёнова были обследованы и систематизированы разнообразные культовые сооружения: святилища-здания, святилища-столпы (Рис. 8), фаллические памятники, христианские храмы, а также предметы культового инвентаря. На территории Ингушетии участникам экспедиций довелось лично присутствовать на празднествах, сохранивших явные доисламские черты, и собрать уникальные этнографические сведения о религиозных представлениях местных горцев и роли служителей культа в общественной жизни [2, с. 11].

Работы, посвященные культовым памятникам («Мавзолей Борга-Каш» (1928) [41], «Эволюция ингушских святилищ» (1928) [49] и др.), занимают особое место в научном наследии Л. П. Семёнова. Ученый подробно описал ингушские святилища Бейни-Сели, Мятцил, Мятер-дела, Сусон-Дэла, Эрдзели, Магиерда (Магоерда), Соска-солса и другие, особо выделяя христианские храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды в Ассинском ущелье [28, с. 8].

Исследователю принадлежит первая научная периодизация культовых сооружений горной Ингушетии. Согласно его концепции, наиболее древними культовыми памятниками являлись христианские храмы, под влиянием которых с XIV в. стали возводиться крупные христианско-языческие святилища (типа Магиерды). «Более поздними культовыми сооружениями являются столпообразные святилища, отличающиеся иногда чрезвычайной примитивностью» [30, с. 41]. Ученый утверждал, что «с появлением второго типа, памятники первого рода превратились в христианско-языческие, с появлением третьего – стали языческими и памятники первых двух категорий» [49, с. 462]. Согласно выводам Л. П. Семёнова, «в ингушских памятниках отражена смена

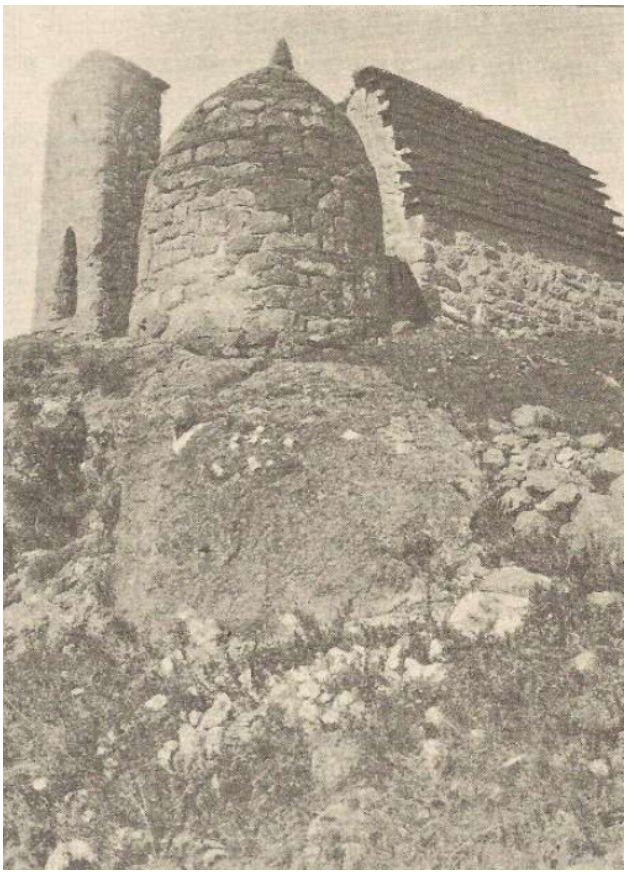


Рис. 8. Столпообразное святилище и склепы в с. Эгикал. Археологические разведки Л. П. Семёнова [29, с. 19]

Fig. 8. A pillar-shaped sanctuary and crypts in the village of Egikal. Archaeological survey by Leonid Semyonov [29, p. 19]

трех религий, последовательно сменивших одна другую: языческой (наиболее древней), христианской (начавшей проникать сюда около XII в.), мусульманской (проникшей около XVIII в.). Своеобразной чертой местной культуры является то обстоятельство, новое религиозное учение, проникая в край, не вытесняло совершенно предшествовавшие, но уживалось с ним. Первоначально это выразилось в двоеверии: обряды, приуроченные к святилищам, носят следы и язычества и христианства; впоследствии сложилось и троеверие… так называемый "религиозный синкретизм"» (цит. по: [3, с. 12–15]).

Ученый отмечал значительное сходство материальной культуры Ингушетии и Северной Осетии с культурой соседних регионов Кавказа: общность архитектурных решений в ингушских, чеченских, хевсурских и отчасти осетинских боевых башнях; сходство осетинских и ингушских столпообразных святилищ; единые традиции в украшении святилищ рогами животных; общие черты в организации праздников, связанных с культовыми местами [28, с. 19]. Особое внимание исследователь уделил каменным чашечным камням с углублениями, обнаруженным вблизи святилищ [28, с. 17].

По оценке Е. И. Крупнова, сделанный Л. П. Семёновым «обзор памятников материальной культуры Ингушетии и их сравнительное сопоставление с рядом аналогичных памятников соседних территорий Чечни, Осетии, Хевсуретии и Грузии… позволяет сделать одно принципиально важное заключение. При признании некоторых общих черт, свойственных средневековым памятникам большинства районов Центрального Кавказа (башенная и склеповая архитектура, довольно однородный могильный инвентарь), резко бросаются в глаза отличительные особенности местной материальной культуры, характерные только для Чечни и Ингушетии» [10, с. 113].

Ученый провел всестороннее изучение различных категорий археологических предметов: посуды, украшений, гребней, предметов домашнего обихода, оружия. В результате полевых исследований были выявлены и впервые научно осмыслены многочисленные образцы наступательного и защитного вооружения позднесредневековых вайнахов, установлены общие черты в воинском снаряжении соседних народов (адыгов, осетин, грузин) [59, с. 29].

Л. П. Семёнов внес значительный вклад в исследование материальной культуры Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Сопоставляя эволюцию погребальных сооружений с анализом могильного инвентаря и погребального обряда, ученый установил время появления в местной среде характерного кавказского костюма (примерно IX–X вв.), а также выявил материальные воплощения элементов нартского эпоса [8, с. 332]. На основе материалов из средневековых склепов исследователь дал развернутое описание комплексов мужского и женского костюма. Им было впервые изучено и описано парадное женское головное украшение ингушей «кур-харс», что нашло отражение в работе «Фригийские мотивы в древней ингушской культуре» (1959) (см. об этом: [1, с. 32]).

Значительное внимание в работах ученого уделено случайным, но выдающимся археологическим находкам, обнаруженным вблизи культовых сооружений. Бронзовой маске в виде человеческого лица из селения Нар (Рис. 9) была посвящена специальная статья «Памятник древнего культа осетин (бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар)» (1951) [45]. Л. П. Семёновым опубликовано и проанализировано бронзовое навершие в виде оленя, найденное у святилищ близ селения Джейрах (Рис. 10) [28, с. 10–11]. Отдельным направлением исследований стали работы по изучению памятников изобразительного искусства [21].

В отличие от своих предшественников, Л. П. Семёнов целенаправленно сосредоточился на исследовании бытовых памятников средневекового периода. Благодаря многолетним экспедициям в горные районы Ингушетии и Северной Осетии, средневековые древности этих территорий оказались изучены значительно полнее, чем археологические находки в других регионах Северного Кавказа.

В своих трудах ученый освещал общность исторического развития большинства северокавказских народов, включая осетин,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

Рис. 9. Бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар [45, с. 141]

Fig. 9. A bronze idol head from the vicinity of the village of Nar [45, p. 141]

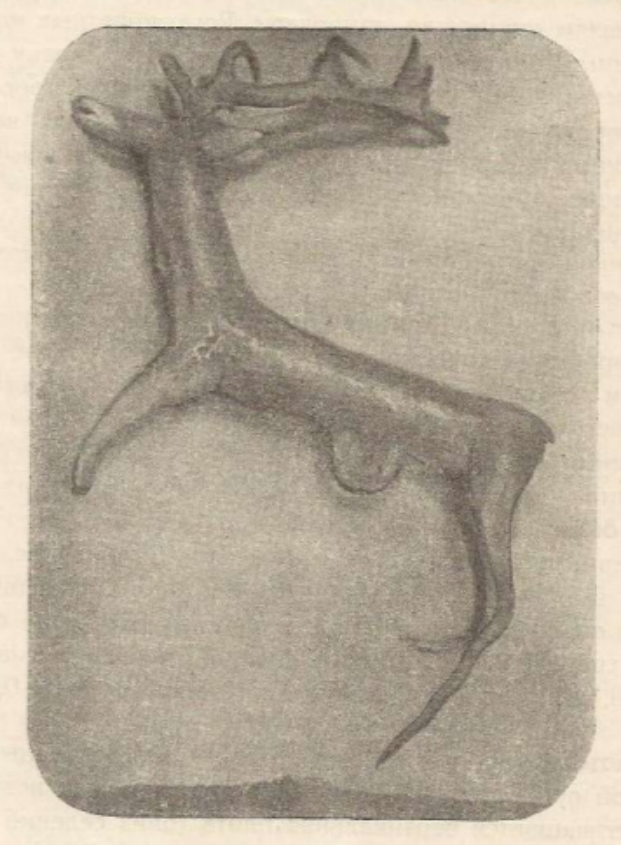


Рис. 10. Бронзовое навершие в виде фигурки оленя из развалин святилища близ с. Джейрах [29, с. 11]

Fig. 10. A bronze deer figurine top from the ruins of a sanctuary near the village of Dzheyrakh [29, p. 11]

ингушей и чеченцев, анализируя истоки и эволюцию их верований, а также трансформацию традиционного уклада жизни [4, с. 5]. Ученый констатировал, подтверждая уже упоминавшееся выше культурное взаимодействие народов Северного Кавказа и Грузии: «Общеизвестен факт влияния Грузии на Ингушию (Ингушетию.– *Г. К.*) и Осетию; памятниками христианской культуры, проникшей из Грузии, являются святилища в Ингушии (храмы Тхаба-Ерды, Албиерды, Магоерда (Магиерда) и др. и в Осетии (Нузальский храм). Грузинская письменность запечатлена в ряде эпиграфических памятников, найденных в Ингушии» [28, с. 19].

Л. П. Семёнов стал одним из первых исследователей в советской историографии второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., систематически изучавших археологические аспекты русско-северокавказских связей. Им было впервые отмечено, что ингушские восьмилопастные височные подвески сочетают местные традиции и русское декоративное искусство. Среди находок экспедиций ученого особый интерес представляют булава из Шуанского (Шоанского) склепового могильника и шестопер из башенного поселения Верхний Лейми, чье древнерусское происхождение подтверждено современными исследованиями. В 1927 г. в селении Эгикал исследователем обнаружен металлический нательный крест, относящийся к древнерусским крестам XI–XII вв. Впоследствии аналогичные находки были зафиксированы и в других районах Чечни и Ингушетии [5, с. 15–16].

Проанализировав поэтапное развитие материальной культуры Северной Осетии, Л. П. Семёнов пришел к обоснованному выводу о том, что культура народов Северного Кавказа «развивалась не изолированно, а в тесном общении со многими цивилизованными странами мира» (цит. по: [8, с. 333]). В заключительных работах ученый сформулировал ключевые задачи изучения древней истории

региона, не утратившие актуальности и в настоящее время.

Материалы из раскопок позднесредневековых склепов Ингушетии и Осетии, проведенных Л. П. Семёновым, содержат значительное количество предметов российского происхождения (ткани, бытовая утварь, орудия труда, украшения, образцы вооружения), которые раскрывают отдельные аспекты торгово-экономических связей XVI–XVIII вв. и свидетельствуют о начальной стадии интеграции северокавказского региона во всероссийский рынок [5, с. 15].

Значительное место в научном наследии Л. П. Семёнова занимают и труды по истории Владикавказа-Дзауджикау-Орджоникидзе. На основе археологических изысканий и архивных материалов исследователем была впервые создана научная история города [36], к этой теме он неоднократно возвращался в своих публикациях [47]. В работах ученого описаны древнее обширное селище и катакомбный могильник на южной окраине Владикавказа с богатым инвентарем «аланского типа» V–IX вв. [36, с. 5] [21, л. 19].

Л. П. Семёнов активно участвовал в научной жизни северокавказских музеев и способствовал пополнению их фондов материалами, полученными в ходе археологических разведок, раскопок и сборов во время археолого-этнографических экспедиций. Деятельности Северо-Кавказского института краеведения и его музея он посвятил специальные работы [35] [46], также им освещена история музея краеведения Северо-Осетинской АССР [37] [40].

Особенное значение для Л. П. Семенова имели проблемы сохранения археологических памятников, о чем, в частности, свидетельствует его запись: «…Посещенные нами районы богаты разнообразными памятниками, находящимися в полной заброшенности. Памятники разрушаются с каждым годом от разных причин – от воздействия природных условий (землетрясений, влаги, ветров и пр.), от некультурного или хищнического обращения отдельных лиц, от производства технических работ. Последняя причина особенно существенна, т.к. в горной Осетии в течение последних лет проводятся большие строительные работы, особенно в Кобанском и Даргавском ущельях, где идет сооружение мощной гидро-электрической станции (“Гизельстрой”). При устройстве шоссе, жилищ для рабочих, мостов и прочих сооружений задеваются или разрушаются подземные погребения; при расширении дорог взрывают динамитом скалы, в которых находятся некоторые погребения… в с. Даргавс и Джимара заметны следы случайных раскопок… ОИК[1] принимает все зависящие от него меры по охране памятников; в некоторых местах имеются хранилища древностей (Кобань, Даргавс); местным жителям разъясняются меры охраны памятников; в экстренных случаях совершаются поездки сотрудников для осмотра разрушаемых памятников и случайных находок» [20, л. 2].

Особое значение для изучения истории чеченского и ингушского народов имеет монография Л. П. Семёнова «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии» [30], в которой впервые представлена систематизация средневековых памятников региона и их исторический анализ. Важнейшим обобщающим трудом ученого стали «Археологические разыскания в Северной Осетии» (1948): полученные выводы и использованная источниковая база сохраняют значение и сейчас для изучения древней и средневековой истории всего Северного Кавказа [8, с. 332–333]. Е. И. Крупнов высоко оценивал эту работу: «Она принадлежит первому из советских археологов-кавказоведов, приступившему к обстоятельному изучению памятников материальной культуры позднего средневековья (башни, могильники, святилища), являющихся ценными источниками для воссоздания истории народов Северного Кавказа…». Рецензент особо отмечал сочетание археологических данных с этнографическими наблюдениями [9, с. 212–213].

Научное наследие Л. П. Семёнова во многом предопределило содержание фундаментальных трудов: «История Северо-Осетинской АССР» (1959), «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» и других обобщающих работ [4, с. 5]. В коллективной монографии

[1] Осетинский институт краеведения.– *Примеч. ред.*

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

по истории Северной Осетии Л. П. Семёнов в соавторстве с М. С. Тотоевым подготовил введение и два параграфа первой главы, освещающих древнейшие периоды истории региона [6, с. 8–12, 15–30]. Им также был создан ряд статей для Большой советской энциклопедии [4, с. 5].

Значителен вклад ученого в изучение фольклора горских народов, особенно нартского эпоса [39, с. 3–20] [42] [43] [44]. В своих работах исследователь стремился соотнести памятники материальной культуры с сюжетами эпоса, хотя и признавал трудности их точной датировки [43] [44].

Отдавая дань предшественникам, Л. П. Семёнов опубликовал статьи о Ч. Ахриеве и В. И. Долбежеве, а в 1923 г. представил доклад, посвященный Вс. Ф. Миллеру как исследователю кавказской археологии [23, с. 189–190].

Особую методическую ценность имеет привлечение исследователем мемуаров военных, побывавших в плену у горцев, в качестве этнографических и лингвистических источников [38] [12, с. 33].

Итак, полевые археолого-этнографические изыскания Л. П. Семёнова, начавшиеся с обследования горных районов Северной Осетии в 1920 г., продолжались в течение последующих десятилетий: исследователь принял участие в 44 археологических экспедициях на территории Северной Осетии, Ингушетии и Чечни, включая проекты, организованные Эрмитажем и Историческим музеем [51, с. 201]. Совместно с И. П. Щеблыкиным, Е. И. Крупновым, Е. Г. Пчелиной и другими коллегами им были исследованы многочисленные могильники Ингушетии и Северной Осетии [12, с. 25], тщательно изучены другие уникальные памятники материальной культуры народов Северного Кавказа (башни, храмы, святилища и др.). Научное наследие профессора включает свыше 180 работ по литературоведению, музееведению и материальной культуре, из которых более тридцати посвящены археолого-этнографическому изучению Северного Кавказа [4, с. 5].

Глубокое знание материальной и духовной культуры народов Центрального Кавказа позволяло ученому успешно сочетать анализ археологических объектов с этнографическими наблюдениями, данными изобразительного искусства и фольклорными материалами. Этот синтез различных источников сформировал отличительную черту его исследовательского метода [8, с. 311].

Преподавательская деятельность и круг общения Л. П. Семенова. Работа ученого по подготовке профессиональных и научных кадров осуществлялась главным образом в Горском (Северо-Кавказском) педагогическом институте, в котором он прошел путь от старшего преподавателя (1923) до заведующего кафедрой всеобщей литературы (1947). В годы эвакуации он продолжал преподавание в Сталинири[1], совмещая академическую работу с просветительской деятельностью [58] [15].

В период работы в Северо-Кавказском институте краеведения и его научном музее Л. П. Семёнов активно вовлекал студентов в полевые археологические исследования. Под его руководством более десяти выпускников-филологов успешно защитили кандидатские диссертации. Среди тех, кто считал себя учеником талантливого исследователя, был и выдающийся археолог-кавказовед Е. И. Крупнов.

Он характеризовал деятельность своего наставника следующими словами: «Особенно плодотворной была его работа в области археологии и этнографии Северной Осетии и Чечено-Ингушетии… Ему принадлежит первое место среди советских археологов, изучавших памятники материальной культуры, непосредственно уже связанные с предками осетин и ингушей. Это – жилые и боевые башни, могильники, наземные склепы, храмы, святилища и другие культовые места. И в полевом изучении, и в историческом освещении всех этих памятников, особенно нагорной полосы Северной Осетии и Ингушетии, Л. П. Семенову бесспорно принадлежит ведущая роль» [8, с. 332].

Отдельного упоминания заслуживает круг научного общения Л. П. Семёнова, отражающий широту его интеллектуальных свя-

[1] Название Сталинири (Сталинир) с 1934 по 1961 гг. носил город Цхинвал, ныне столица Южной Осетии.– *Примеч. ред.*

Рис. 11. Л. П. Семёнов с известным философом Алексеем Федоровичем Лосевым и племянницей Азой Алибековной Тахо-Годи (лето 1954 г., Владикавказ) [60]
Fig. 11. Leonid Semyonov with the renowned philosopher Alexei Losev and his niece Aza Takho-Godi (summer 1954, Vladikavkaz) [60]

зей. Дом исследователя во Владикавказе стал местом встреч выдающихся представителей науки и культуры. Здесь в 1908–1912 гг. воспитывался, а в 1918–1919 гг. проживал государственный деятель Дагестана А. А. Тахо-Годи, впоследствии член ВЦИК и автор исторических трудов, он приходился мужем сестре ученого Нине. В 1954 г. в этом доме гостил философ А. Ф. Лосев, чьей спутницей жизни и хранительницей наследия стала племянница Леонида Петровича – Аза Тахо-Годи (Рис. 11).

В мае 1925 г. семёновский дом на Осетинской улице принял выдающегося гостя – норвежского путешественника Фритьофа Нансена, лауреата Нобелевской премии мира (1922) и почетного члена Академии наук СССР. Знаменитого исследователя на вокзале встречал нарком просвещения Дагестана Алибек Тахо-Годи, который и сопроводил его в дом родственников, где Ф. Нансен провел два дня перед отъездом в Махачкалу [51, с. 203].

Научные заслуги Л. П. Семёнова отмечены высшими государственными наградами, включая орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, Знак Почета и медали. Ученому было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Северо-Осетинской АССР. Даже после выхода на пенсию в 1951 г. Л. П. Семёнов продолжал активную работу в качестве члена ученых советов Северо-Осетинского научно-исследовательского и Педагогического институтов, а также руководил подготовкой аспирантов [4].

Леонид Петрович скончался 2 апреля 1959 г. и был погребен в пантеоне церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Осетинской горке во Владикавказе [52] (Рис. 12). В некрологе, подготовленном Е. И. Крупновым, подчеркивалось: «Своими исследованиями профессор Л. П. Семенов внес неоценимый вклад в изучение духовной культуры осетинского, ингушского и других народов Северного Кавказа» [8, с. 333].

* * *

Результаты и выводы. Научная новизна представленного исследования определяется комплексным введением в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных материалов из личного фонда Л. П. Семёнова и сопутствующих архивных собраний. Впервые систематически проанализированы полевые дневники экспедиций 1924–1932 гг., содержащие детальные научные описания археологических памятников, зачастую утраченных к настоящему времени. Установлены хронология и географические маршруты многочисленных экспедиционных выездов ученого, реконструирована методика его полевых работ и выявлена эволюция научных подходов к изучению материальной культуры Северного Кавказа.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что научная деятельность Л. П. Семёнова характеризовалась уникальным синтезом различных методологических подходов. Соединяя традиции дореволюционной академической школы с задачами советского краеведения, ученый разработал комплексную методику изучения историко-культурного наследия, органично сочетавшую археологические, этнографические, архитектурные и фольклорные исследования. Этот междисциплинарный подход позволил ему создать целостную картину исторического развития народов Центрального Кавказа. Археолого-этнографические экспедиции под руководством Л. П. Семёнова в 1920–1930-е гг.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2025 NO. 2

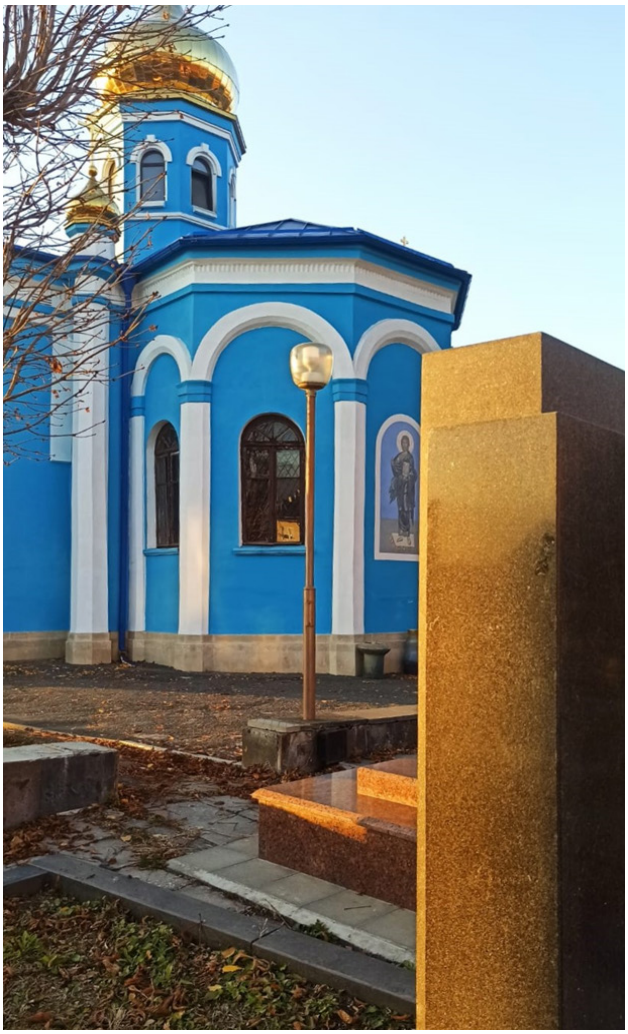


Рис. 12. Памятник на могиле Л. П. Семёнова в Пантеоне Церкви Рождества Пресвятой Богородицы (фото автора, 2024 г.)

Fig. 12. Monument on Leonid Semyonov's grave in the Pantheon of the Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary (photo by the author, 2024)

охватили районы Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и приграничные территории Грузии, при этом разработанные им типологии погребальных сооружений, культовых памятников и оборонительной архитектуры сохраняют свою научную значимость и в настоящее время.

Важнейшим результатом работы стало документальное подтверждение фундаментального вклада ученого в изучение процессов культурного взаимодействия на Кавказе. Л. П. Семёновым впервые установлены хронологические рамки распространения христианства в горной Ингушетии, выявлены механизмы грузинско-вайнахских культурных контактов, обнаружены убедительные свидетельства существования русско-северокавказских связей уже в XI–XII вв. Особую ценность представляют его выводы о религиозном синкретизме и длительной преемственности погребальных традиций, прослеженной от кобанской эпохи до позднего средневековья. Не менее значительной была организационная деятельность Л. П. Семёнова в Северо-Кавказском институте краеведения и его преемниках. Работа по подготовке национальных кадров, созданию музейных коллекций и разработка методов полевых исследований оказала определяющее влияние на становление советского кавказоведения.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении сравнительного анализа методик полевых исследований Л. П. Семёнова и его современников, что позволит более полно реконструировать процесс становления советской археологической школы. Цифровая обработка и картографирование экспедиционных материалов ученого с использованием современных геоинформационных технологий откроют новые возможности для пространственного анализа археологических памятников. Актуальной задачей остается подготовка комментированного издания полевых дневников и отчетов, а также изучение роли ученого в формировании музейных коллекций Северного Кавказа. Значительный научный потенциал содержит анализ его вклада в развитие академических традиций в условиях институциональных трансформаций 1920–1930-х гг.

Проведенное исследование подтвердило, что научное наследие Л. П. Семёнова не только представляет собой историографическую ценность, но и продолжает оставаться действенным методологическим ресурсом для современных исследований истории и культуры народов Кавказа. Введенные в научный оборот архивные материалы значительно дополняют существующие представления о масштабе и содержании полевых исследований 1920–1930-х гг., а документация памятников, впоследствии разрушенных или утраченных в ходе хозяйственного освоения территории, приобретает характер уникального исторического источника.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Galina N. KERTSEVA
Cand. Sci. (Archaeology), Docent,
Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia–Alania,
Vladikavkaz, Russian Federation
gal.volnaya@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7747-1770

Researcher, Scientific Organizer, Teacher: Leonid Semyonov's Contribution to the Archaeological and Ethnographic Study of the North Caucasus (1920s–1930s)

Abstract. This study aims to establish the scholarly significance of the field ethnographic and archaeological research conducted by Leonid Petrovich Semyonov in the North Caucasus during the 1920s and 1930s. The research is based on a corpus of previously unpublished archival materials introduced into scholarly discourse for the first time. The primary sources are documents from Professor Semyonov's personal fond stored in the Central State Archive of the Republic of North Ossetia–Alania, including field diaries and expedition reports from 1924–1932. These are supplemented by materials from the Scientific Archive of the Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (reports on excavations in the Koban Gorge) and the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg (documents on archaeological and ethnographic surveys). The research methodology is based on a combination of historical-biographical, source studies, and comparative-historical methods. The study is structured according to a problem-chronological framework. The initial stage analyzes Semyonov's formation as a scholar, demonstrating the influence of the Kharkiv historical school, with its strong archaeological component, and the local history interests of his father. The central part of the study provides a detailed reconstruction of his field research from 1924 to 1932. Using archival materials, the author traces Semyonov's expedition routes across North Ossetia, Ingushetia, Chechnya, and parts of Georgia. Particular attention is paid to his methods of documenting archaeological and ethnographic sites, many of which are now lost. Semyonov's role as an organizer of science at the North Caucasian Institute of Local Lore and its successor institutions is also examined. The final stage of the research is dedicated to a comprehensive assessment of Semyonov's contribution to the training of national scholarly personnel and the development of museum studies in the North Caucasus. It is established that Semyonov's scholarly legacy, characterized by a unique synthesis of archaeology and ethnography, laid the foundations for Soviet Caucasian studies. His field materials, which document numerous since-lost monuments of material and spiritual culture, constitute a unique source that retains its scholarly relevance today. The archival documents introduced herein not only confirm the scholar's fundamental contribution to the study of cultural interaction in the Caucasus but also represent an invaluable resource for contemporary historical and cultural reconstructions.

Keywords: Leonid Semyonov, Ivan Shcheblykin, North Ossetia, Ingushetia, Chechnya, North Caucasus archaeology, North Caucasus ethnography, Nart studies.

Литература:

1. Абдулвахабова Б. Б.-А. Начало археологического изучения горского костюма // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 32–33.
2. Бараниченко Н. Н. Вклад Л. П. Семёнова в исследование доисламских верований вайнахов // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-

References:

1. Abdulvakhabova, B.B.-A. (1986) Nachalo arkheologicheskogo izucheniya gorskogo kostyuma [The Beginning of the Archaeological Study of Mountain Costume]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp.32–33.

кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 11–12.

3. Бараниченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: дис. … канд. ист. наук. Грозный, 1985. 259 с.

4. Виноградов В. Б. Леонид Петрович Семёнов (к 100-летию со дня рождения) // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 3–6.

5. Голованова С. А. Л. П. Семёнов о ранних русско-северокавказских связях // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 14–16.

6. История Северо-Осетинской АССР / отв. ред. С. К. Бушуев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 1. 334 с.

7. Керцева Г. Н. Археологические экспедиции Северо-Осетинского научно-исследовательского института и их роль в выявлении и сохранении объектов культурного наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия / отв. ред. И. И. Горлова. Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 147–160.

8. Крупнов Е. И. Леонид Петрович Семёнов // Советская археология. 1959. № 4. С. 331–333.

9. Крупнов Е. И. Рецензия на: Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XII. Дзауджикау: ГИЗ Северо-Осетинской АССР, 1948. 256 с. // Советская этнография. 1950. № 4. С. 212–213.

10. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 208 с.

11. Мамаев Х. М. Л. П. Семёнов как исследователь раннесредневековых погребальных памятников Центрального Кавказа // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.)) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 24–26.

12. Махмудова К. З., Умарова Л. Х. К изучению мемуарной литературы первой половины XIX в. о Чечне и чеченцах // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 33–34.

13. Мужухоев М. Б. Л. П. Семёнов и вопросы этнической истории Центрального Кавказа // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 26–27.

14. Нарожный Е. И. Об исторических реалиях в одном фольклорном сюжете Л. П. Семёнова // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: [б.и.], 1986. С. 30–32.

15. Нарожный Е. И., Виноградов В. Б. Леонид Петрович Семёнов (1886–1959) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2003. № 2. С. 265–270.

2. Baranichenko, N.N. (1986) Vklad L. P. Semyonova v issledovanie doislamskikh verovaniy vaynakhov [L. P. Semyonov's Contribution to the Study of Pre-Islamic Beliefs of the Vainakhs]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 11–12.

3. Baranichenko, N.N. (1985) *Doislamskie verovaniya i kul'ty v istoricheskikh sistemakh obshchestvennykh otnosheniy vaynakhov* [Pre-Islamic Beliefs and Cults in the Historical Systems of Social Relations of the Vainakhs]. History Cand. Diss. Grozny. 259 p.

4. Vinogradov, V.B. (1986) Leonid Petrovich Semyonov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Leonid Petrovich Semyonov (On the 100th Anniversary of His Birth)]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 3–6.

5. Golovanova, S.A. (1986) L. P. Semyonov o rannikh russko-severokavkazskikh svyazyakh [L. P. Semyonov on Early Russian-North Caucasian Relations]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 14–16.

6. Bushuyev, S.K. (ed.) (1959) *Istoriya Severo-Osetinskoy ASSR* [History of the North Ossetian ASSR]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 334 p.

7. Kertseva, G.N. (2018) Arkheologicheskie ekspeditsii Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta i ikh rol' v vyyavlenii i sokhranenii ob"ektov kul'turnogo naslediya [Archaeological Expeditions of the North Ossetian Research Institute and Their Role in Identifying and Preserving Cultural Heritage Sites]. In: Gorlova, I.I. (ed.) *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya* [Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for Interethnic Harmony]. Krasnodar: Ekoinvest. pp. 147–160.

8. Krupnov, E.I. (1959) Leonid Petrovich Semyonov [Leonid Petrovich Semyonov]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 331–333.

9. Krupnov, E.I. (1950) Retsenziya na: "Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta". T. XII. Dzaudzhikau: GIZ Severo-Osetinskoy ASSR, 1948. 256 s. [Review of: "Proceedings of the North Ossetian Research Institute". Vol. XII. Dzaudzhikau: State Publishing House of the North Ossetian ASSR, 1948. 256 p.]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 212–213.

10. Krupnov, E.I. (1971) *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. Moscow: Nauka. 208 p.

11. Mamaev, Kh.M. (1986) L. P. Semyonov kak issledovatel' rannesrednevekovykh pogrebal'nykh pamyatnikov Tsentral'nogo Kavkaza [L. P. Semyonov as a Researcher of Early Medieval Burial Sites of the Central Caucasus]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 24–26.

16. Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НАИММК РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 169.

17. Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НАИММК РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 181.

18. Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НАИММК РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 189.

19. Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НАИММК РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 210.

20. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НАИСОИГСИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 3.

21. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НАИСОИГСИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 96.

22. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НАИСОИГСИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 264.

23. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за все время его существования (28 апреля 1919–1 марта 1925 г.) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2007. Вып. 1 (40). С. 146–192.

24. Патиев Я. Леонид Семёнов – исследователь ингушской истории. К 130-летию со дня рождения [Электронный ресурс] // Сердало. 2016. № 80–81. URL: https://magas.bezformata.com/listnews/semenov-issledovatel-ingushskoj/47225718/ (дата обращения: 20.11.2024).

25. Петровская И. Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. 382 с.

26. Пономарева И. З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1975. Вып. XI. С. 3–18.

27. Савенко С. Н. Представители столичных и провинциальных археологических школ и зачинатели местных научных сообществ центральных районов Северного Кавказа в 1920–1940-е годы // У истоков советских археологических школ (1918–1950): материалы VII Междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: Институт археологии Рос. акад. наук, 2023. С. 62–63.

28. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925–27 гг. Владикавказ: Ингушский науч.-исслед. ин-т краеведения, 1928. 32 с.

29. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1929. Вып. 1. С. 1–32.

30. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963. 160 с.

31. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1930. Вып. 2–3. С. 365–410.

32. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930–1932 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1936. Т. 4, Вып. 2. С. 144–191.

12. Makhmudova, K.Z. & Umarova, L. Kh. (1986) K izucheniyu memuarnoy literatury pervoy poloviny XIX v. o Chechne i chechentsakh [On the Study of Memoir Literature of the First Half of the 19th Century about Chechnya and Chechens]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 33–34.

13. Muzhukhoev, M.B. (1986) L. P. Semyonov i voprosy etnicheskoy istorii Tsentral'nogo Kavkaza [L. P. Semyonov and Issues of Ethnic History of the Central Caucasus]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 26–27.

14. Narozhnyy, E.I. (1986) Ob istoricheskikh realiyakh v odnom fol'klornom syuzhete L. P. Semyonova [On Historical Realities in One Folklore Plot by L. P. Semyonov]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 30–32.

15. Narozhnyy, E.I. & Vinogradov, V.B. (2003) Leonid Petrovich Semyonov (1886–1959) [Leonid Petrovich Semyonov (1886–1959)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza*. 2. pp. 265–270.

16. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (NA IIMK RAN). Fund 2. Inventory 1. Item 169.

17. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (NA IIMK RAN). Fund 2. Inventory 1. Item 181.

18. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (NA IIMK RAN). Fund 2. Inventory 1. Item 189.

19. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (NA IIMK RAN). Fund 2. Inventory 1. Item 210.

20. Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named after V. I. Abaev (NA SOIGSI). Fund 6. Inventory 1. Item 3.

21. Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named after V. I. Abaev (NA SOIGSI). Fund 6. Inventory 1. Item 96.

22. Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named after V. I. Abaev (NA SOIGSI). Fund 6. Inventory 1. Item 264.

23. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy*. (2007) Otchety o deyatel'nosti Osetinskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva za vse vremya ego sushchestvovaniya (28 aprelya 1919–1 marta 1925 g.) [Reports on the Activities of the Ossetian Historical-Philological Society for the Entire Period of Its Existence (April 28, 1919 – March 1, 1925)]. 1 (40). pp. 146–192.

24. Patiev, Ya. (2016) Leonid Semyonov – issledovatel' ingushskoy istorii. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya [Leonid Semyonov – Researcher of Ingush History. On the 130th Anniversary of His Birth]. *Serdalo*. 80–81. [Online]

33. Семёнов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1935. Т. 4. Вып. 2. С. 143–191.

34. Семёнов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1952. Вып. 46. С. 110–121.

35. Семёнов Л. П. Государственный Научный музей гор. Владикавказа при Северо-Кавказском Институте краеведения. Владикавказ: Сев.-Кавк. ин-т краеведения, 1925. 23 с.

36. Семёнов Л. П. Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осетинск. АССР, 1947. 24 с.

37. Семёнов Л. П. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. 56 с.

38. Семёнов Л. П. Ингушская и чеченская народная словесность. Владикавказ: б.и., 1928. 30 с.

39. Семёнов Л. П. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. 19. С. 166–172.

40. Семёнов Л. П., Кастуев А. Г. Музей краеведения Северной Осетии. (1897–1947). Дзауджикау: Госиздат Сев.-Осетин. АССР, 1947. 87 с.

41. Семёнов Л. П. Мавзолей Борга-Каш. Владикавказ: Ингуш. науч.-исслед. ин-т краеведения, 1928. 18 с.

42. Семёнов Л. П. Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Владикавказ: б.и., 1930. С. 3–20.

43. Семёнов Л. П. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Дзауджикау: Гос. изд-во Северной Осетии, 1949. С. 48–79.

44. Семёнов Л. П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос: материалы совещания 16–20 октября 1956 г. / Под ред. В. И. Абаева и др. Орджоникидзе: Осетин. кн. изд-во, 1957. С. 82–90.

45. Семёнов Л. П. Памятник древнего культа осетин (бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 23 / Под ред. Е. И. Крупнова. М.: Наука, 1951. С. 140–143.

46. Семёнов Л. П. Работа Северо-Кавказского Института краеведения в области этнографии Северного Кавказа (краткая информация) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 307.

47. Семёнов Л. П., Тедтоев А. А. Город Орджоникидзе (краткий исторический очерк). Орджоникидзе: Северо-Осетин. кн. изд-во, 1957. 150 с.

48. Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 57. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 60–68.

49. Семенов Л. П Эволюция ингушских святилищ // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928. Т. 4. С. 454–462.

50. Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. 692 с.

Available from: https://magas.bezformata.com/listnews/semenov-issledovatel-ingushskoj/47225718/ (Accessed: 20.11.2024).

25. Petrovskaya, I.F. (2010) *Biografika: vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedeniy o deyatelyakh Rossii 1801–1917 godov* [Biographical Studies: Introduction to the Science and Review of Sources of Biographical Information about Figures of Russia 1801–1917]. St. Petersburg: Petropolis. 382 p.

26. Ponomareva, I.Z. (1975) Iz istorii Checheno-Ingushskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya [From the History of the Chechen-Ingush Republican Museum of Local Lore]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya*. XI. pp. 3–18.

27. Savenko, S.N. (2023) Predstaviteli stolichnykh i provintsial'nykh arkheologicheskikh shkol i zachinateli mestnykh nauchnykh soobshchestv tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza v 1920–1940-e gody [Representatives of Capital and Provincial Archaeological Schools and Founders of Local Scientific Communities in the Central Regions of the North Caucasus in the 1920s-1940s]. In: Sorokina, I.A. (ed.) *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950)* [At the Origins of Soviet Archaeological Schools (1918–1950)]. Moscow: RAS Institute of Archeology. pp. 62–63.

28. Semyonov, L.P. (1928) *Arkheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Ingushetii v 1925–27 gg.* [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia in 1925–27]. Vladikavkaz: Ingushskiy nauch.-issled. in- t kraevedeniya. 32 p.

29. Semyonov, L.P. (1929) Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925–1927 gg. [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia in 1925–1927]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. 1. pp. 1–32.

30. Semyonov, L.P. (1963) *Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925–1932 gg.* [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia in 1925–1932]. Grozny: Checheno-Ingush. kn. izd-vo. 160 p.

31. Semyonov, L.P. (1930) Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1928 i 1929 gg. [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia in 1928 and 1929]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. 2–3. pp. 365–410.

32. Semyonov, L.P. (1936) Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1930–1932 gg. [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia in 1930–1932]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. 4 (2). pp. 144–191.

33. Semyonov, L.P. (1935) Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii [Archaeological and Ethnographic Research in Ingushetia]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. 4 (2). pp. 143–191.

34. Semyonov, L.P. (1952) Arkheologicheskie razvedki v Assinskom ushchele [Archaeological Reconnaissance in the Assa Gorge]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 46. pp. 110–121.

35. Semyonov, L.P. (1925) *Gosudarstvennyy Nauchnyy muzey gor. Vladikavkaza pri Severo-Kavkazskom Institute kraevedeniya* [State Scientific Museum of Vladikavkaz at the North Caucasian Institute of Local Lore]. Vladikavkaz: Sev.-Kavk. in- t kraevedeniya. 23 p.

51. Тахо-Годи Е. А. Леонид Семёнов: к истории несостоявшейся литературной репутации // Литературный факт. 2018. № 9. С. 197–227.

52. Ужахов Б. М. 135 лет со дня рождения исследователя ингушской истории и культуры Семёнова Леонида Петровича [Электронный ресурс] // Государственная архивная служба Республики Ингушетия. URL: https://archive06.ru/135-let-so-dnya-rozhdeniya-issledovatelya-in/ (дата обращения: 20.11.2024).

53. Фрадкин В. З. Харьковское историко-филологическое общество (1877–1919 гг.) // История и историки: историографический ежегодник / Отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1982. С. 223–248.

54. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСОА). Ф. 12. Оп. 2. Д. 49.

55. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСОА). Ф. 781. Оп. 1. Д. 60.

56. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСОА). Ф. 781. Оп. 1. Д. 130.

57. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСОА). Ф. 781. Оп. 1. Д. 131.

58. Цибиров Г. И. Вклад Л. П. Семёнова в развитие отечественного кавказоведения // V Всероссийские Миллеровские чтения: материалы научной конференции (Владикавказ,20–22 октября 2016 г.) / Под ред. З. В. Кануковой. Владикавказ: Северо-Осетин. ин-т гуманитар. и социальн. исслед. им. В. И. Абаева Владикавказ науч. центра Рос. акад. наук, 2016. С. 363–367.

59. Чахкиев Д. Ю. Роль Л. П. Семёнова в изучении вопросов военного дела позднесредневековых вайнахов // Материалы респ. науч.-практ. конф. «Л. П. Семёнов профессор-кавказовед, ученый-интернационалист» (Грозный, 30 мая 1986 г.) / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: б.и., 1986. С. 29–30.

60. Шеваров Д. Встретимся в Нескучном саду [Электронный ресурс] // Год литературы. URL: https://godliteratury.ru/articles/2022/12/07/vstretimsia-v-neskuchnom-sadu (дата обращения: 11.10.2024).

36. Semyonov, L.P. (1947) *Iz istorii goroda Dzaudzhikau* [From the History of the City of Dzaudzhikau]. Dzaudzhikau: Gos. izd-vo Sev.-Osetinsk. ASSR. 24 p.

37. Semyonov, L.P. (1952) *Iz istorii raboty muzeya kraevedeniya Severo-Osetinskoy ASSR po izucheniyu pamyatnikov material'noy kul'tury Severnoy Osetii* [From the History of the Work of the Museum of Local Lore of the North Ossetian ASSR on the Study of Material Culture Monuments of North Ossetia]. Dzaudzhikau: Gos. izd-vo Sev.-Oset. ASSR. 56 p.

38. Semyonov, L.P. (1928) *Ingushskaya i chechenskaya narodnaya slovesnost'* [Ingush and Chechen Folk Literature]. Vladikavkaz: [s.n.] 30 p.

39. Semyonov, L.P. (1957) K voprosu o proiskhozhdenii osetinskogo nartskogo eposa [On the Origin of the Ossetian Nart Epic]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. 19. pp. 166–172.

40. Semyonov, L.P. & Kastuev, A.G. (1947) *Muzey kraevedeniya Severnoy Osetii. (1897–1947)* [Museum of Local Lore of North Ossetia. (1897–1947)]. Dzaudzhikau: Gosizdat Sev.-Osetin. ASSR. 87 p.

41. Semyonov, L.P. (1928) *Mavzoley Borga-Kash* [The Borga-Kash Mausoleum]. *Vladikavkaz*: Ingush. nauch.-issled. in-t kraevedeniya. 18 p.

42. Semyonov, L.P. (1930) Nartskie pamyatniki v fol'klore ingushey i osetin [Nart Monuments in the Folklore of Ingush and Ossetians]. In: *Sbornik nauchnogo obshchestva etnografii, yazyka i literatury pri Gorskom pedagogicheskom institute* [Collection of the Scientific Society of Ethnography, Language and Literature at the Gorsk Pedagogical Institute]. Vladikavkaz: b.i. pp. 3–20.

43. Semyonov, L.P. (1949) Nartskie pamyatniki Severnoy Osetii [Nart Monuments of North Ossetia]. In: *Nartskiy epos* [The Nart Epic]. Dzaudzhikau: Gos. izd-vo Severnoy Osetii. pp. 48–79.

44. Semyonov, L.P. (1957) Nartskiy epos i pamyatniki material'noy kul'tury [The Nart Epic and Material Culture Monuments]. In: Abaev, V.I. et al. (eds.) *Nartskiy epos: materialy soveshchaniya 16–20 oktyabrya 1956 g.* [The Nart Epic: Proceedings of the Conference 16–20 October 1956]. Ordzhonikidze: Osetin. kn. izd-vo. pp. 82–90.

45. Semyonov, L.P. (1951) Pamyatnik drevnego kul'ta osetin (bronzovaya golova idola iz okrestnostey seleniya Nar) [Monument of Ancient Ossetian Cult (Bronze Head of an Idol from the Vicinity of the Village of Nar)]. In: Krupnov, E.I. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archeology of the USSR]. Issue 23. Moscow: Nauka. pp. 140–143.

46. Semyonov, L.P. (1926) Rabota Severo-Kavkazskogo Instituta kraevedeniya v oblasti etnografii Severnogo Kavkaza (kratkaya informatsiya) [The Work of the North Caucasian Institute of Local Lore in the Field of Ethnography of the North Caucasus (Brief Information)]. *Etnografiya*. 1–2. p. 307.

47. Semyonov, L.P. & Tedtoev, A.A. (1957) *Gord Ordzhonikidze (kratkiy istoricheskiy ocherk)* [The City of Ordzhonikidze (A Brief Historical Outline)]. Ordzhonikidze: Severo-Osetin. kn. izd-vo. 150 p.

48. Semyonov, L.P. (1955) Shlemy iz Severnoy Osetii [Helmets from North Ossetia]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury*. 57. pp. 60–68.

49. Semyonov, L.P. (1928) Evolyutsiya ingushskikh svyatilishch [Evolution of Ingush Sanctuaries]. *Trudy sektsii*

arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniya RANION. 4. pp. 454–462.

50. Takho-Godi, A.A. (2009) *Zhizn' i sud'ba: Vospominaniya* [Life and Fate: Memoirs]. Moscow: Molodaya gvardiya. 692 p.

51. Takho-Godi, E.A. (2018) Leonid Semyonov: k istorii nesostoyavsheysya literaturnoy reputatsii [Leonid Semyonov: On the History of a Failed Literary Reputation]. *Literaturnyy fakt*. 9. pp. 197–227.

52. Uzhakhov, B.M. (2024) *135 let so dnya rozhdeniya issledovatelya ingushskoy istorii i kul'tury Semyonova Leonida Petrovicha* [135th Anniversary of the Birth of Leonid Petrovich Semyonov, Researcher of Ingush History and Culture]. [Online] Available from: https://archive06.ru/135-let-so-dnya-rozhdeniya-issledovatelya-in/ (Accessed: 20.11.2024).

53. Fradkin, V.Z. (1982) Khar'kovskoe istoriko-filologicheskoe obshchestvo (1877–1919 gg.) [Kharkov Historical-Philological Society (1877–1919)]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy ezhegodnik* [History and Historians: Historiographical Yearbook]. Moscow: Nauka. pp. 223–248.

54. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (TSGARSOA). Fund 12. Inventory 2. Item 49.

55. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (TSGARSOA). Fund 781. Inventory 1. Item 60.

56. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (TSGARSOA). Fund 781. Inventory 1. Item 130.

57. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (TSGARSOA). Fund 781. Inventory 1. Item 131.

58. Tsibirov, G.I. (2016) Vklad L. P. Semyonova v razvitie otechestvennogo kavkazovedeniya [L. P. Semyonov's Contribution to the Development of National Caucasian Studies]. In: Kanukova, Z.V. (ed.) *V Vserossiyskie Millerovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii (Vladikavkaz,20–22 oktyabrya 2016 g.)* [V All-Russian Miller Readings: Proceedings of a Scientific Conference (Vladikavkaz, October 20–22, 2016)]. Vladikavkaz: Severo-Osetin. in- t gumanitar. i sotsialn. issled. im. V. I. Abaeva Vladikavkaz nauch. tsentra Ros. akad. nauk. pp. 363–367.

59. Chakhkiyev, D. Yu. (1986) Rol' L. P. Semyonova v izuchenii voprosov voennogo dela pozdnesrednevekovykh vaynakhov [The Role of L. P. Semyonov in the Study of Military Affairs of the Late Medieval Vainakhs]. In: Vinogradov, V.B. (ed.) *Materialy resp. nauch.-prakt. konf. "L. P. Semyonov professor-kavkazoved, uchenyy-internatsionalist"* [Proceedings of the Republican Conference "L. P. Semyonov: Professor-Caucasologist, Scientist-Internationalist"]. Grozny: [s.n.]. pp. 29–30.

60. Shevarov, D. (2022) *Vstretimsya v Neskuchnom sadu* [Let's Meet in Neskuchny Sad]. [Online] Available from: https://godliteratury.ru/articles/2022/12/07/vstretimsia-v-neskuchnom-sadu (Accessed: 11.10.2024).

Потенциальный конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure
The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Керцева Г. Н. Исследователь, организатор науки, педагог: вклад Л. П. Семёнова в археологическое и этнографическое изучение Северного Кавказа (1920–1930-е годы) // Наследие веков. 2025. № 2. С. 104–128. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.007.

For citation:

Kertseva, G.N. (2025) Researcher, Scientific Organizer, Teacher: Leonid Semyonov's Contribution to the Archaeological and Ethnographic Study of the North Caucasus (1920s–1930s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 104–128. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.007

Поступила в редакцию / The article was submitted 26.12.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.04.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 15.05.2025
Опубликована / Published 30.06.2025

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (42) 2025

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредители: ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева»;
АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»
Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»
Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: *ii.gorlova@gmail.com*
Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5
Телефон: +7 (861) 268-22-98
E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com
Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.
Регистрационное удостоверение: ЭЛ № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.
Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.
Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков
Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov
Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна В.Д. Поленова "Московский дворик" (1878), холст, масло; 64,5 × 80,1 см. Государственная Третьяковская галерея (инв. № 2670).

Дизайн сайта http://heritage-magazine.com:
Т. В. Коваленко, А. В. Крюков
Верстка html-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн pdf-версии журнала:
Т. В. Коваленко, А. В. Крюков
Компьютерная верстка pdf-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко
Редактура текстов статей:
М. В. Шаройко
Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:
М. В. Шаройко, А. В. Крюков
Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур
Редактура аннотаций на английском языке:
В. В. Кашпур

Издание индексируется:
- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).
Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593
- в системе Google Scholar.
Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5
Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**.

Номер сверстан: 29. 06.2025
Размещен в сети Интернет: 30.06.2025
Гарнитура: Cambria
Формат: 210x297 (60x84/8)
Усл. печ. л.: 14,7
Уч.-изд. л.: 13,8
Размер полного файла номера: 11,4Mb

© Наследие Веков
© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»
© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»